

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ (МИНОБРНАУКИ РОССИИ)

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Д.В. Шмуратко, К.В. Моряхина

ЭТНОГЕНЕЗ НАРОДОВ УРАЛА: ЭПОХА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)

Учебное пособие

*Направление подготовки: 44.03.05 – «Педагогическое образование
(с двумя профилями подготовки)»*

*Профили – «История и обществознание», «История и дополнительное
образование (музейно-экскурсионная деятельность)»*

Уровень высшего образования – бакалавриат

Пермь
ПГГПУ
2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Д.В. Шмуратко, К.В. Моряхина

**ЭТНОГЕНЕЗ НАРОДОВ УРАЛА:
ЭПОХА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)**

Учебное пособие

*Направление подготовки: 44.03.05 – «Педагогическое образование
(с двумя профилями подготовки)»*

*Профили – «История и обществознание», «История и дополнительное
образование (музейно-экскурсионная деятельность)»*

Уровень высшего образования – бакалавриат

Пермь
ПГГПУ
2019

УДК 903;39(470.5)
ББК Т529(236)
Ш 754

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор ПГГПУ *А.М. Белавин*;
доктор исторических наук, профессор БГПУ *В.А. Иванов*

Авторы:

кандидат исторических наук, доцент *Д.В. Шмуратко*;
кандидат исторических наук, ассистент *К.В. Моряхина*

Шмуратко, Д.В.

Ш 754 Этногенез народов Урала: эпоха раннего средневековья (по данным археологии): учебное пособие. Направление подготовки: 44.03.05 – «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)». Профили – «История и обществознание», «История и дополнительное образование (музейно-экскурсионная деятельность)». Уровень высшего образования – бакалавриат / Д.В. Шмуратко, К.В. Моряхина; Перм. гос. гуманитарно-пед. ун-т. – Пермь, 2019. – 50 Mb – 1 электрон. опт. диск (CD ROM); 12 см. – Систем. требования: ПК, процессор Intel(R) Celeron(R) и выше, частота 2.80 ГГц; монитор SuperVGA с разреш. 1280x1024, отображ. 256 и более цветов; 1024 Mb RAM; Windows XP и выше; Adobe Reader 8.0 и выше; CD-дисковод, клавиатура, мышь.

ISBN 978-5-85219-056-7

Учебное пособие составлено в соответствии с требованиями ФГОС ВО по направлению подготовки 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)», направленность (профиль) «История и обществознание», «История и дополнительное образование (музейно-экскурсионная деятельность)».

Данное пособие обеспечивает дисциплину «Этногенез народов Урала» на очном и заочном отделении. Усвоение содержания данной дисциплины способствует формированию у студентов таких компетенций, как ПК-12, СК-2 (ФГОС ВО) / ПКО-3 (ФГОС ВО 3++).

Изложены вопросы, связанные с процессом этногенеза пермской группы финно-угорских народов (коми-пермяков, коми-зырян и удмуртов). В первой половине I тыс. н.э. на территории Евразии, в том числе Приуралья, происходит серия крупных миграций, известных под общим названием «Великое переселение народов». Можно говорить о том, что современная этническая карта мира во многом является производной от процессов, происходивших в эту эпоху. Именно поэтому в данном учебном пособии уделяется внимание описанию археологических культур, сложившихся в Приуралье в первой половине I тыс. н.э.

Издание адресовано бакалаврам.

УДК 903;39(470.5)
ББК Т529(236)

Издается по решению учебно-методического совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

ISBN 978-5-85219-056-7

© Шмуратко Д.В., Моряхина К.В., 2019
© ФГБОУ ВО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Постпьяноборский культурный кластер — автохтонные традиции Прикамья	11
1.1. Памятники пьяноборского (позднегляденовского) времени Верхнего и Среднего Прикамья.....	11
1.2. Мазунинская археологическая культура.....	20
1.3. Бахмутинская археологическая культура	31
1.4. Азелинская археологическая культура.....	39
Глава 2. «Позднесарматский» культурный кластер – степные традиции Южного Приуралья	48
2.1. Турбаслинская археологическая культура	48
2.2. Позднесарматская археологическая культура	59
Глава 3. «Харинский» культурный кластер — интеграция традиций леса и степи в Прикамье	72
3.1. Памятники харинского типа (ломоватовская археологическая культура) ..	72
3.2. Неволинская археологическая культура	88
3.3. Памятники тураевского типа	99
Глава 4. Саргатский культурный кластер — «угорский» этнокультурный компонент на территории Прикамья	113
Глава 5. Именьковский культурный кластер — «славянский» этнокультурный компонент на территории Прикамья	123
Заключение	133
Глоссарий	137

Введение

Вопросы этнической истории, особенно касающиеся ранних этапов возникновения этносов, относятся к числу самых сложных и дискуссионных. Особенно остро они стоят в ситуациях полного отсутствия или крайней скудости письменных источников. В подобных условиях изучение процессов возникновения и развития этносов оказывается возможным только с привлечением археологического, этнографического и лингвистического материала. Однако ни археология, ни этнография, ни лингвистика, ни какая бы то ни было другая наука самостоятельно решить вопрос о возникновении этноса не может. Дело в том, что этнос сам по себе очень сложное и многогранное явление. С одной стороны, этносы четко фиксируются сознанием исследователя, а с другой – оказываются неуловимы при попытках их формализации и «теоретизирования».

Вопрос о сущности и природе этноса до сих пор остается в числе неразрешенных фундаментальных задач гуманитарной науки. Впервые научное определение понятию этнос дал в 1922 г. российский ученый Сергей Михайлович Широкогоров: *«Этнос — есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличаемых ею от таковых других групп»*. Таким образом, С.М. Широкогоров заложил традицию, создал некий «шаблон» определения понятия «этнос» через родовую принадлежность и видовые отличия. Большинство определений строится именно по этому принципу. Этнос — это группа людей, но не любая, а обладающая определенными признаками («этническими признаками») — общий язык, единое происхождение, схожая культура. По этим признакам данная группа противопоставляет себя другим подобным группам по принципу «свои»–«чужие». Далее спор исследователей будет вестись исключительно вокруг перечня и числа этих «этнических признаков». К примеру, Макс Вебер в своем определении этноса подчеркнул важность внешнего антропологического сходства членов одной этнической группы и при этом не придал значения единству языка. *«Этнические группы — те человеческие группы, которые разделяют субъективную веру в свое общее происхождение по причине сходства физического типа или обычаев, или тех и других, или из-за воспоминаний о колонизации и миграциях»*. Однако классическим определением этноса является то, которое дал Юлиан Владимирович Бромлей: *«Этнос — исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)»*. Именно это определение этноса можно найти в большинстве учебников, словарей и энциклопедий. Чем же так примечательно определение Ю.В. Бромлея? Дело в том, что в нем исследователь впервые обратил внимание на важный существенный признак этноса, о котором не говорили другие авторы. Этим признаком этноса оказалось *самосознание*, то есть само отождествление

себя с конкретной этнической группой. Я – русский или коми-пермяк не по тому, что говорю на русском или коми-пермяцком языке, а потому, что осознаю свою принадлежность к данной этнической группе, испытываю чувство комплиментарности или, по-другому, внутренней симпатии к ней. Находясь в этой группе, я ощущаю комфорт и защищенность, не испытываю стресса или тревоги. Поведение, образ мысли, ценностные установки членов данной группы в целом мне понятны и принимаемы. При этом мое собственное поведение и мировоззрение признается членами данной группы. Иначе говоря, я принимаю группу как свою — группа принимает меня как своего.

Долгое время такой «этнический признак», как самосознание, был заветным ключиком к феномену этничности, однако постепенно и он стал давать сбои. С одной стороны, проблема была в том, что самосознание — это исключительно субъективное явление, никак не поддающееся верификации, а с другой — оставался непонятным фундамент («ядро») этой самоидентификации. Что заставляет меня считать себя русским или коми-пермяком? Могу ли я по своему усмотрению менять этническую принадлежность? Или вдруг неожиданно для самого себя ее осознать, извлечь из исторической памяти? Эти и подобные вопросы повисли в отечественной этнологии в начале 1990-х гг. и разделили российских этнологов на два направления: примордиалистов и конструктивистов. Первые утверждали, что этническая принадлежность объективна и неизменна, дается человеку при рождении (наследуется от родителей) и закрепляется в процессе воспитания (социализации). Вторые настаивали на искусственности этничности, возможности ее свободного конструирования и изменения. И та и другая теория имеют как свои сильные, так и слабые стороны. В этом ключе интересной видится попытка С.Е. Рыбакова (правда, не этнолога, а философа) примирить два противоборствующих направления, выделив два уровня этничности: сознательный (открытый для конструирования и трансформации) и бессознательный (усвоенный в процессе воспитания — социализации в рамках той или иной культуры). Иногда эти уровни этничности совпадают, иногда могут прийти в конфликт [Рыбаков, 2012].

Когда мы начинаем говорить об этногенезе (происхождении) того или иного народа, то вольно или невольно вынуждены обозначить себя в системе координат «примордиализм» – «конструктивизм», признать онтологическую самостоятельность этноса или его зависимость от социальных, политических, идеологических факторов. Авторы настоящего пособия, являясь профессиональными археологами, всегда старались очень осторожно высказываться в отношении этносов, прежде всего потому, что археологическими методами этносы не фиксируются. В распоряжении археолога есть останки и следы культуры народа. Эти обладающие сходством опредмеченные фрагменты культуры, привязанные к конкретной территории и времени, принято называть «археологической культурой». Вопрос о соотношении понятий «этнос» и «археологическая культура» в свое время бурно обсуждался в археологическом и этнологическом сообществе, о том, как разворачивалась дискуссия, можно проследить по страницам академических журналов «Советская археология» (1970 г., № 1) и «Советская этнография» (1979 г., № 6). На сегодняшний день археологи не склонны проводить прямые

параллели между археологической культурой и этносом. Таким образом, археолог оперирует понятием «культура», которое может нести, а может и не нести этнического содержания.

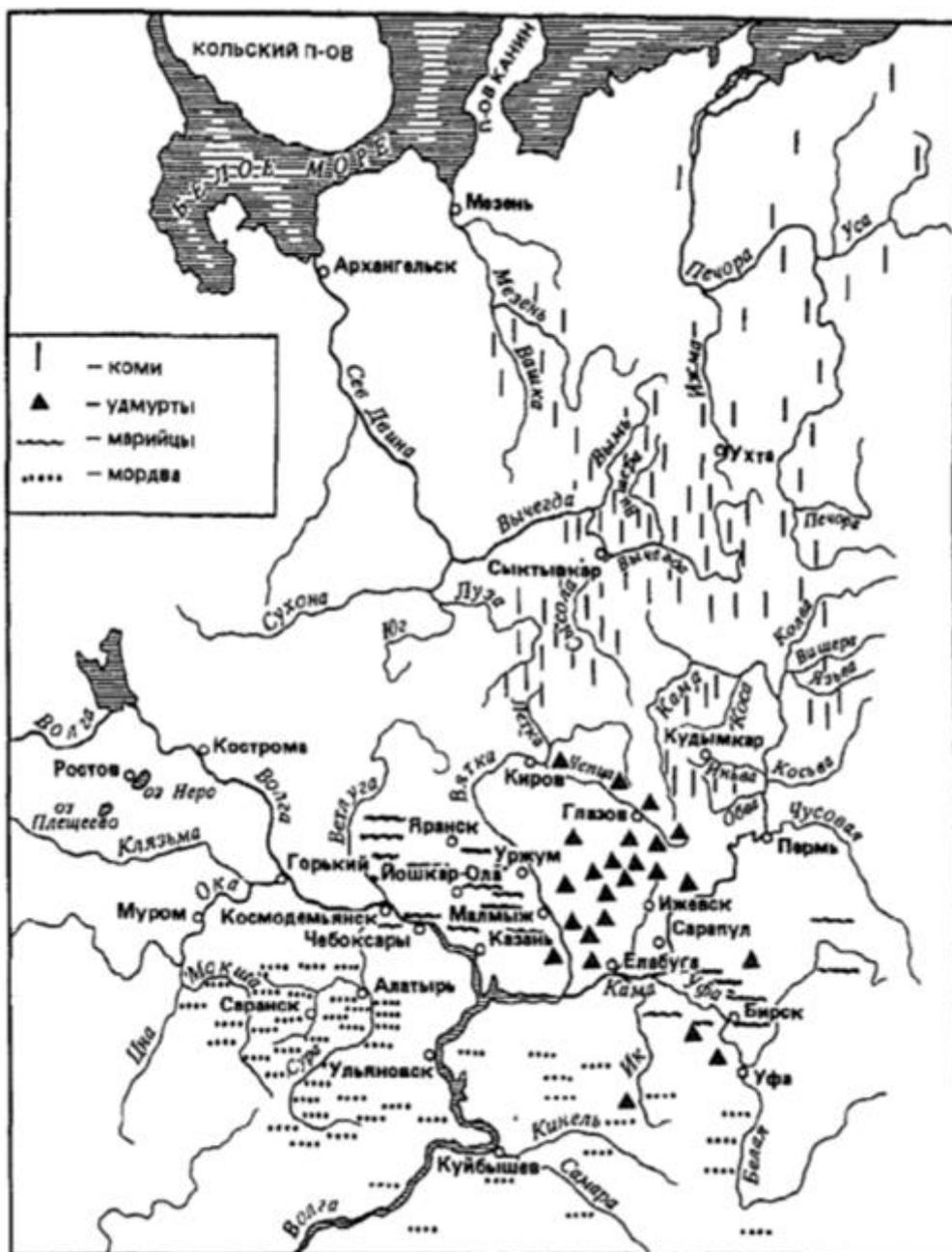

Рис. 1. Расселение финно-угорских народов Прикамья [Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 51].

Учебное пособие, которое вы читаете, по сути посвящено описанию археологических культур, сложившихся на территории Приуралья в первой половине I тыс. н.э. Повышенное внимание специалистов к данному этапу объясняется, в первую очередь, тем, что в указанное время на территории Евразии происходит серия крупных миграций, известных под общим названием «Великое переселение народов». Можно говорить о том, что современная

этническая карта мира во многом является производной от процессов, происходивших в эту эпоху. Значительная часть вопросов, касающихся генезиса традиционной культуры народов Евразии, так или иначе восходит к эпохе Великого переселения. Все вышесказанное справедливо и в отношении пермских народов, проживающих сейчас на территории Приуралья: коми, коми-пермяков и удмуртов (рис. 1).

Приуралье — обширный регион, который занимает окраинную часть Восточно-Европейской равнины и непосредственно прилегает к западному склону Урала. В гидрологическом плане Приуралье представлено главным образом бассейнами рек Камы и Печоры и их притоками. В Предуралье расположены Пермский край, Республика Коми, Башкортостан, Удмуртия и Оренбургская области.

Характеризуя общий исторический фон рассматриваемой эпохи, необходимо отметить, что основной импульс миграций эпохи Великого переселения народов, конечно же, задавали гунны, которые в 55 г. до н.э. под нажимом китайцев, усуней и ухуаней во главе с Чжи-чжи-шаньюем устремились в Среднюю Азию [Бернштам, 1951, с. 80, 109], а в 155–158 гг. под напором сяньбийских племен отступили на запад и к 158 г. достигли Волги и Нижнего Дона [Гумилев, 1988, с. 106]. Там они 200 лет прожили в мире с местными племенами [Гумилев, 1988, с. 141].

В IV в. в Северном полушарии произошли серьезные климатические изменения. Палеоклиматологи фиксируют относительное повышение среднегодовой температуры с середины IV в. [Клименко, 2000, с. 8]. Палеопочвоведы в это же время отмечают смену аридной засушливой эпохи периодом увлажнения, количество атмосферных осадков в IV в. в Восточно-Европейских степях составило 380 мм/год (в настоящее время этот показатель равен 350 мм/год) [Демкин и др., 2010, с. 83]. Возможно, эти процессы побудили гуннов к смещению территории своего обитания.

В 360 г. началась гунно-аланская война. Л.Н. Гумилев так писал об этом: «Конфликт аланов с гуннами был подсказан самой природой, вечно меняющейся, и даже быстрее, чем жизнь этноса или существования социальной системы. Но, увы, сведения источников скудны. Известно лишь, что гунно-аланская война началась, по устарелым данным, в 350 г., а по уточненным данным — в 360 г., и закончилась победой гуннов в 370 г.» [Гумилев, 1988, с. 155].

Разбитые ираноязычные племена были вынуждены отступить. Вероятно, часть из них ушла на север и северо-восток в лесостепные и лесные районы, где вступила в контакт с местным населением, привнеся в его культуру много новых элементов.

В начале I тыс. н.э. на территории современного расселения пермских народов Приуралья и ближайших сопредельных территориях сложились и существовали несколько археологических культур, которые на основании близости и сходства погребальных традиций могут быть разделены на несколько групп (*культурных кластеров*). Предлагая подобное деление, мы исходим из представления о том, что обряд является выражением религиозных верований оставившего его населения и в рамках архаичного сознания обладает высокой устойчивостью во времени и пространстве [Иванова, 2002, с. 46, 48; Гуляев,

2006, с. 7]; сходство погребального обряда могильников может быть интерпретировано как единство религиозно-мифологического, духовного, а следовательно, и культурного поля населения, которому эти памятники принадлежали [Монгайт, 1967, с. 60]. Фиксируемая близость погребального обряда может быть интерпретирована как результат непосредственного этнокультурного контакта. Некоторые кластеры включают в себя памятники сразу нескольких археологических культур (к примеру, «постпьяноборский» культурный кластер объединил отдельные памятники Верхнего и Среднего Прикамья, мазунинской, бахмутинской, азелинской культур; «позднесарматский» культурный кластер связал в единую схему памятники «салиховского» типа, могильники позднесарматской и турбаслинской культур), другие кластеры в археологическом плане оказались монокультурными («саргатский», «именьковский»). Изучая текст учебного пособия, вы получите представление о взаимопересечении и взаимовлиянии культурных традиций леса и степи, Приуралья и Зауралья, оседлого и кочевого населения.

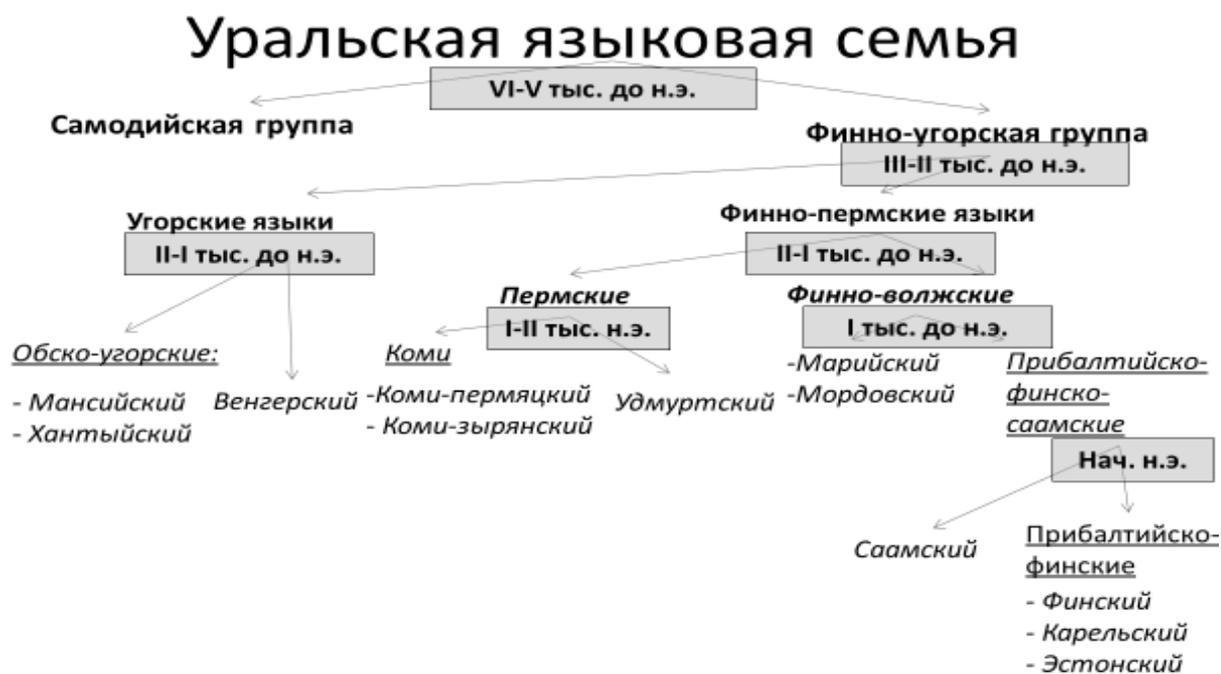

Рис. 2. Языковое древо уральской языковой семьи

Привлекая данные лингвистики, можно говорить, что в период бытования обозначенных культурных традиций еще было очень сильно прапермское языковое единство: языки коми (коми-пермяцкий и коми-зырянский) и удмуртский еще не разделились. Даты языковых распадов в лингвистике устанавливаются с помощью *глоттохронологии* — метода сравнительно-исторического языкознания, ставящего своей задачей абсолютное датирование языковой дивергенции (разделения), а тем самым установления возраста

самостоятельного существования данного языка. С.К. Белых в работе 1999 г. приводит результаты глоттохронологических расчетов, выполненных по различным методикам для пермских языков, согласно которым по 92-словному списку Сводеша распад пермского праязыка состоялся 859 лет тому назад; по стандартному 100-словному списку — 866 лет назад; по 110-словному списку — 974 года назад. Таким образом, согласно глоттохронологическим расчетам, распад прапермской этноязыковой общности произошел где-то в промежутке между рубежом X–XI и началом XII в. (рис. 2).

Рассматривая материалы археологических культур раннего средневековья, мы можем выделить магистральные направления, по которым осуществлялись этнокультурные контакты на территории Прикамья, можем говорить о доминирующих культурных влияниях, сыгравших свою роль в дальнейшем формировании культуры пермских народов.

Говоря об общих особенностях исторической судьбы народов, населяющих Приуралье, стоит отметить несколько важных, на наш взгляд, факторов. Во-первых, топографические особенности изучаемой территории позволяют сделать вывод об отсутствии каких бы то ни было серьезных естественных преград на границах Приуралья. Уральские горы, которые часто называют границей Европы и Азии, по сути, никогда не были непроходимыми. Охотники-манси (вогулы) с незапамятных времен знали путь через северные склоны Урала в Сибирь. Существующее сходство материальной культуры раннесредневековых памятников с территории Республики Коми и зауральскими материалами наталкивает на мысль о существовании контактов между вычегодскими и зауральскими группами населения. Возможность взаимодействия племен Северного Приуралья с группами нижнеобского населения допускал еще В.Н. Чернецов [Чернецов, 1957, с. 137]. Недавно эту мысль еще раз озвучили А.Ф. Мельничук и М.Л. Перескоков: «Следует признать, что в Северное Прикамье в период раннего средневековья проникали небольшие группы средневекового карымского и зеленогорского населения Нижнего Приобья, которые взаимодействовали с охотниками ванвиздинского и печерского кругов» [Мельничук, Перескоков, 2013, с. 253]. С юга территория Приуралья была открыта степному влиянию. Остановить постоянные «набеги степняков» удастся только в XVI в. благодаря строительству русских городков в Башкирии и низовьях Камы. Подобная географическая «открытость» территории создавала условия для интенсивных этнических и культурных контактов. Последствия этих контактов мы фиксируем и в настоящий момент: из 180 народов, приживающихся на территории современной России, 120 представлены на берегах Камы и ее притоков.

Вторым важным фактором, сыгравшем свою роль в этнической истории Приуралья, была река Кама, по которой с древнейших времен осуществлялась транзитная торговля. Огромное значение для развития этнических, культурных и экономических связей Приуралья имел Камский торговый путь (существование которого убедительно доказал проф. А.М. Белавин) — своеобразное продолжение Великого Волжского пути, способствовавший включению Приуралья в международную систему торговли эпохи средневековья. Археологи находят на берегах Камы египетский бисер, китайский шелк, ювелирные изделия Византийских и Римских мастеров. На Мокинском могильнике (около г. Перми),

датируемым IV–V вв. в одном из погребений была обнаружена фалера — медаль римского легионера, относящаяся к периоду ранней империи. На Конецгорском селище ананьинской культуры IV–III вв. до н. э., расположенном на правом берегу реки Чусовая, близ деревни Конецгор Пермского района Пермского края, была найдена бронзовая статуэтка египетского бога Амона — предшественника бога Ра. Данные факты однозначно свидетельствуют о включенности территории бассейна р. Камы как в культурную, так и в экономическую жизнь Евразийского континента. Традиционная культура пермских народов ощутила на себе сильное южное и восточное влияние, каждый новый инокультурный импульс привносил что-то необычное и уникальное. В разные исторические периоды преобладали различные культурные доминанты. В период, речь о котором пойдет в данном учебном пособии, на традиционную культуру пермских народов, по мнению авторов, оказывали сильное влияние степные, кочевые, ираноязычные культурные элементы.

Глава 1. Постпьяноборский культурный кластер — автохтонные традиции Прикамья

1.1. Памятники пьяноборского (позднегляденовского) времени Верхнего и Среднего Прикамья

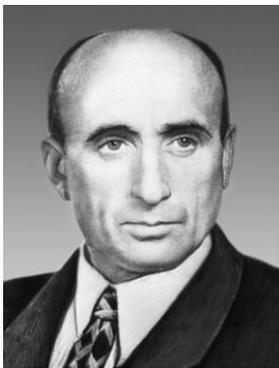
Большинство исследователей разделяют мысль о том, что в период III в. до н.э. – V в. н.э. территория Западного Приуралья была заселена племенами, генетически связанными с предшествующей ананьинской культурой [Голдина, 2004, с. 202–203]. По мнению лингвистов, с ананьинской культурой могут быть связаны ранние этапы этнической истории пермских народов [Белых, 2009, с. 68]. Дискуссионным, однако, остается вопрос о степени своеобразия различных территориальных групп постананьинских памятников.

А.В. Шмидт считал возможным разместить на территории Западного Приуралья две синхронные культуры, продолжающие ананьинские традиции: гляденовскую в Верхнем Прикамье и пьяноборскую в Нижнем. Первая получила свое название по расположенному в Верхнем Прикамье Гляденовскому костыщу, изучение которого началось еще в 1886 г. Н.Н. Новокрещенных [Новокрещенных, 1901, с. 109]. Вторая же свое название получила по известному с XIX в. могильнику у с. Пьяный Бор на севере Татарстана, впервые обследованного П.А. Пономаревым, А.А. Спицыным, И.Н. Смирновым, Ф.Д. Нефедовым [Голдина, 2004, с. 200]. А.В. Шмидт отмечал: «Пьяноборской эпохе (известной лишь на юге Пермского края) соответствует в средней части губернии гляденовская эпоха (наиболее характерное местонахождение возле деревни Гляденовой, в 25 верстах от Перми I–IV вв.)» [Шмидт, 1925, с. 414].

А.В. Шмидт
(1894–1935)

В начале второй половины XX в. точку зрения А.В. Шмидта подверг критике А.П. Смирнов, который объединил постананьинские памятники Верхнего и Нижнего Прикамья в единую пьяноборскую культуру, отмечая, что ананьинская культура сменяется пьяноборской, которая «занимает приблизительно ту же территорию» [Смирнов, 1952, с. 82]. При этом исследователь подчеркивал, что «может быть, пьяноборская культура ... в отдельных районах будет иметь специфические черты, которые пока не выявлены» [Смирнов, 1952, с. 82]. Материалы Гляденовского костыща, по мнению А.П. Смирнова, находят много аналогий в материалах Нижнего Прикамья. «Эти черты сходства не дают ни малейшего основания

А.П. Смирнов
(1899–1974)

разделять Приуралье на две части, относя нижнюю Каму к пьяноборской культуре, а среднюю — гляденовской. Сходство материала говорит о единой культуре в первые века нашей эры» [Смирнов, 1952, с. 72].

Позже *В.Ф. Генинг* несколько трансформировал точку зрения А.П. Смирнова. Проведя статистико-комбинаторный анализ керамики, погребального обряда и женских украшений памятников Западного Приуралья, исследователь высказал мысль о существовании единой пьяноборской этнокультурной области, в составе которой существовали четыре отдельные археологические культуры, каждая из которых была связана с отдельным этносом [Генинг, 1988, с. 213–214]. Пьяноборская этнокультурная область, по мнению В.Ф. Генинга, включает в себя чегандинскую (удмуртское Прикамье), кара-абызскую (Средняя Белая), осинскую (Средняя Кама) и гляденовскую (Верхнее Прикамье) археологические культуры [Генинг, 1988, с. 216–217]. Возникновение и развитие указанных культур происходило на базе единой ананьинской культуры [Генинг, 1988, с. 216].

В.Ф. Генинг
(1924–1993)

Вопроса происхождения пьяноборских древностей Нижней Камы коснулся и *Б.Б. Агеев*. Осуществив статистическую обработку 2023 погребений пьяноборской (чегандинской) культуры [Агеев 1992, с. 10], исследователь подтвердил предположение о том, что в формировании культуры Нижней Камы приняли участие потомки позднеананьинских племен. Однако решающую роль в этом процессе, по мнению Б.Б. Агеева, сыграли не они, а раннекара-абызское население среднего течения р. Белой, представлявшее собой «синтез местного и пришлого населения» [Агеев, 1992, с. 105–106].

М.С. Акимова
(1915–1971)

Антрополог *М.С. Акимова*, проведя анализ черепов из Чегандинского, Нырғындинского и Камышлы-Тамакского могильников, заключила: «Справедливым будет признать, что население пьяноборской культуры своим происхождением было связано не с пришлыми, а местными племенами ананьинской культуры, которые жили в Прикамье задолго до формирования одноименной культуры, а позже вошли в состав ананьинского населения» [Акимова, 1968, с. 35].

В подобном же русле *Р.Д. Голдина* выстроила свою концепцию, согласно которой «в конце своего существования огромная ананьинская общность разделилась на две — гляденовскую, занимающую территорию преимущественно Верхнего Прикамья, Средней и Верхней Вычегды и верховий Печеры, и пьяноборскую – Среднее и Нижнее Прикамье, низовья Белой и Вятку» (рис. 3) [Голдина, 1999, с. 202]. Пьяноборская общность включала в себя чегандинскую (удмуртское Прикамье, прилегающую к нему часть Татарии, низовья р. Белой), кара-абызскую (среднее течение р. Белой)

и худяковскую (бассейн р. Вятка). Дата существования пьяноборской общности ограничена III в. до н.э. – V в. н.э. [Голдина, 2004, с. 203].

Таким образом, можно говорить о том, что местная автохтонная культурная традиция в Верхнем и Среднем Прикамье была представлена носителями гляденовской и пьяноборской археологической культур, ведущих свое происхождение от племен ананьинского времени раннего железного века.

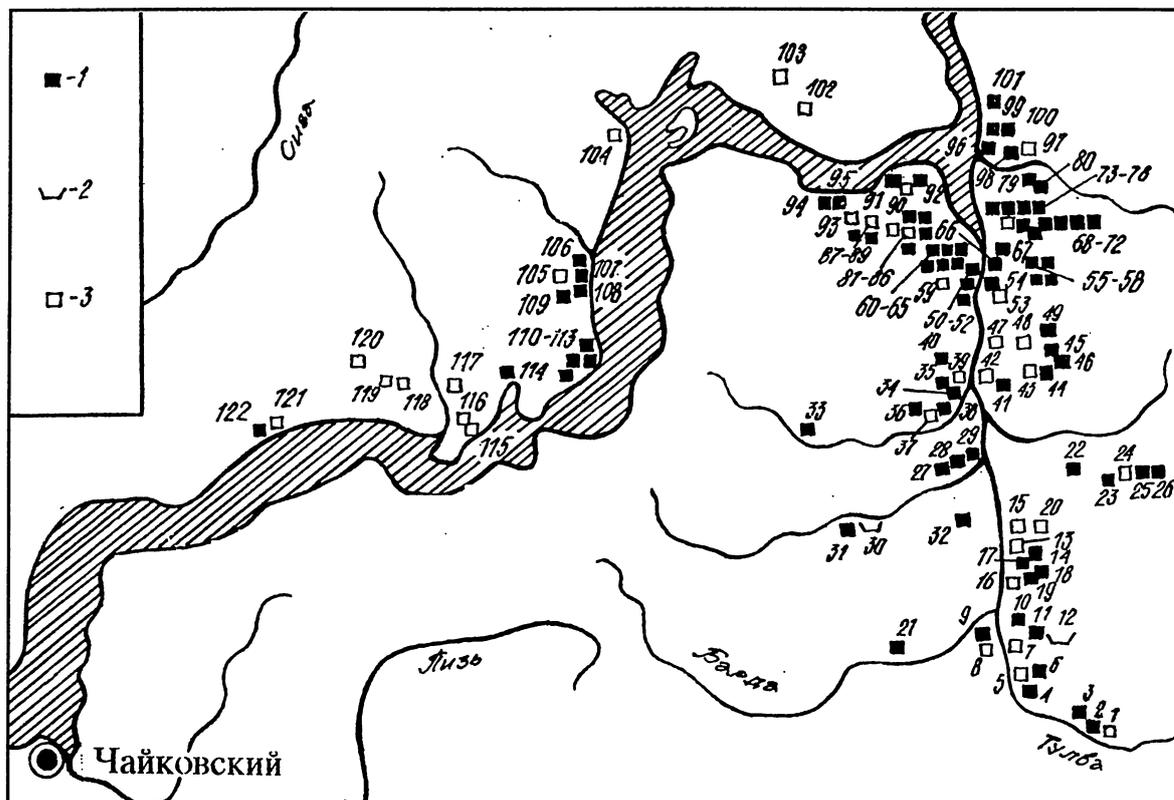

Рис. 3. Карта памятников среднекамского (красноярского) варианта пьяноборской общности:

1 – поселение; 2 – могильник; 3 – городище. 1 – Сарашинское городище; 2 – Султанайское II селище; 3 – Султанайское I селище; 4 – Аклугинское I селище; 5 – Аклушинское городище; 6 – Аклушинское селище; 7 – Красноярское II городище; 8 – Красноярское I городище; 9 – Красноярское III селище; 10 – Красноярское I селище; 11 – Красноярское II селище; 12 – Красноярский могильник; 13 – Бардымское III городище; 14 – Бардымское селище; 15 – Бардымское I городище; 16 – Бардымское II городище; 17 – Бардымское II селище; 18 – Бардымское III селище; 19 – Бардымское I селище; 20 – Бардымское IV городище; 21 – Бичуринское поселение; 22 – Искирское селище; 23 – Шармейское I селище; 24 – Шармейское городище; 25 – Шармейское II селище; 26 – Шармейское III селище; 27 – Куземьяровское II селище; 28 – Куземьяровское селище; 29 – Чувашаевское селище; 30 – Кудашевский могильник; 31 – Кудагиевское селище; 32 – Березняки, поселение; 33 – Федорковское городище; 34 – Елпачихинское I селище; 35 – Елпачихинское II селище; 36 – Елпачихинское III селище; 37 – Елпачихинское городище; 38 – Елпачиха, поселение; 39 – Талая речка, городище; 40 – Талая речка, селище; 41 – Усть-Туптор, селище; 42 – Усть-Туптор,

городище; 43 – Нижняя Чермода, городище; 44 – Нижняя Чермода, селище; 45 – Отрадное I, селище; 46 – Отрадное II, селище; 47 – Нижний Чекур, городище; 48 – Верхняя Чермода I, городище; 49 – Верхняя Чермода II, селище; 50 – Крылово I, селище; 51 – Крылово II, селище; 52 – Крылово III, селище; 53 – Пещеры, городище; 54 – Александровка, селище; 55 – Гремяча I, селище; 56 – Гремяча II, селище; 57 – Гремяча III, селище; 58 – Гремяча, поселение; 59 – Красный Яр, городище; 60 – Петухово IX, селище; 61 – Петухово XI, селище; 62 – Петухово XII, селище; 63 – Туганаево I, селище; 64 – Туганаево II, селище; 65 – Туганаево III, селище; 66 – Мостовая, селище; 67 – Ключ, селище; 68 – Осока I, селище; 69 – Осока II, селище; 70 – Осока III, селище; 71 – Потайной Ключ, селище; 72 – Старое городище, селище; 73 – Ирьяк, городище; 74 – Ирьяк I селище; 75 – Ирьяк II, селище; 76 – Ирьяк III, селище; 77 – Большепольское селище; 78 – Выщелка (Мышелка) I, селище; 79 – Денисовка I, селище; 80 – Денисовка II, селище; 81 – Больше-Никольское I городище; 82 – Больше-Никольское II городище; 83 – Больше-Никольское I селище; 84 – Больше-Никольское II селище; 85 – Больше-Никольское III селище; 86 – Больше-Никольское IV селище; 87 – Мало-Никольское I городище; 88 – Мало-Никольское I селище; 89 – Мало-Никольское II селище; 90 – Оса, городище; 91 – Оса I, селище; 92 – Оса II, селище; 93 – Мало-Никольское, городище; 94 – Пермяково I, селище; 95 – Пермяково II, селище; 96 – Горы II, селище; 97 – Городище, городище; 98 – Городище, селище; 99 – Драчево, поселение; 100 – Десятково, селище; 101 – Нефтебаза, селище; 102 – Заводчик, городище; 103 – Верхне-Давыдовка, городище; 104 – Ерзовка, городище; 105 – Махони, городище; 106 – Махони I, селище; 107 – Махони II, селище; 108 – Махони III, селище; 109 – Махони IV, селище; 110 – Змеевка I, селище; 111 – Змеевка II, селище; 112 – Змеевка III, селище; 113 – Озерко, селище; 114 – Соловьи, селище; 115 – Красная Горка, городище; 116 – Верхне-Раздорное городище; 117 – Верх-Рождественское городище; 118 – Север, городище; 119 – Пьянка, городище; 120 – Поздышка, городище; 121 – Гамы, селище; 122 – Бабка, городище [Голдина, 2004, рис. 121].

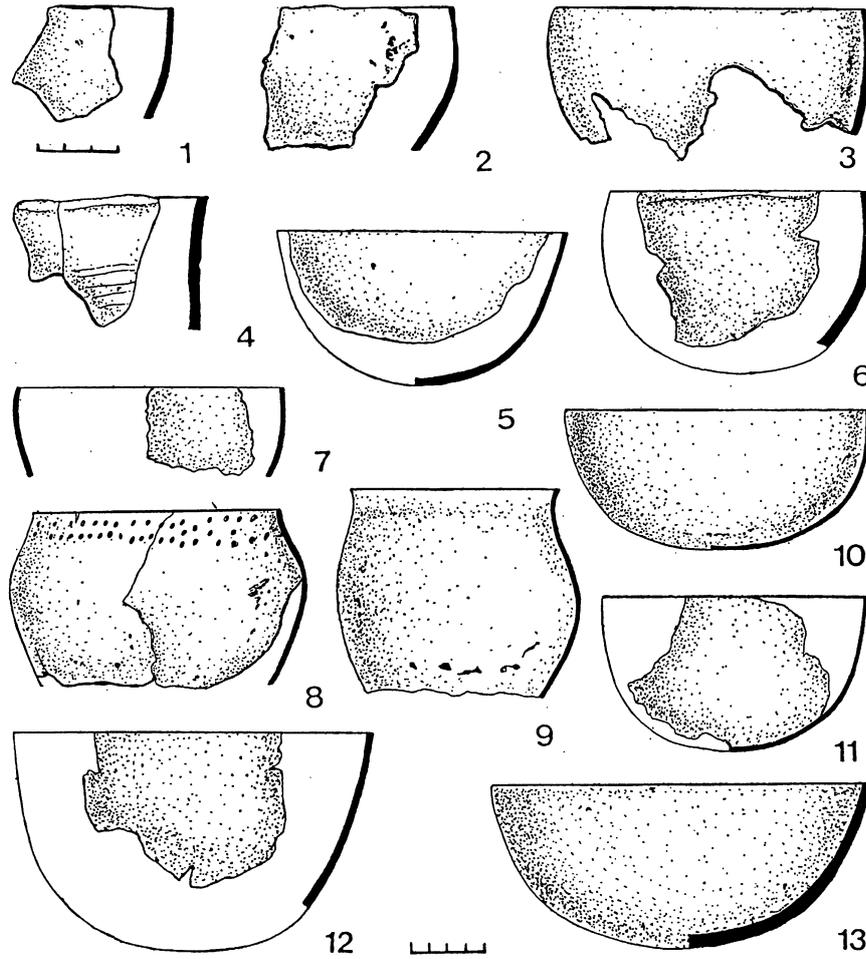

Рис 4. Глиняная посуда Красноярского могильника [Голдина, 2004, рис. 125].

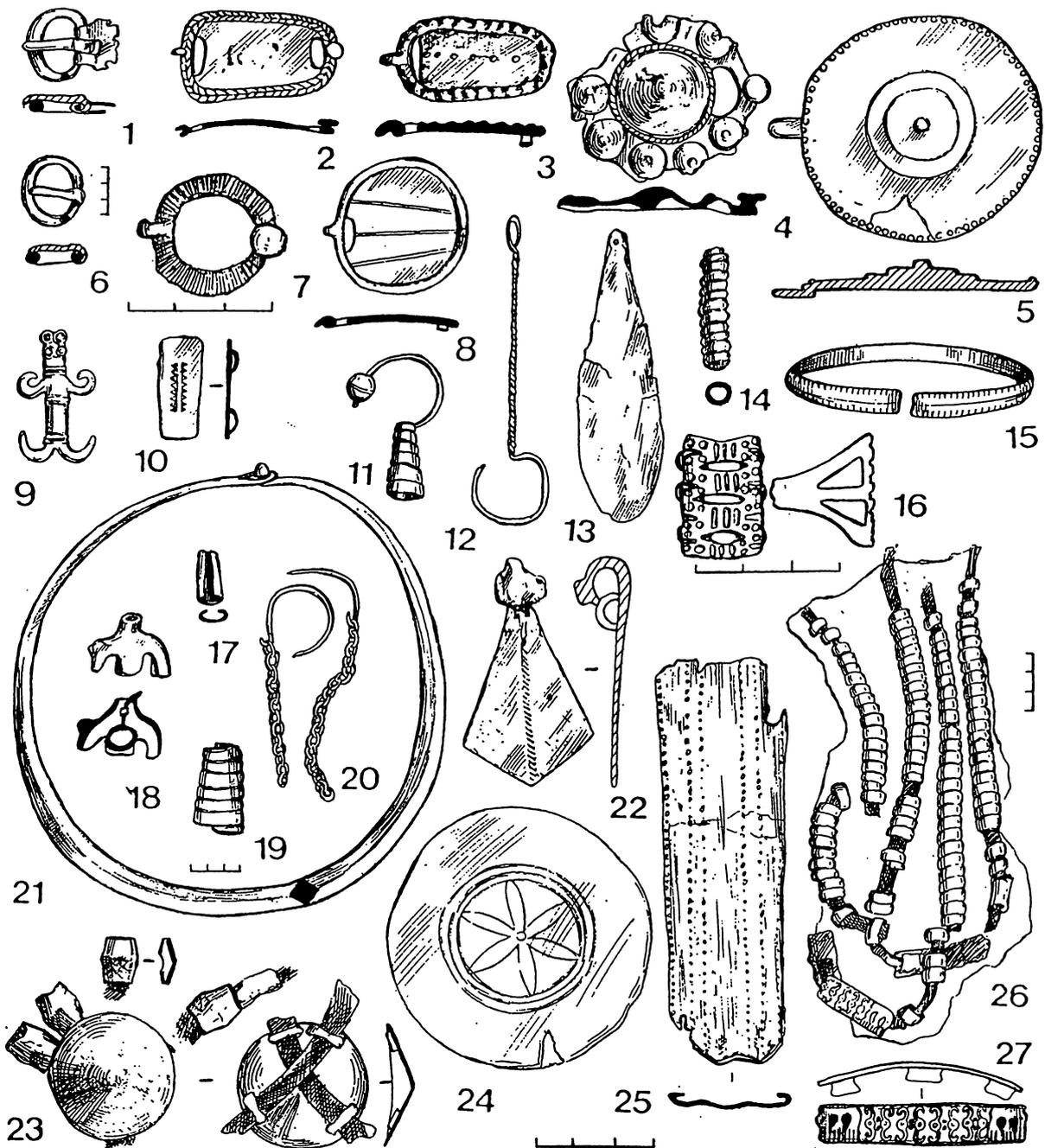

Рис 5. Украшения Красноярского могильника:

1, 6 – пряжки; 2–5, 7, 8 – застёжки с неподвижным крючком; 9, 10 – накладки; 11–13 – височные подвески; 14, 17, 19 – пронизки; 15 – браслет; 16 – перстень; 18 – пронизка-медведь; 20, 22 – подвески; 21 – гривна; 23 – бляшка и пронизки от уздечки; 24 – бляха; 25 – ножны; 26 – ожерелье; 27 – фрагмент ожерелья. 1–11, 14–25, 27 – бронза; 12, 13 – золото; 26 – кожа, бронза [Голдина, 2004, рис. 123]

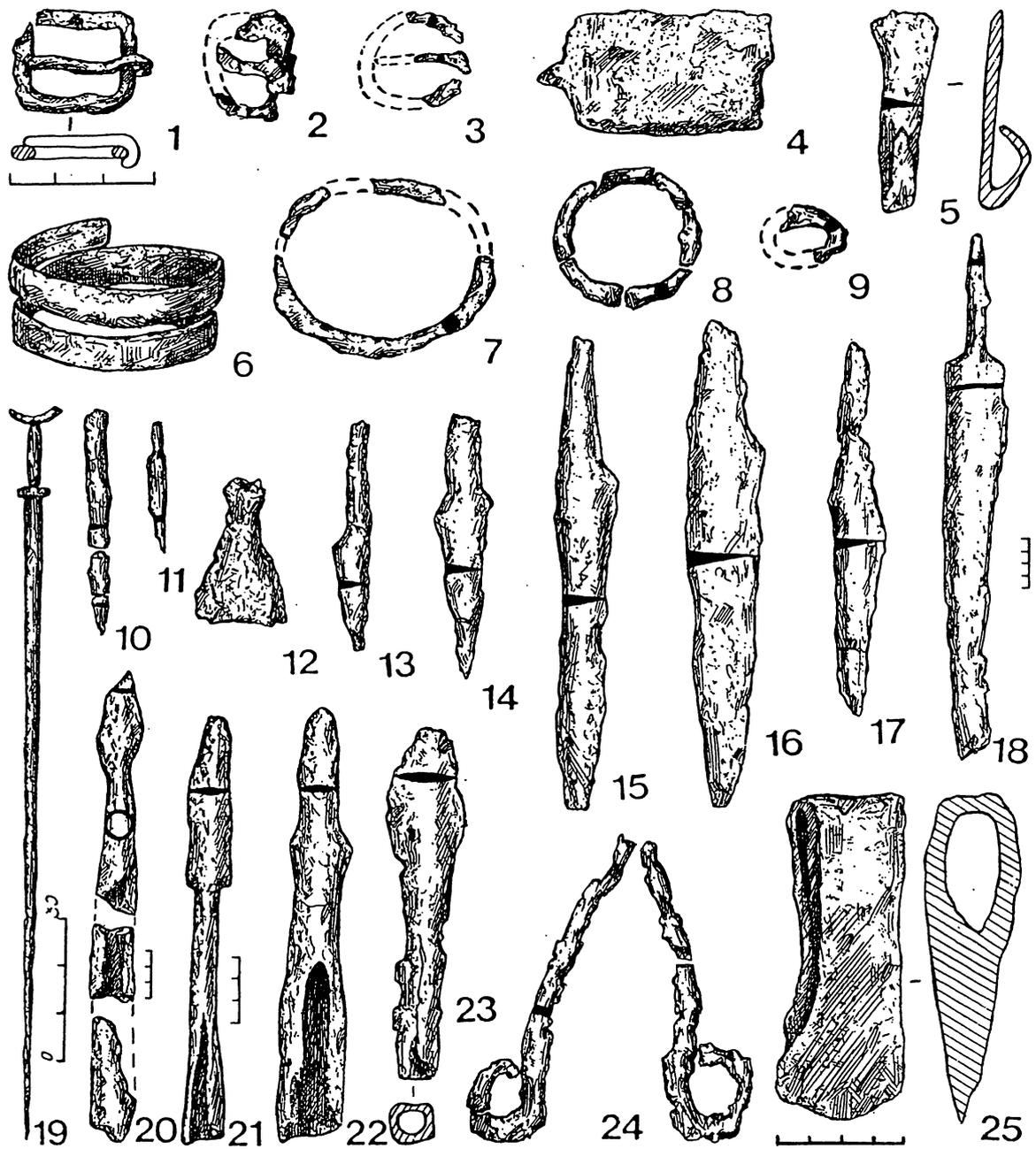

Рис. 6. Предметы из железа Красноярского могильника:
1-3, 8 – пряжки; 4 – накладка; 5, 10, 13-17 – ножи; 6, 7 – браслеты; 8, 9 – кольца; 11 – шило; 12 – предмет неясного назначения; 18, 19 – мечи; 20-23 – наконечники копий; 24 – удила; 25 – топор [Голдина, 2004, рис. 124].

Могильники пьяноборского (позднегляденовского) времени

Красноярский могильник был открыт в 1986 г. отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета. Памятник расположен в 400 м к северо-востоку от д. Краснояр Бардымского района Пермского края. Площадка могильника занимает невысокий выступ распахиваемой коренной террасы правого берега р. Тулвы. По южному склону площадки проходит проселочная дорога. Стационарные исследования памятника начаты с 1987 г. В период с 1987–1989 гг. на памятнике изучено 144 погребения. В большинстве случаев в ориентировке ям преобладает широтное направление. Антропологический материал имеет крайне неудовлетворительную сохранность, в некоторых погребениях обнаружены только зубы. Вещи в могильных ямах располагаются группами: в концах или в середине. Вещевой инвентарь (рис. 4–6) в погребении не всегда соответствует местоположению в составе костюма при жизни. В части погребений обнаружены жертвенные комплексы, в состав которых входят бусы и различные бронзовые украшения. В 20,2 % погребений встречены керамические сосуды [Казанцева, 1988, с. 45], форма которых не отличается от традиционной прикамской посуды и представлена в основном мисками [Казанцева, 2002, с. 235].

Изначально памятник датирован О.А. Казанцевой периодом I–V вв. н.э. [Казанцева, 1995, с.156], позже исследователь сократила рамки до II–V вв. н.э. [Казанцева, 2002, с. 229].

Вопросы:

1. Назовите хронологические рамки пьяноборской общности.
2. Какие две точки зрения существуют по поводу ареала распространения пьяноборской культуры?
3. Какие археологические культуры, по мнению Р.Д. Голдиной, входят в пьяноборскую общность?

Список рекомендуемой литературы:

1. Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. — Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. — 140 с.
2. Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. — М.: Наука, 1968. — 120 с.
3. Белых С.К. Проблема распада прапермской языковой общности. — Ижевск: Изд-во УдГУ, 2009. — 150 с.
4. Генинг В.Ф. Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры. — М.: Наука, 1988. — 240 с.

5. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск: Удмуртский университет, 1999. — 463 с.
6. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск: Удмуртский университет, 2004. — 464 с.
7. Казанцева О.А. Красноярский могильник // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. — Ижевск, 1988. — С. 43–65.
8. Казанцева О.А. Хронология погребальных комплексов Красноярского могильника // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. — Ижевск, 1995. — С. 156–165.
9. Казанцева О.А. Керамика Красноярского могильника (II–V вв. н.э.) // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. — Ижевск, 2002. — С. 229–238.
10. Новокрещенных Н.Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии. — Вып. IV. — Пермь: Типо-литография губернского правления, 1901. — С. 107–141.
11. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1952. — № 28. — 276 с.
12. Шмидт А.В. Туйский всадник. (К вопросу о раннеисторических связях между Уралом и Средней Азией.) // Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской академии наук. — 1925. — Т. I. — С. 410–434.

1.2. Мазунинская археологическая культура

Мазунинская археологическая культура была выделена *В.Ф. Генингом* в результате исследования послепьяноборских памятников Среднего Прикамья. Летом 1954 г. начались работы на Мазунинском могильнике, расположенном в Камбарском районе Удмуртии на правом берегу р. Камы. Памятник заинтересовал исследователей своеобразным вещевым материалом и погребальным обрядом, в 1955–1956 гг. раскопки продолжились. Вскоре был исследован еще ряд памятников (Сайгатский, Ижевский, Быргындинский, Сарапульский, Нивский, Чепанихинский могильники), которые позволили *В.Ф. Генингу* заявить о существовании в Среднем Прикамье самостоятельной археологической культуры (рис. 7–8) [Генинг, 1967, с. 53].

Территория мазунинской культуры была обозначена автором как южная часть среднего течения р. Камы от устья р. Сивы (г. Воткинск – с. Сайгатка) до устья р. Ик; среднее течение р. Иж и низовья р. Белой от с. Дюртюли [Генинг, 1967, с. 8–9]. Мазунинскую культуру *В.Ф. Генинг* противопоставлял памятникам бельско-уфимского междуречья, где *Н.А. Мажитов* расположил культуру бахмутинскую. *Н.А. Мажитов* настаивал на включении «мазунинских» материалов в ареал бахмутинских племен, *В.Ф. Генинг* же стремился доказать их самостоятельность, спор длился долгие годы [Васюткин, 1971, с. 93].

Мазунинские могильники расположены по берегам рек, на высоких местах, умерших укладывали в узкие прямоугольные могилы глубиной до 115–120 см, вытянуто на спине, головой на север. Могилы располагались рядами вдоль края берега, никаких внешних признаков могил до настоящего времени не сохранилось. Судя по обильным остаткам дерева, умерших хоронили в дощатых гробах или заворачивали в луб [Иванов, 1997, с.72].

Говоря об уникальности мазунинских памятников, *В.Ф. Генинг* называл следующие их особенности. Наличие в вещевом комплексе бабочковидных фибул, височных проволочных подвесок в виде кольца и отвесающего книзу стержня с бусиной, поясных застежек у женских ремней в виде крюка и петли, изготовленных из раковины блях-накладок к поясным наборам, умбоновидных бляшек, молоточковидных подвесок-пронизок, поясных накладок прямоугольной формы с насечками и выемками и накладок сердцевидной формы, круглодонных сосудов из глины с примесями песка и изредка мелкотолченой раковины, орнаментированных очень редко пояском ямок по шейке и насечками по венчику [Генинг, 1967, с. 55–56]. *Т.И. Останина* добавляет к этому списку еще капелькообразные подвески; железные гривны с бронзовой пластинчатой навивкой; ножны и футляры для шильев; головные украшения с железной основой кольчужного плетения; спиралевитые пронизки; подвески-цепочки [Останина, 1988, с. 82]. Исходя из материалов раскопок, *В.Ф. Генинг* полагал, что «нет никаких оснований относить памятники мазунинского типа к бахмутинской культуре, как это делают *Н.А. Мажитов* и *А.П. Смирнов*» [Генинг, 1967, с. 59].

Оппонируя *В.Ф. Генингу*, *Н.А. Мажитов* указывал на общие черты мазунинских и раннебахмутинских памятников, к ним он относил неглубокие

ямы, височные подвески с напускными бусинами, состав ожерелий, в том числе большие круглые подвески из раковины, поясные наборы, редкое нахождение в могильниках глиняной посуды и положение жертвенных комплексов в берестяных коробочках рядом с костяками [Мажитов, 1964, с. 102].

С.М. Васюткин, выступивший в 1971 г. со страниц «Советской археологии» в качестве «третейского судьи», после детального анализа и сравнения памятников южных районов Среднего Прикамья (мазунинский тип) и бельско-уфимского междуречья (бахмутинский тип) признал правоту Н.А. Мажитова. Как указал исследователь, в реальности могильники обнаруживают близкое сходство между собой как в погребальном обряде, так и в вещевом материале. Имеющиеся отличия мазунинских могильников, обозначенные В.Ф. Генингом, не настолько значительны, чтобы на их основании эти памятники объединять в самостоятельную археологическую культуру [Васюткин, 1971, с. 97]. По мнению С.М. Васюткина, некоторое своеобразие памятников бельско-уфимского междуречья и юга Среднего Прикамья может быть обусловлено тем, что в предыдущее время в этих районах жили две группы населения — кара-абызская и пьяноборская, отличающиеся друг от друга погребальным обрядом и материальной культурой. В III в. на территории кара-абызских племен сложился один вариант культуры, а на части территории пьяноборских племен — другой [Васюткин, 1971, с. 104]. Оба варианта по сути составляют одну археологическую культуру, которую С.М. Васюткин предлагает называть «бахмутинской».

Подобной дефиниции придерживаются *Ф.А. Сунгатов*, *Г.Н. Гарустович*, *Р.М. Юсупов*, которые настаивают на том, что средневековая культура Среднего Прикамья должна именоваться именно бахмутинской, согласно названию, данному этим древностям «первооткрывателем» А.В. Шмидтом. Памятники же III–V вв. представляют собой ранний этап развития этой культуры и могут быть названы мазунинскими [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 4].

Несколько иную позицию по этому вопросу занял *В.А. Иванов*. Исследователь, проведя сравнительный анализ керамики бахмутинских и мазунинских поселений, пришел к следующему выводу: их «сходство настолько близко, что со всей очевидностью можно говорить о принадлежности данных поселений к одной и той же культуре», однако эту культуру уфимский археолог считает целесообразным называть не бахмутинской, а мазунинской, поскольку первое описание погребального обряда и инвентаря племен Приуралья первой половины I тыс. н.э. дано было по материалам Мазунинского могильника [Иванов, 1984, с. 22].

В 1984 г. материалы мазунинской культуры Среднего Прикамья были впервые подвергнуты серьезной систематизации в диссертационном исследовании *Т.И. Останиной*. В 1997 г. результаты этой работы были опубликованы в виде монографии, в которой исследователь провела обобщение данных по 29 могильникам, 265 селищам и 124 городищам [Останина, 1997]. На основании статистических расчетов по методике И.С. Каменецкого, Б.И. Маршака и Я.А. Шера исследователь продемонстрировала единство памятников Среднего Прикамья III–V вв., но при этом обозначила два

локальных района мазунинской культуры: удмуртский и башкирский («бахмутинский») [Останина, 1988, с. 83–84; Останина, 1997, с. 173].

Как видим, спор, когда-то начатый В.Ф. Генингом и Н.А. Мажитовым, к концу XX в. из содержательной перешел уже в чисто таксономическую плоскость.

Долгое время В.Ф. Генинг отстаивал миграционное происхождение мазунинской культуры. Утверждая, что в начале III в. н.э. Прикамье захлестнула новая этническая волна, сдвинутая сюда в результате столкновения западносибирских племен с кочевниками гуннской конфедерации накануне вторжения гуннов в Европу. В результате перегруппировки местных и пришлых племен в Прикамье возник ряд новых этнических объединений, в том числе и объединение, известное по памятникам мазунинского типа [Генинг, 1967, с. 48–49]. Однако позже он отказывается от этой позиции и пишет уже о том, что «в III–V вв. в Южном Приуралье хотя и происходят значительные перегруппировки населения, этнический состав в целом не изменился... Включение каких-либо инородных групп неуральского происхождения по археологическим материалам пока проследить не удастся» [Генинг, 1972, с. 247]. О включении в III–IV вв. в среду мазунинских племен небольшой группы лесного угорского населения пишет и В.А. Могильников, но при этом исследователь отдельно подчеркивает, что вливание этих племен не привело к существенному изменению облика местной культуры [Могильников, 1971, с. 157].

Об автохтонном происхождении мазунинских древностей высказывался и В.А. Иванов: исследователь рассматривал мазунинские памятники как результат трансформации пьяноборской этнической общности, имевшей место в III–V вв. [Иванов, 2002, с. 118]. К подобным же выводам пришла в своем диссертационном исследовании О.Р. Стаматина. Сравнивая погребальный обряд пьяноборцев и мазуницев, исследователь установила их генетическую преемственность [Стаматина, 2004, с. 100–101]. Сходную позицию по данному вопросу занимает и Р.Д. Голдина, исследователь полагает, что до V в. материальная культура Приуралья плавно эволюционировала, поэтому никаких оснований для отделения памятников III–V вв. от предшествующих памятников пьяноборской эпохи не имеется [Голдина, 2004, с. 203].

Аналогичная ситуация выявлена и в результате исследований антропологов. М.С. Акимова убеждена, что население мазунинской культуры в основном было местным, однако испытывало некоторое влияние пришлого южного элемента, возможно с территории современной Башкирии. Особенно сильно это влияние испытало население, оставившее самый южный могильник культуры — Мазунинский [Акимова, 1968, с. 55].

Таким образом, автохтонный характер мазунинской культуры на данный момент не вызывает у исследователей сомнений. Как отмечает С.К. Белых, в носителях мазунинской культуры можно видеть какие-то парапермские, или экзопермские, группы. Под парапермскими исследователь понимает те пермские по языку группировки, что не оставили прямых языковых потомков, а рано отделившись в культурном и языковом отношении от прапермских групп, были впоследствии ассимилированы каким-то другим родственным или

неродственным по языку населением. Экзопримьями обозначены те непермоязычные изначально группы, которые в конце концов усвоили пермскую речь и составили еще один важный компонент в истории прапермской общности (рис. 7, 8).

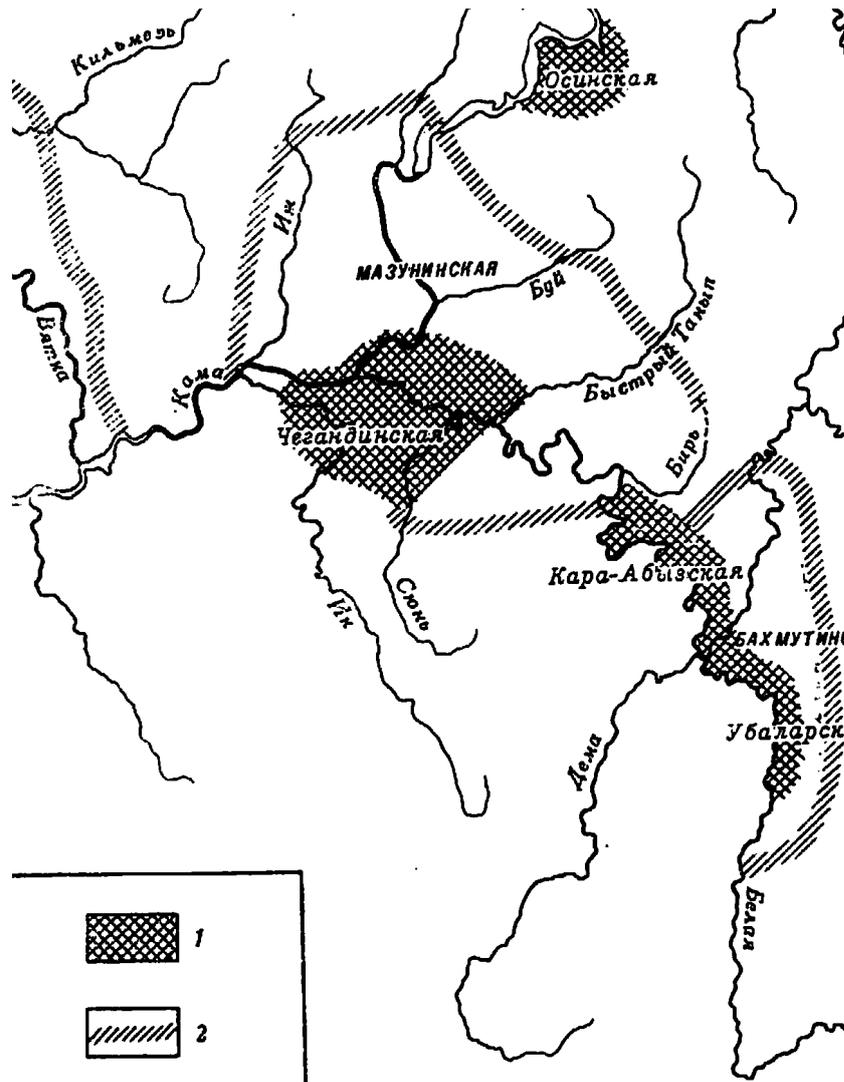

Рис. 7. Карта распространения археологических культур
1 – культуры III в. до н.э. – II в. н.э.; 2 – культуры III–V вв. н.э. [Генинг, 1972, рис. 1]

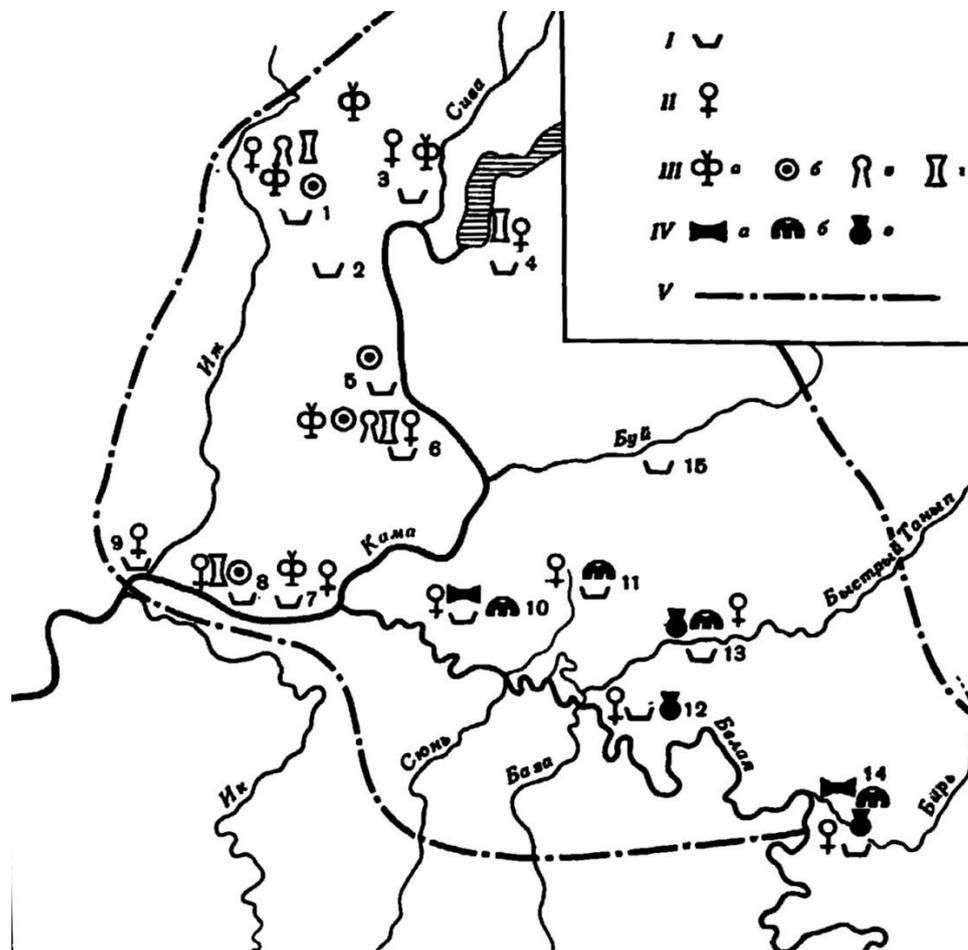

Рис. 8. Карта распространения памятников мазунинской культуры

[Генинг, 1972, рис. 5]:

- I** — могильники мазунинской культуры:
1 — Ижевский;
2 — Чепанихинский;
3 — Нивский;
4 — Сайгатский;
5 — Сарапульский;
6 — Мазунинский;
7 — Быргындинский;
8 — Ныргында I;
9 — Тураевский;
10 — Старо-Кабановский;
11 — Мало-Качакский;

- 12** — Ангасякский;
13 — Каратамакский;
14 — Бирский;
15 — Югамышский;
II — Находки височных подвесок мазунинского типа;
III — вещи, характерные для удмуртского варианта мазунинской культуры:
a — бабачковидные фибулы;
б — поясные бляхи из раковин;

- в** — поясные крючки-застежки;
г — поясные накладки;
IV — вещи, характерные для башкирского варианта мазунинской культуры:
a — бантиковидные фибулы;
б — подвески-медведи;
в — подвески из раковин;
V — граница распространения памятников мазунинской культуры

Могильники мазунинской археологической культуры

Старо-Кабановский могильник

Первые сведения о могильнике, расположенном неподалеку от д. Старо-Кабаново, Краснокамский район Башкортостана, были получены Н.А. Мажитовым в 1959 г. от директора местной школы.

Могильник располагается на краю надпойменной террасы правого берега старицы р. Белой. Памятник занимает невысокий (8 м) подпрямоугольной формы мыс, образованный двумя сухими оврагами. Восточный овраг полностью разрушен при прокладке дороги к р. Белой. Раскопки на памятнике производил С.М. Васюткин в 1967–1971 гг. На вскрытой площади в 1128 кв. м были обнаружены 155 погребений [Васюткин, Останина, 1986, с. 64] (все они учтены в анализе).

Автор раскопок отнес могильник к мазунинской археологической культуре [Васюткин, Останина, 1986, с. 80].

Раскопки могильника дали достаточно богатый инвентарь, в 82 % захоронений имеются вещи. Это украшения головы (накосники, височные кольца и подвески, пронизки), шеи (бусы, гривны), рук (пронизки, браслеты), груди (фибулы, подвески), поясная гарнитура, орудия труда (ножи, шилья, косы, топоры), оружие, керамический материал (рис. 10) [Васюткин, Останина, 1986, с. 64].

Для Старо-Кабановского могильника характерны одиночные захоронения (хотя и встречаются коллективные). В могилах умершие лежали вытянуто на спине. В некоторых погребениях зафиксированы остатки коры и гробовищ [Васюткин, Останина, 1986, с. 77]. Ориентация погребальных ям по сторонам света на могильнике разнообразна. Погребения расположены четырьмя участками, для каждого из которых характерна своя господствующая ориентация [Останина, 1997, с. 128]. Рядом с умершими располагались жертвенные комплексы [Васюткин, Останина, 1986, с. 78].

Могильник датируется концом IV–V вв. [Останина, 1997, с. 128].

Ижевский могильник

Первые сведения об Ижевском могильнике получены весной 1957 г., когда в Удмуртский республиканский музей А.А. Никифоровым были доставлены вещи, найденные детьми на так называемой «Вшивой горке» на Безымянной улице в г. Ижевске. Осенью 1957 г. силами студентов Удмуртского педагогического института под руководством В.Ф. Генинга были произведены небольшие раскопки, обнаружившие 36 погребений (у В.Ф. Генинга указано 38, но погребения 17–18 и 20–21 являются парными) [Генинг, 1967, с. 123] (все они учтены в анализе).

Могильник расположен на невысоком плоском мысу левого берега р. Иж (Ижевского пруда). С южной стороны площадки протекает небольшой ручеек, впадающий в р. Иж [Генинг, 1967, с. 123].

Большинство захоронений на могильнике одиночные. Могильные ямы имеют обычно прямоугольную форму со слегка закругленными углами, книзу

они в незначительной степени сужаются. Костяки лежат вытянуто на спине с выпрямленными руками, головой на северо-запад. Захоронения производились в деревянных гробах. Характерными для погребений являются жертвенные комплексы. В двух погребениях найдены глиняные сосуды (рис. 9/1, 5) [Генинг, 1967, с. 124–125].

В.Ф. Генинг в качестве даты могильника указывает IV–V (возможно начало VI) вв. [Генинг, 1967, с. 130]. Т.И. Останина настаивает на более широкой датировке памятника — III–V вв. [Останина, 1997, с. 123], при этом отмечая, что преобладающими на могильнике являются погребения IV в. [Останина, 1997, с. 172]

Мазунинский могильник

Первые сведения о Мазунинском могильнике относятся к 1894 г., когда казанский этнограф И.Н. Смирнов в поисках поздних «чудских» памятников обследовал могильник у с. Мазунино Сарапульского района Удмуртии. По сообщениям местных жителей при добыче плитняка около села ими были найдены различные вещи и скелеты, которые лежали в слое камня. К сожалению, раскопки, проведенные И.Н. Смирновым, не дали богатого материала. В дальнейшем могильник посещал сарапульский краевед Л.П. Беркутов. В период 1954–1956 гг. на могильнике трудился отряд Удмуртской археологической экспедиции. За три года было вскрыто 69 погребений, почти исчерпывающих этот памятник [Генинг, Мырсина, 1967, с. 85] (все погребения учтены в анализе).

Мазунинский могильник расположен на правом берегу р. Камы в 2 км к западу от с. Мазунино Сарапульского района Республики Удмуртия. Площадка, занятая могильником, у местного населения носит название «Каменка» и находится в 200 м к юго-западу от дороги в г. Сарапул. Площадка представляет собой вершину длинного гребня, шириной 30–40 м, высота которого над окружающей местностью не превышает 2–3 м [Генинг, Мырсина, 1967, с. 85].

Под слоем дерна толщиной 10–12 см залегает песок, в котором вытянутыми полосами с север-северо-востока на юг-юго-запад залегают пласты песчаника-плитняка, в некоторых местах выходящего близко к поверхности [Генинг, Мырсина, 1967, с. 86].

Захоронения на могильнике совершены в грунтовых неглубоких длинных узких ямах, в некоторых случаях удается фиксировать наличие в погребениях деревянных гробов. В одних могильных ямах четко зафиксированы остатки колоды со слегка скругленными снаружи и изнутри дном и цельными торцевыми частями без поперечных досок (погр. 36, 51, 62). В других — это прямоугольные ящики из досок-плах, в которых поперечные стенки вставлены на расстоянии 10–15 см от концов продольных сценок (погр. 53, 54, 59, 69). Интересна группа погребений могильника, ямы которых высечены в камне, — плитняке. В некоторых случаях в этих могилах (погр. 42, 46, 47, 56) вдоль продольных стенок поставленные крупные каменные плиты [Генинг, 1967, с. 14].

Умерших клали вытянуто на спине, как правило, с вытянутыми руками. В большинстве погребений обнаружен сопровождающий инвентарь (рис. 9/2–4, 7). В 23 захоронениях обнаружены жертвенные комплексы [Генинг, Мырсина, 1967, с. 89–90]. Погребения ориентированы на северо-восток с незначительными отклонениями [Останина, 1997, с. 122].

В.Ф. Генинг датирует памятник III–V вв. [Генинг, Мырсина, 1967, с. 96], Т.И. Останина в свою очередь придерживается даты — середина III–IV вв. [Останина, 1997, с. 122].

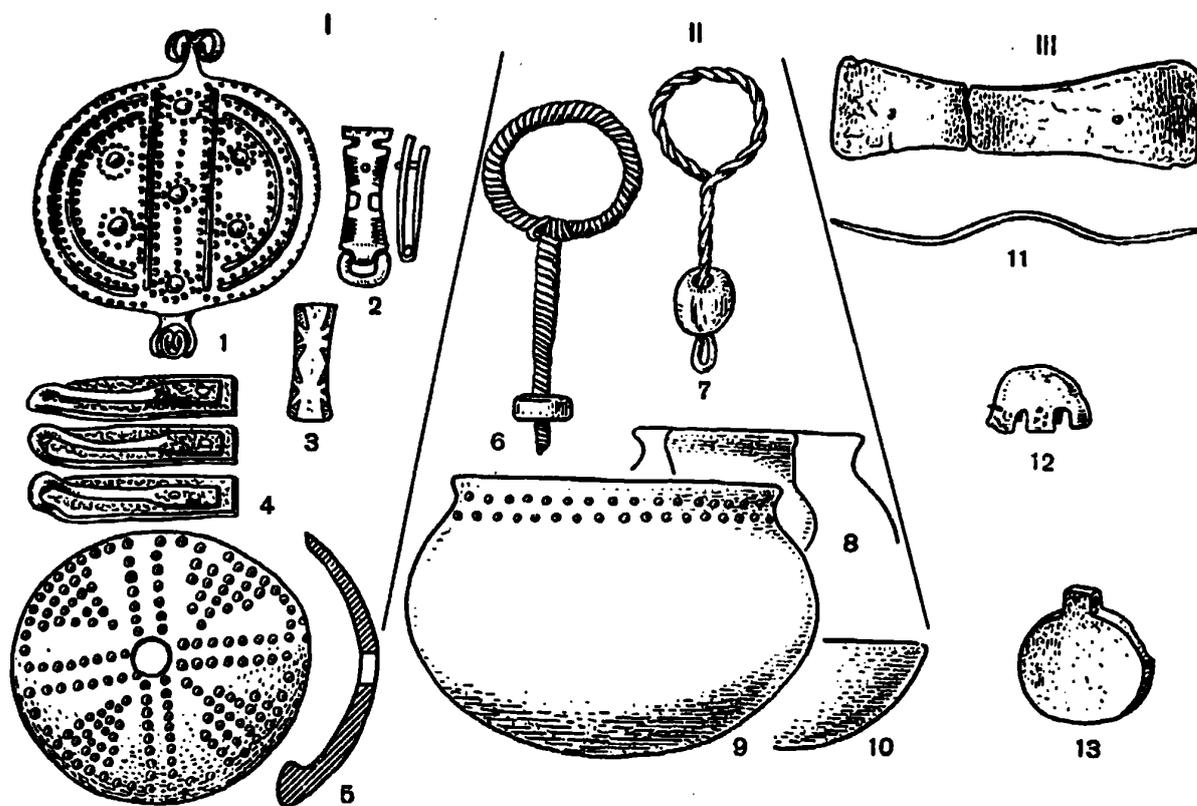

Рис. 9. Комплекс вещей мазунинской культуры III–V вв. (по В.Ф. Генингу)
 1, 5 – Ижевский могильник; 2–4, 7 – Мазунинский могильник; 6, 11–13 – Бирский могильник; 8, 10 – городище Чеганда I; 9 – Сайгатский могильник. Варианты: I – удмуртский, II – общемазуненский, III – башкирский [Генинг, 1972, рис. 4]

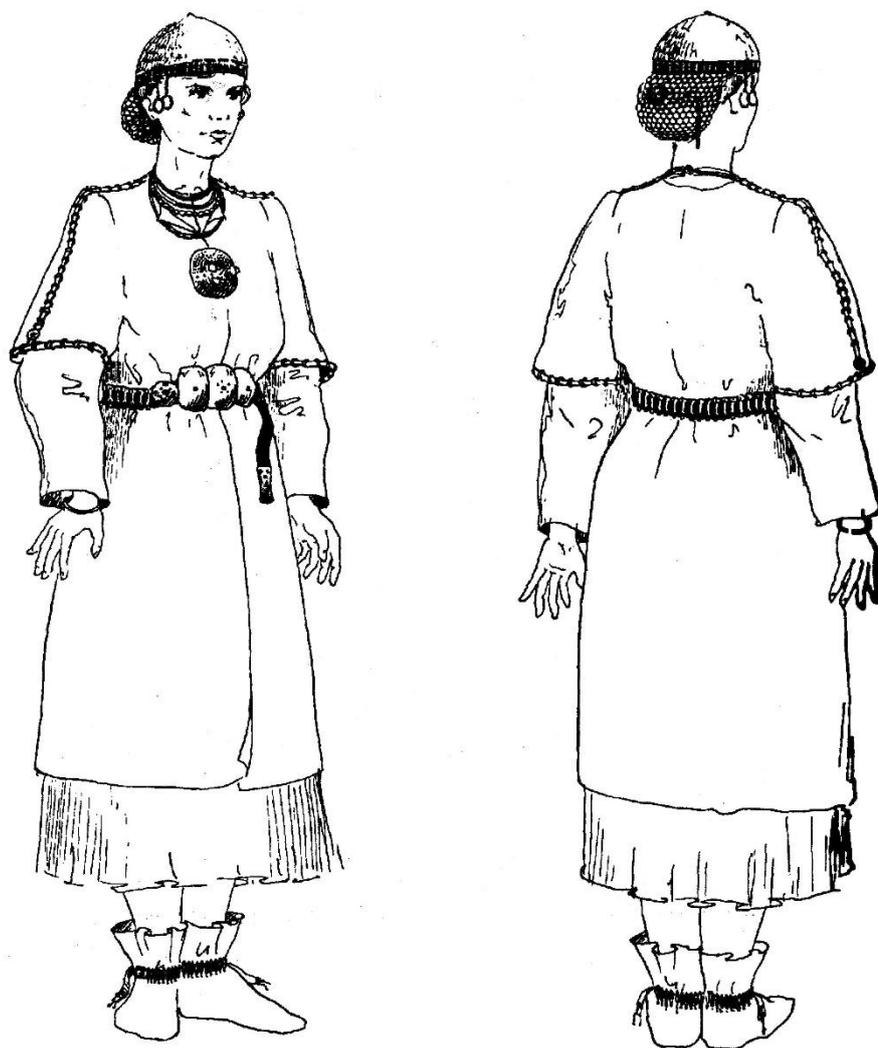

Рис. 10. Реконструкция женского костюма [Останина, 1997, рис. 74].

Вопросы:

1. Назовите особенности вещевого материала погребений мазунинской культуры.
2. Какие аргументы приводят исследователи для подтверждения автохтонного происхождения мазунинской культуры?

Список рекомендуемой литературы:

1. Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. — М.: Наука, 1968. — 120 с.
2. Васютки С.М. К дискуссии по бахмутинской культуре // Советская археология. — 1971. — № 3. — С. 91–105.
3. Васютки, С.М., Останина Т.И. Старо-Кабановский могильник — памятник мазунинской культуры в северной Башкирии // Вопросы истории и культуры Удмуртии. — Устиново, 1986. — С. 63–130.
4. Генинг В.Ф. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // Вопросы археологии Урала. — 1967б. — Вып. 7. — С. 8–68.
5. Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. — М.: Наука, 1972. — С. 221–295.
6. Генинг В.Ф., Мырси́на Е.М. Мазунинский могильник // Вопросы археологии Урала. — 1967. — Вып. 7. — С. 85–115.
7. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск: Удмуртский университет, 2004. — 464 с.
8. Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху железа. — М.: Наука, 1984. — 88 с.
9. Иванов В.А. Южный Урал в эпоху Великого переселения народов // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. — Уфа: Китап, 1997. — С. 71–78.
10. Иванов В.А. Финно-угры на Южном Урале и в Приуралье // История татар с древнейших времен. Т 1. Народы степной Евразии в древности. — Казань: Рухият, 2002. — С. 204–209.
11. Мажитов Н.А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // Археология и этнография Башкирии. — 1964. — Т. 2. — С. 101–110.
12. Могильников В.А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н.э. — I тысячелетия н.э. // Археология и этнография Башкирии. — 1971. — Т. 4. — С. 151–157.
13. Останина Т.И. Мазунинская археологическая культура в Среднем Прикамье (к вопросу об определении археолого-этнического комплекса культуры) // Краткие сообщения Института археологии. — 1988. — № 194. — С. 80–85.
14. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. — Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. — 326 с.

15. Стаматина О.Р. Погребальный обряд пьяноборской культуры в свете статистического анализа: дис. ... канд. ист. наук. — Уфа, 2004. — 241 с.

16. Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов. — Уфа: ГУП Уфимский полиграфический комбинат, 2004. — 172 с.

1.3. Бахмутинская археологическая культура

Первые сведения о памятниках бахмутинской культуры относятся к XVIII в. и связаны с именем *П. Рычкова*, который во время своего путешествия по восточным губерниям России посетил Кара-Абызское, Бирское, Сарвихинское и другие городища, расположенные по р. Белой, и дал их внешнее описание [Рычков, 1887, с. 201]. Учитывая большое сходство вещевого материала памятников низовьев р. Белой и Средней Камы, *А.В. Шмидт* объединил их в одну археологическую культуру под названием бахмутинская, датируя ее V–VII вв. [Мажитов, 1968, с. 5].

Свое название культура получила от известного с конца XIX в. Бахмутинского могильника, расположенного около д. Чандар Нуримановского района Башкортостана (могильник получил название по починку Бахмутинский – на сегодняшний день не существующему). С этих пор бахмутинцами называют племена, проживающие на территории Северной Башкирии, южной части Пермского края и Средней Камы [Мажитов, 1973, с. 115]. На данный момент в междуречье рек Уфы и Белой известно более 300 памятников бахмутинской культуры (рис. 11) [Голдина, 2004, с. 298].

На основании результатов исследования Бирского могильника *Н.А. Мажитов* однозначно локализует на территории Среднего Прикамья самостоятельную бахмутинскую культуру. Исследователь, увеличив по времени дату, предложенную *А.В. Шмидтом*, выделил в ее развитии два этапа: ранний (II–IV вв.) и поздний (V–VII вв.) [Мажитов, 1968, с. 9].

Действительно, в материальной культуре среднекамских племен четко выделяются два хронологических этапа. Эти различия в вещевом материале заметил еще «первооткрыватель» бахмутинской культуры *А.В. Шмидт*. Как сообщает *Т.И. Останина*, *А.В. Шмидт* делил бахмутинские древности на две группы: для первой (ранней) характерны привески в форме вопросительного знака с сомкнутым кольцом, ожерелья из красного рубленого бисера; для второй (поздней) — серьги в виде проволочного кольца с «напущенным многогранником», ожерелья из сердоликовых, янтарных и стеклянных бус, кольцевые застежки, привески-коньки, привески в виде бутылочек [Останина, 1997, с. 8–9].

С точки зрения *Н.А. Мажитова*, на раннем этапе (II–IV вв.) бахмутинская культура была очень близка культуре местных караабызо-пьяноборских племен. *Н.А. Мажитов* называет такие общие черты, как бескуранные неглубокие (0,4–1,0 м) могилы простой формы, коллективные захоронения, практически полное отсутствие глиняной посуды в погребениях [Мажитов, 1973, с. 118].

Однако в культуре пьяноборских и раннебахмутинских племен присутствуют и существенные отличия. Одной из своеобразных черт раннебахмутинской культуры *Н.А. Мажитов* называет находки в погребениях жертвенных комплексов в виде собранных в кучку или сложенных в берестяную коробочку украшений. Это явление, случайное для пьяноборских племен, становится обязательным элементом, отличающим бахмутинские могильники от других, оставленных соседними племенами [Мажитов, 1973, с. 118]. Среди

других признаков раннебахмутинской культуры Н.А. Мажитов называет погребения в деревянных гробах или настилах, присутствие в женском костюме характерных височных колец, имеющих форму прямого стержня, один конец которого оканчивается большим сомкнутым кольцом, а другой имеет вид крючка для подвешивания. Стержень этих подвесок во всю длину обматывается тонкой бронзовой проволокой в виде спирали, а на нижний конец его насаживается крупная стеклянная или пастовая бусина. Из других украшений можно отметить ожерелья из мелких темно-синих или светло-голубых и крупных красных или светло-желтых бусин, проволочные браслеты с заходящими или сомкнутыми концами, арбалетообразные фибулы с пластинчатыми приемниками, фигурки медведя, служившие подвесками [Мажитов, 1962, с. 67–68].

В конце IV в. в среднее течение р. Белой проникают турбаслинские племена, по мнению Н.А. Мажитова, их присутствие серьезно изменило материальную культуру бахмутинского населения. Для позднего этапа (V–VII вв.) характерными становятся могилы с широкими нишами в северной стенке, наличие в погребениях керамической посуды с остатками пищи. Формы горшков достаточно разнообразны: это и сосуды наподобие чашек с широким горлом и большие с узким горлом и круглым дном. Сосуды иногда орнаментированы маленькими круглыми ямками, некоторые украшены по горлу частыми горизонтальными линиями, перемежающимися отпечатками овальных штампов. Подобных горшков у бахмутинцев раньше не было. С V в. изменяется и состав погребального инвентаря: маленькие бусы из стекла сменяются бусами из янтаря и более крупными стеклянными, частыми становятся изображения фигур лошадей, нагрудные подвески из меди, серебра и золота, серьги и браслеты со змеевидными изображениями на концах, в женских захоронениях появляются сплошь украшенные ромбовидными накладками длинные пояса. В целом могилы V–VII вв. отличаются более богатым инвентарем [Мажитов, 1973, с. 123–124].

В.А. Могильников
(1932–2002)

Н.А. Мажитов обращает внимание, что, хотя и позднебахмутинские памятники существенно отличаются от ранних, но в них достаточно ясно прослеживаются черты, связывающие их с культурой раннебахмутинских племен. Без изменения остаются ориентировка и положение костяков, встречаются также жертвенные комплексы, а из предметов — височные подвески бахмутинского типа и многие формы бусин и нагрудных украшений, что, по мнению исследователя, «доказывает этническое единство носителей ранней и поздней бахмутинской культуры» [Мажитов, 1964, с. 108].

В.А. Могильников склонен видеть в культурных изменениях, произошедших в местной среде в середине I тыс. н.э., проникновение на территорию Башкирии мощной волны угорского и тюркского населения западносибирской лесостепи [Могильников, 1971, с. 157].

Об имевшем место иноэтничном вливании свидетельствуют и антропологические материалы. М.С. Акимова полагает, что с большой долей вероятности можно говорить о некоторых изменениях в составе населения на позднем этапе развития бахмутинской культуры. Однако эти изменения произошли в результате смешения местного населения с мигрантами европеоидного облика, которые пришли с юга [Акимова, 1968, с. 63], что никак не соотносится с теорией о миграции угров (уралоидов) или тюрков (монголоидов).

Что касается вопроса хронологии бахмутинской культуры, то, как отмечает Р.Д. Голдина, он является «одним из наиболее запутанных». В современной археологии до сих пор существуют как минимум три точки зрения.

Согласно первой, памятники Среднего Прикамья I тыс. н.э. следует связывать с двумя последовательными культурами: мазунинской (III–V вв.) и бахмутинской (V–VII вв.). Их этническая интерпретация разнообразна. Если мазунинские памятники в конце концов исследователями признаны продолжением развития местных кара-абызской и чегандинской культур предшествующего времени [Голдина, 2004, с. 299–301], то в генезисе бахмутинских древностей наблюдают определенные пришлые компоненты (турбаслинская и кушнаренковская культуры). В течение VI–VII вв. происходит процесс ассимиляции местного (мазунинского) населения, результатом которого становятся памятники бахмутинской культуры [Останина, 1997, с. 181].

Согласно второй, вся археологическая культура рассматриваемого региона III–VIII вв. должна называться бахмутинской, где памятники III–V вв., отражающие ранний этап существования культуры, следует называть мазунинскими [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 4].

Согласно третьей, вся археологическая культура Среднего Прикамья III–VIII вв. должна именоваться мазунинской, а ее поздний этап, в рамках которого местное население испытало некоторое влияние со стороны пришлых турбаслинских племен, – бахмутинским [Иванов, 1984, с. 22].

Могильники бахмутинской археологической культуры

Бирский могильник (206 погребений / 206 комплексов)

Бирский могильник является самым большим и наиболее изученным памятником бахмутинской культуры [Мажитов, 1973, с. 120]. Т.И. Останина придерживается иной культурной интерпретации некрополя и относит его к мазунинской культуре [Останина, 1997, с. 207].

Могильник расположен вблизи г. Бирска на высоком правом берегу р. Белой, по правую сторону дороги, ведущей из города в урочище Святой Ключ [Мажитов, 1968, с. 10].

Первые сведения о Бирском могильнике относятся к 1900 г. В карьере, откуда бралась глина для кирпичного завода, было обнаружено несколько захоронений и в них стеклянные бусы, бронзовые височные подвески и другие предметы. В археологической литературе памятник известен с 1902 г. — с того

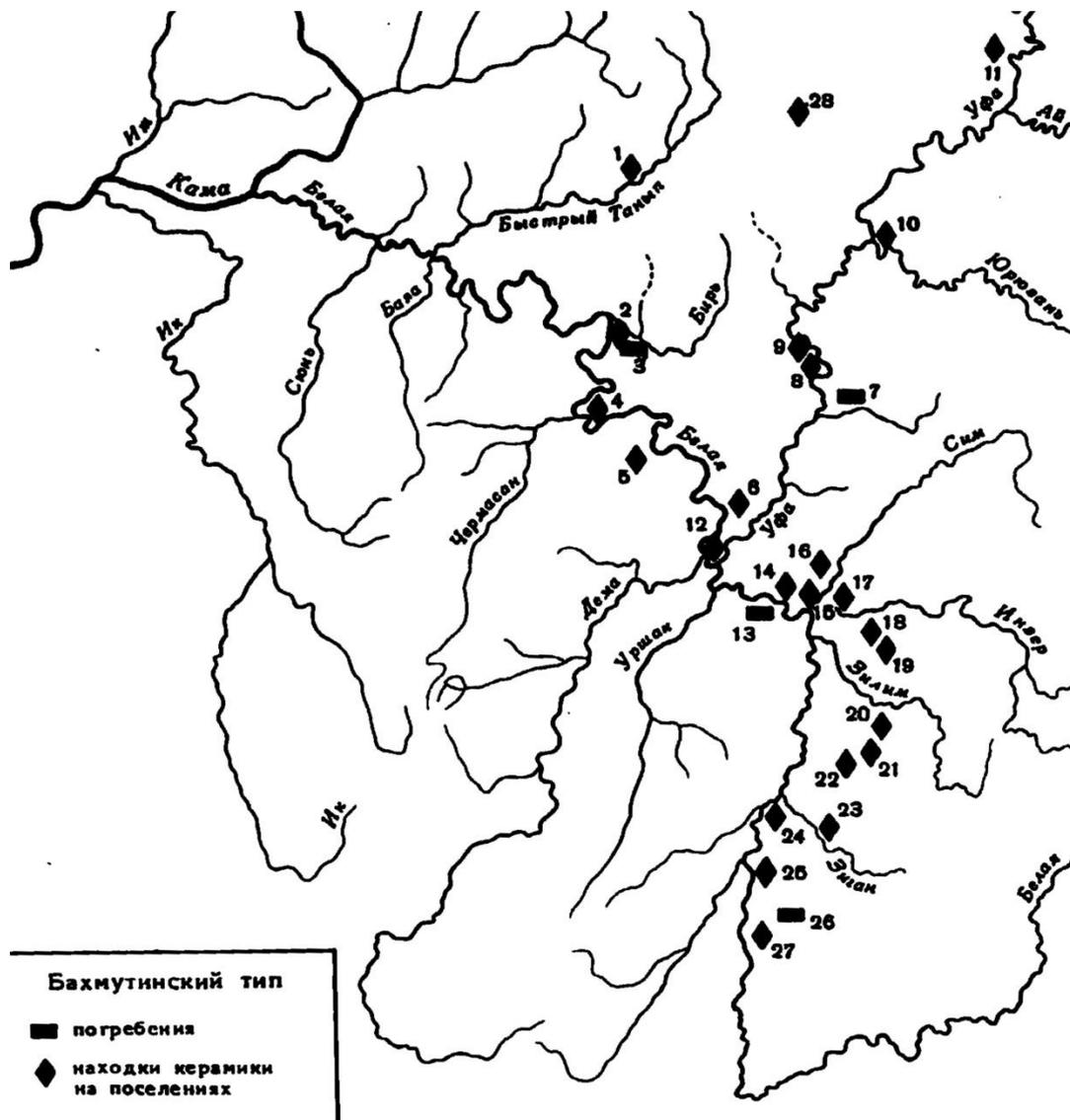

Рис. 11. Карта распространения памятников бахмутинской культуры

[Генинг 1972, рис. 7]:

1 — Кансярское городище;	10 — Устю-Юрго земское селище;	20 — Имендяшевское городище;
2 — Бирское городище;	11 — Усть-Айское селище;	21 — селище Таш-Баш (Куляново);
3 — Бирский могильник;	12 — городище Уфа II;	22 — селище Журавлиная Поляна;
4 — городище Гремячий Ключ;	13 — Ширеевский могильник;	23 — селище Ихтисат;
5 — Кувыковское городище;	14 — городище Колпак (Жилино);	24 — селище Юрак-Тау;
6 — Ново-Турбаслинское селище;	15 — городище Мунчазы;	25 — селище Тура-Тау;
7 — Бахмутинский могильник;	16 — Бердинское городище;	26 — Салеховский могильник;
8 — городище Соколиный Камень;	17 — Кумырлинское селище;	27 — Каныкаевское погребение;
9 — Чандарское селище;	18 — Устиновское селище;	28 — Сандиякское городище
	19 — Бенсовское селище;	

времени, когда заинтересовавшийся им археолог Н. Булычев опубликовал материалы о случайно обнаруженных им во время земляных работ находках. Научное исследование памятника началось в 1958 г. [Мажитов, 1973, с. 121; Мажитов, 1968, с. 10].

Археологические раскопки 1959–1961 гг. позволили изучить на могильнике 206 погребений (все они учтены в анализе).

Все погребения могильника грунтовые, одиночные, ориентированы на северо-запад (редко на запад и север), располагаются погребения довольно густо. Никаких внешних признаков на поверхности земли погребения не имеют. Но, учитывая, что могильник функционировал примерно четыре столетия, и при этом не встречено ни одного случая перекрывания одного погребения другим, можно предположить, что на могильнике использовались деревянные или каких-либо другие надмогильные сооружения [Мажитов, 1968, с. 10].

По мнению автора раскопок Н.А. Мажитова, могилы могут быть разделены на две группы. В планиграфическом отношении эти группы фиксируются на могильнике в виде двух зон — северной (ранней) и южной (поздней). Считается, что северная зона — могильник местного (мазунинского) населения, а возникновение южной происходило под влиянием на то же местное население пришлых иноэтнических групп [Амброз, 1980, с. 5].

К раннему периоду (II–IV вв.) относится более пятидесяти могил. Это могилы, как правило, неглубокие (0,4–0,6 м), простой формы. Умершие уложены на спину, головами на северо-запад. Во всех могилах встречаются женские украшения. В мужских погребениях, кроме того, обнаружены железные топоры, наконечники копий, стрел, железные мундштуки от конских поводьев (рис. 12, 13) [Мажитов, 1973, с. 121–123].

Большинство исследованных на могильнике погребений, с точки зрения Н.А. Мажитова, относится к V–VII вв. В них сохраняется в основном тот же традиционный обряд, что и в ранних захоронениях, но в то же время появляются некоторые новые черты (ниши, горшки с жертвенной пищей, янтарные бусы и т. д.). Все эти изменения автор связывает с приходом в V в. в ареал проживания среднеприкамских племен иноэтничных мигрантов (турбаслинцев).

Н.А. Мажитов датирует могильник временем II–VII вв., А.К. Амброз, опираясь на аналогии с материалами из памятников Крыма и Кавказа (прежде всего фибул и пряжек), придерживается хронологии IV–VII вв. [Амброз, 1980, с. 1].

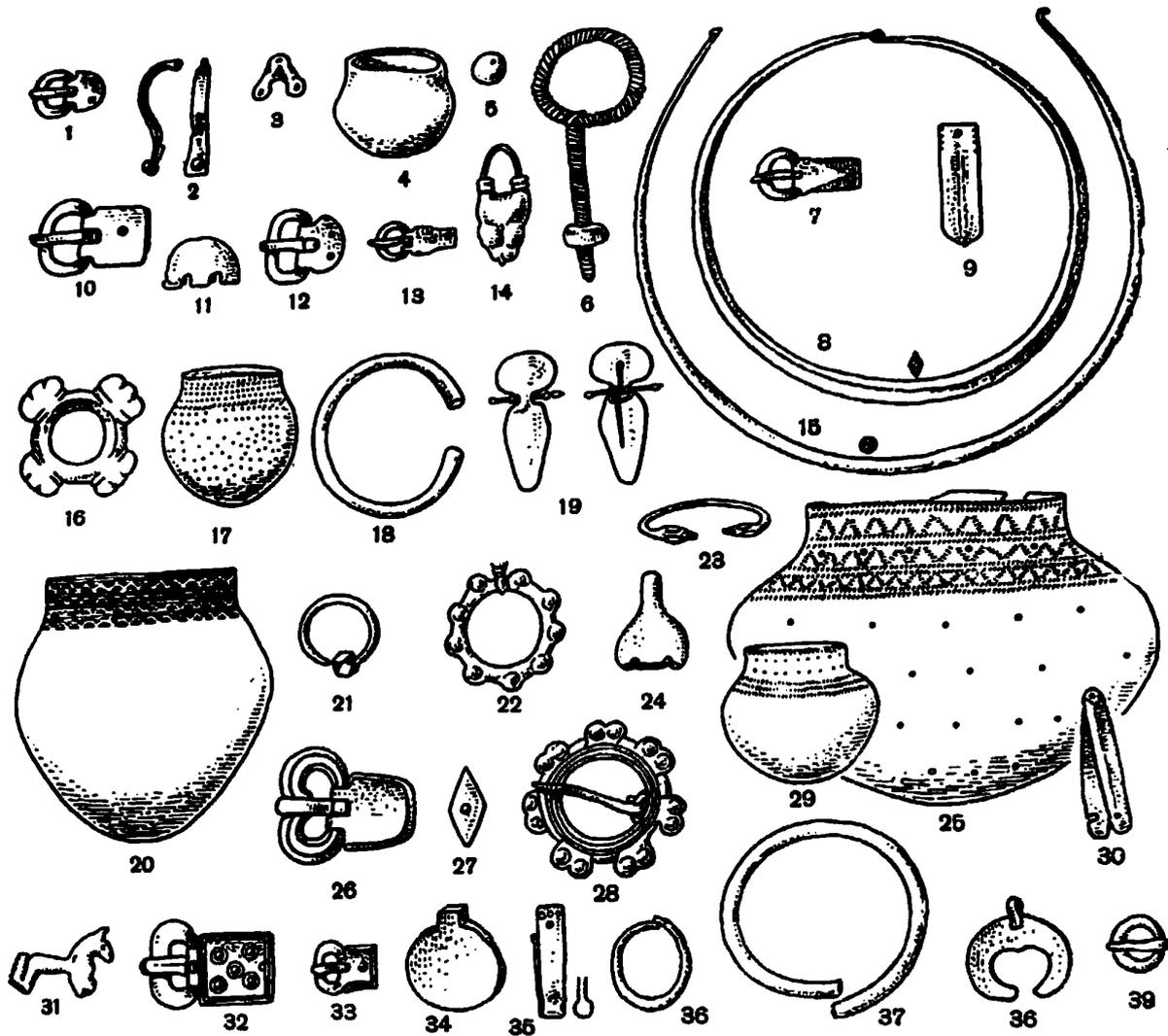

Рис. 12. Материалы Бирского могильника [Генинг, 1972, рис. 3]:
1, 7, 10, 12, 13, 26, 32, 33, 39 – пряжки; 2, 19 – фибулы; 3, 5, 27 – накладки; 4, 17, 20, 25, 29 – сосуды; 6 – височные подвески; 8, 15 – гривны; 9, 30, 35 – наконечники ремня; 11, 16, 22, 24, 28, 31, 34, 38 – подвески; 14, 21, 36 – серьги; 18, 23, 37 – браслеты

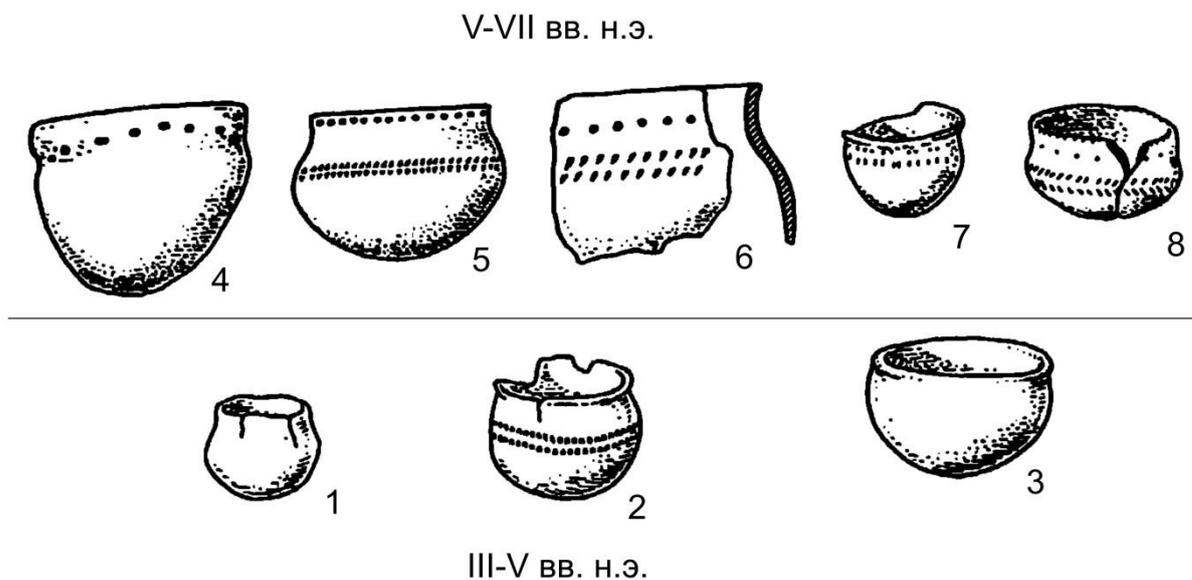

Рис. 13. Керамика бахмутинского типа [Генинг, 1972, рис. 6]:
1–3, 7, 8 – Бирский могильник, 4–6 – Бахмутинский могильник

Вопросы:

1. Какие два этапа бахмутинской культуры выделяют исследователи? Чем они характеризуются?
2. Какие племена оказали влияние на генезис материальной культуры бахмутинских памятников? Какие изменения в результате этого влияния произошли в погребальном обряде бахмутинцев?
3. Сравните характерные черты памятников мазунинской культуры и памятников раннебахмутинской культуры:

Критерии	Мазунинская культура	Раннебахмутинская культура
Глубина погребальных ям		
Ориентировка погребений		
Вещевой комплекс		
Керамика		
Происхождение культуры (этнический компонент)		

Список рекомендуемой литературы:

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. — М.: Наука, 1968. — 120 с.

Амброз А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии в IV–VII вв. // Средневековые древности евразийских степей. — М.: Наука, 1980. — С. 1–56.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск: Удмуртский университет, 2004. — 464 с.

Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху железа. — М.: Наука, 1984. — 88 с.

Мажитов Н.А. Ранние памятники бахмутинской культуры // Вопросы археологии Урала. — Свердловск, 1962. — Вып. 2. — С. 65–71.

Мажитов Н.А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // Археология и этнография Башкирии. — 1964. — Т. 2. — С. 101–110.

Мажитов Н.А. Тайны древнего Урала. — Уфа, 1973. — 183 с.

Могильников В.А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тысячелетия до н.э. — I тысячелетия н.э. // Археология и этнография Башкирии. — 1971. — Т. 4. — С. 151–157.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. — Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. — 326 с.

Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Сочинение 1762 года. — Оренбург, 1887. — 435 с.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов. — Уфа: ГУП Уфимский полиграфический комбинат, 2004. — 172 с.

1.4. Азелинская археологическая культура

Азелинская археологическая культура была выделена по предложению *В.Ф. Генинга* на основании материала раскопок Азелинского и Суворовского могильников, а также аналогичных памятников, расположенных в бассейне р. Вятка и р. Камы (Вичмарский, Воробьевский, Хлюпинский могильники, могильник Тюм-Тюм и др.). Территориально азелинская культура занимает Волго-Вятское междуречье и правобережье Нижней Камы (рис. 14). *В.Ф. Генинг* датировал азелинские памятники III–VI вв. [Генинг, 1959, с. 204].

Азелинские могильники по своему расположению на местности не зависят ни от рельефа, ни от связи с рекой: они обнаружены и на берегах рек, и в пойме, и на пологой возвышенности. Могилы расположены параллельными рядами, расстояние между которыми, впрочем, как и между могилами, часто очень большое, на основании чего *Р.Д. Голдина* высказывает предположение о существовании на азелинских могильниках (в частности на Азелинском и Суворовском) курганов, которые были уничтожены глубокой вспашкой [Голдина, 2004, с. 254].

Могильные ямы глубокие (1,5 м и более), без определенной ориентировки по сторонам света. Умершие уложены вытянуто на спине с многочисленным сопровождающим материалом (оружие, орудия труда). Сосудов в погребениях не обнаружено. Детали костюма расположены так, как носились при жизни [Генинг, 1959, с. 204].

Костюм населения азелинской культуры (в особенности женский) отличается особой пышностью. В погребениях находят мелкие накладки и бусины от шапочек-такей и накосников, височные подвески в виде длинной перекрученной проволоки с небольшим кольцом вверху и колокольчиком внизу, обоймочки от обшивки верхнего кафтана, крупные медные бляхи диаметром до 10–11 см, которые украшали женский кафтан на груди, остатки роскошных кожаных поясов, окрашенных в красный цвет, с накладными халцедоновыми дисками. Своеобразной визитной карточкой азелинской культуры можно считать эполетообразные застежки, которыми скреплялись женские пояса. Достаточно часто в азелинских погребениях находят перстни и браслеты, изготовленные из меди, реже из железа. Обувь также имела украшения в виде обоймочек и накладок, в районе подъема стопы ее часто стягивали ремешком с медной, реже железной пряжкой [Генинг, 1963, с. 42–59].

В отношении происхождения азелинских древностей *В.Ф. Генинг* твердо отстаивал автохтонную теорию, заявляя о том, что многие вещи из азелинских погребений в своем происхождении восходят к пьяноборским. Пьяноборские группы населения, избежавшие захвата со стороны пришлых в начале эпохи Великого переселения народов в Прикамье племен, отступили на запад вниз по р. Каме, вплоть до р. Волги и вверх по р. Вятке. Расселившись на новых местах, эти группы продолжили развитие своей культуры. Занятие пьяноборцами новых территорий совпало с крупными изменениями в их социально-экономической сфере: на смену родовой приходит соседская община. Таким образом, азелинцев *В.Ф. Генинг* рассматривает как пьяноборцев,

вступивших на новую ступень исторического развития после заселения новой территории [Генинг, 1963, с. 18]. Свои выводы В.Ф. Генинг, прежде всего, строит на сходстве ряда вещей из азелинских некрополей с материалами поздних пьяноборских захоронений (эполетообразные застёжки, округлые бляхи). Исследователь подчеркивает, что общий характер украшений женских костюмов азелинского и пьяноборского времени почти совершенно одинаков [Генинг, 1963, с. 19].

Казанские археологи, *А.Х. Халиков* и *П.Н. Старостин*, хотя отчасти и признавали автохтонный характер азелинского населения, но обращали внимание и на то, что в его материальной культуре прослеживается сильное влияние со стороны древнейших тюркоязычных племен. Последних исследователи отождествляют с носителями соседней именьковской культуры. В качестве иллюстрации приводится распространенный в азелинской культуре женский головной убор типа шапочки-такьи, полностью по своей форме повторяющий чувашскую тухью, имеющую явно тюркские прототипы [Халиков, 1971, с. 20; Старостин, 1971, с. 53].

П.Н. Старостин
(1936–2012)

Позже П.Н. Старостин, анализируя керамику с азелинских поселений и могильников, отмечал, что часть посуды, представленной на памятниках, а именно лепные плоскодонные горшки с примесями шамота в тесте, близки посуде памятников позднегородецкого круга [Старостин, 2001, с. 96–97].

Альтернативной точки зрения на происхождение азелинцев придерживается *Р.Д. Голдина*. В одной из своих последних работ исследователь связала азелинские памятники, содержащие нетипично большое для пермских захоронений количество предметов вооружения, не с продолжением развития местной культуры, а с пришлым населением. Появление пришлого населения в Прикамье во второй половине III–IV вв. Р.Д. Голдина соотнесла со «второй волной вельбаркской (готской) миграции в Причерноморье и, как следствие, с миграцией пшеворско-черняховского населения в Поволжье» [Голдина, 2004, с. 257; Голдина, Бернц, 2010, с. 155]. В своей аргументации Р.Д. Голдина обращает внимание на наличие в азелинских погребениях наконечников ремней, состоящих из двух прямоугольных металлических пластин с зауженной средней частью, центр распространения которых связывают с территорией Польского Поморья, пшеворской, западно-балтской и вельбаркской культурами. Западные параллели обнаруживает и найденный на Суворовском могильнике ажурный каркасный шлем [Голдина, 2004, с. 255–257].

Таким образом, в историографии этнокультурной интерпретации азелинских древностей присутствуют диаметрально противоположные точки зрения: с одной стороны, автохтонная (В.Ф. Генинг), с другой стороны, миграционная, при этом в качестве возможных переселенцев называются тюркские (А.Х. Халиков; П.Н. Старостин, ранние работы), позднегородецкие (П.Н. Старостин) и гото-славянские племена (Р.Д. Голдина).

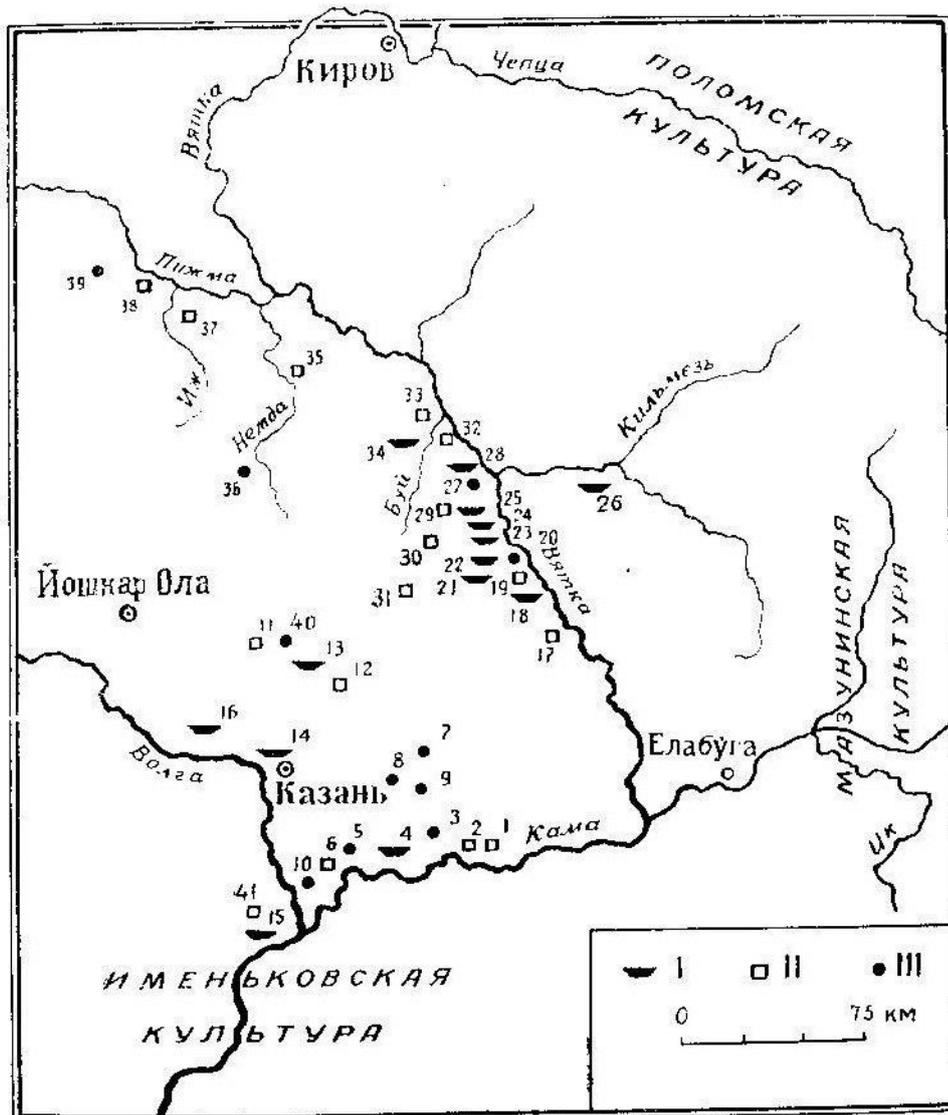

Рис. 14. Карта памятников азелинской культуры [Генинг, 1963, рис. 3]:

I – Могильники: 4 – Масловский; 13 – Айшинский; 14 – Казанский; 15 – Сюкеевский; 16 – Мари-Луговской; 18 – Атамановы Кости; 21 – Азелинский; 22 – Сунцевский; 23 – Хлюпинский; 24 – Воробьевский; 25 – Тюм-Тюм; 26 – Вичмарский; 28 – Красный Ключ; 34 – Суворовский. *II – Городища:* 1 – Тарасова Пристань; 2 – Черепашье; 6 – Именьковское; 11 – Ашнязкое; 12 – Соловцовское; 17 – Каракулинское; 19 – Атамановы Кости; 29 – Шевнинское; 30 – Сабуяльское; 31 – Куш-Билясорское; 32 – Чапаевское; 33 – Буйское; 35 – Бурьгинское; 37 – Ижевское; 38 – Еманаевское; 41 – Елховское. *III – Случайные находки:* 3 – Урахча; 5 – Шуран; 7 – Ковали; 8 – Калкомерка; 9 – Кибачи; 10 – Ташкермень; 20 – Малмыж; 27 – Шурма; 36 – Кичма; 39 – Безводное; 40 – Верх Верески

Могильники азелинской культуры

Азелинский могильник (20 погребений / 20 комплексов)

Памятник был обнаружен в 1929 г. во время земляных работ, связанных с установлением столба электролинии у д. Азелино Малмыжского района Кировской области. Первым обследовал могильник местный краевед И.Г. Худяков.

Площадка, занятая могильником, находится на высоком левом берегу небольшого ручья к северу от д. Азелино. К юго-востоку от могильника протекает р. Шошма, с могильника открывается вид на пойму этой реки, вплоть до ее впадения в р. Вятку. Площадка расположена у самого края коренного берега поймы и занимает своеобразную стрелку, образованную небольшим логом, который врезается с восточной стороны в террасу. Площадка памятника часто распахивалась, верхний слой содержит много известковых камней [Генинг, 1963, с. 96–98].

Р.Д. Голдина предполагает наличие на могильнике 8 курганов [Голдина, 2004, с. 254].

Раскопки могильника были предприняты в 1955 г. у самого края террасы. Общая площадь раскопа составила 1080 кв. м. В ходе полевых работ на могильнике было выявлено 22 погребения (два из них разрушены в 1929 г.). Вокруг погребений была вскрыта достаточная площадь пустого пространства (никаких вещей вне погребений не обнаружено), на основании чего В.Ф. Генинг заключил, что этот небольшой могильник изучен полностью [Генинг, 1963, с. 96]. Материалы раскопок 1955 г. полностью использованы в анализе.

По сопровождающему инвентарю (рис. 16, 17) погребения Азелинского могильника были датированы III–IV вв. [Голдина, 2004, с. 257].

Суворовский могильник (31 погребение / 31 комплекс)

Могильник находится в 1,5 км к западу от д. Суворово Уржумского района Кировской области. Площадка памятника расположена на возвышенности, не имеющей никаких естественных ограничений. Когда-то по памятнику проходила дорога от деревни в поля, в обнажениях колеи которой местные жители периодически находили древние вещи.

Раскопки на памятнике были осуществлены в 1955 г. В ходе работ было исследовано 31 погребение [Генинг, 1963, с. 107] (все они учтены в анализе).

Р.Д. Голдина предполагает наличие на вскрытой части могильника 16 курганов [Голдина, 2004, с. 254].

По характеру погребального инвентаря (рис. 15) могильник был датирован периодом III–IV вв. [Голдина, 2004, с. 257].

Рождественский V могильник (103 погребения / 101 комплекс)

Могильник относится к группе памятников, расположенных у с. Рождествено Лаишевского района Республики Татарстан. Рождественский V могильник располагается на мысу надлуговой террасы, образованном р. Мёшей

и ручьем — правым ее притоком, превратившемся после затопления водохранилища в залив; высота мыса 1–1,5 м над уровнем водохранилища [Старостин, 2009, с. 28].

За весь период исследования на могильнике изучены: одно погребение эпохи бронзы, 101 погребение азелинской культуры, 171 мусульманское погребение [Старостин, 2009, с. 4].

Азелинские материалы (рис. 16, 17) памятника датируются III–IV вв. н.э. [Старостин, 2009, с. 2].

Рис. 15. Реконструкция женского костюма азелинской культуры по материалам Суворовского могильника [Генинг, 1963, рис. 19, 23, 31, 32]

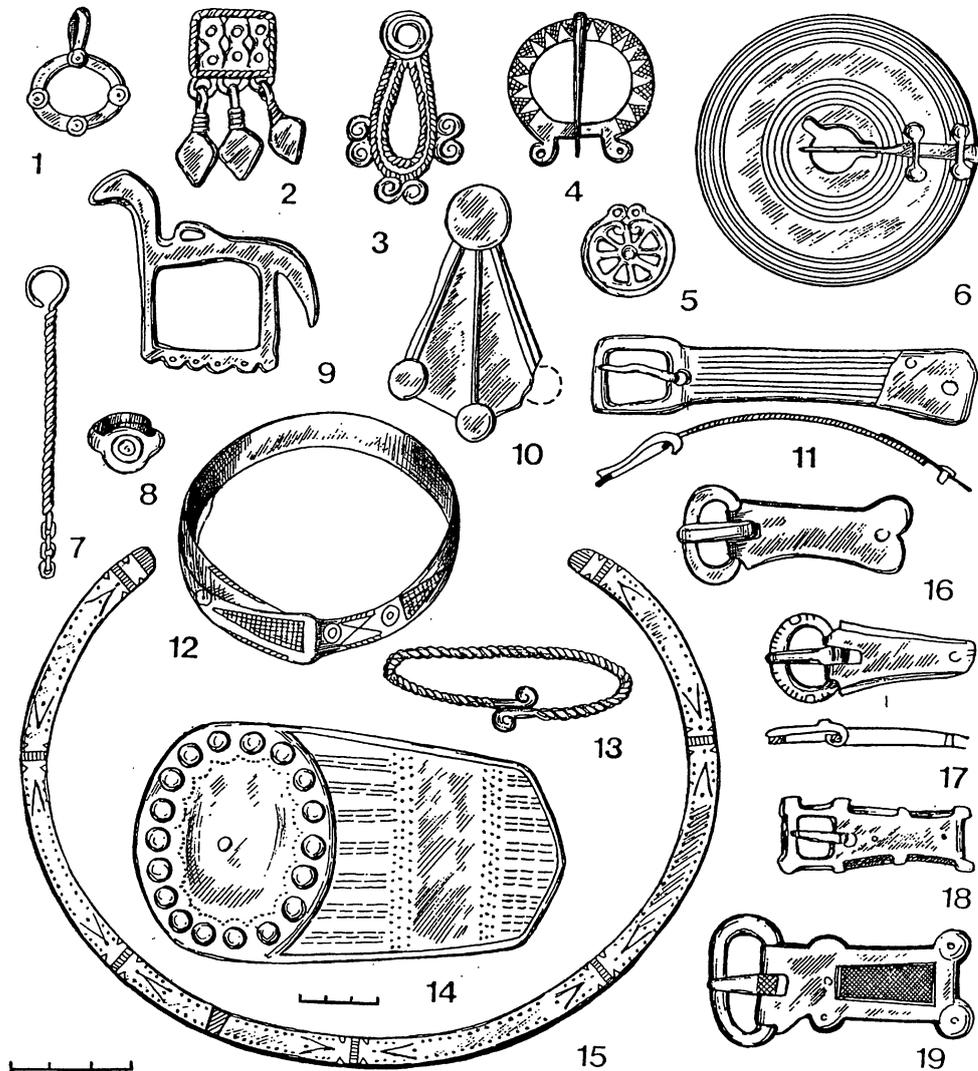

Рис. 16. Бронзовые украшения азелинской культуры (IV в. н. э.)

[Голдина, 2004, рис. 116]:

1–3, 5, 9, 10– подвески; 4 – сьюльгама; 6 – застежка; 7– височная подвеска; 8 – перстень;
11, 16–19 – пряжки; 12, 13– браслеты; 14– эполетообразная застежка; 15– гривна

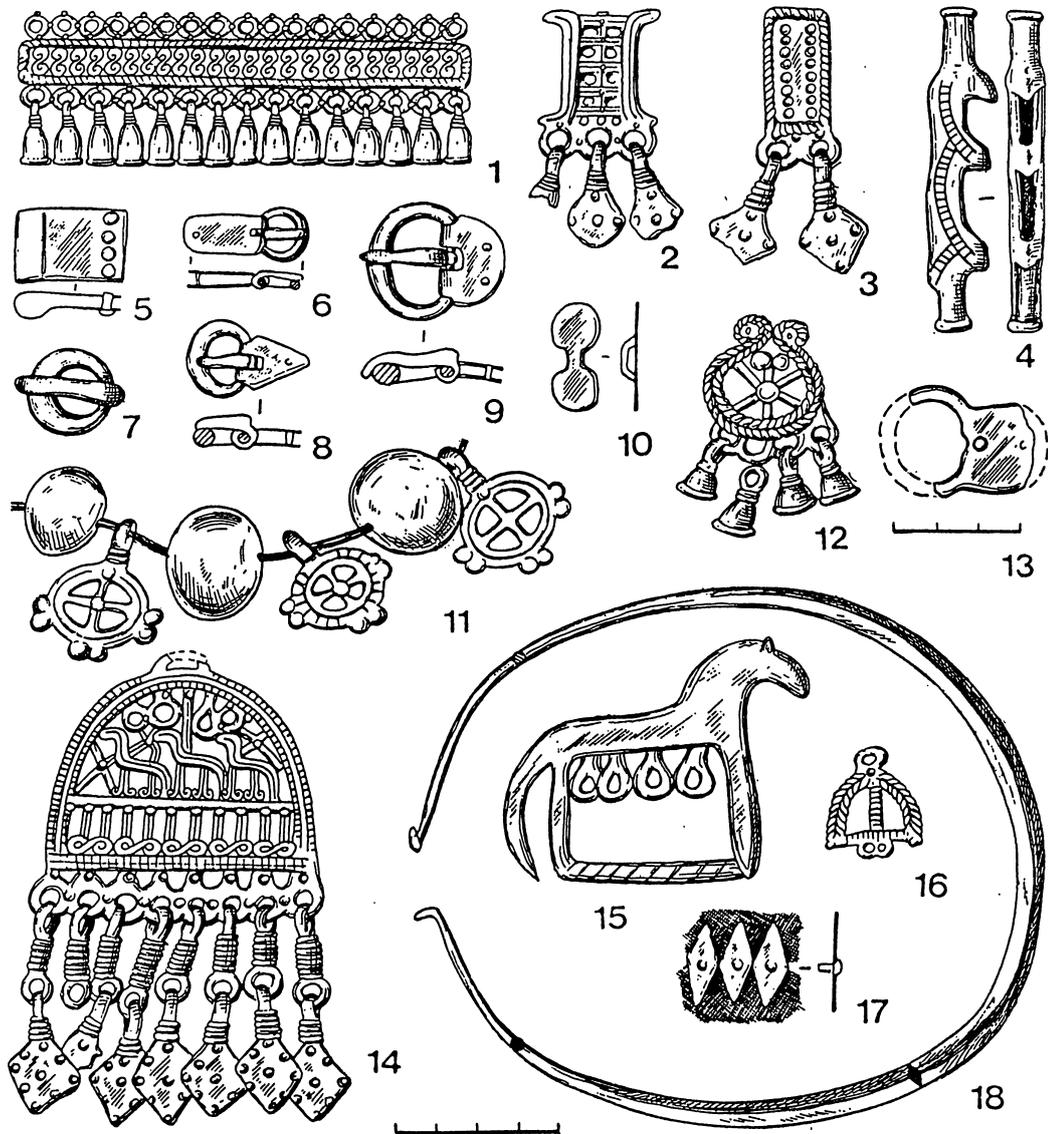

Рис. 17. Бронзовые украшения азелинской культуры (V в. н. э.)

[Голдина, 2004, рис. 116]:

1-3, 12, 14-16- подвески; 4- пронизка; 5- наконечник ремня; 6-9, 13- пряжки; 10, 17- накладки; 11- ожерелье из подвесок и бус; 18- гривна

Вопросы:

1. Какова особенность расположения могильников азелинской культуры?
2. Каковы особенности костюма азелинской культуры?
3. Какие точки зрения существуют на происхождение азелинской культуры?

Список рекомендуемой литературы:

Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. – 1959. — № 2. — С. 182–219.

Генинг В.Ф. Азелинская культура // Вопросы археологии Урала. – 1963. – Вып. 5. — 195 с.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск: Удмуртский университет, 2004. — 464 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). — Ижевск: Изд-во УдГУ, 2010. — 499 с.

Старостин П.Н. Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. – 1971. – Вып. 1. — С. 37–54.

Старостин П.Н. Азелинская культура // Очерки по археологии Татарстана. — Казань, 2001. — С. 92–99.

Старостин П.Н. Рождественский V могильник // Археология Евразийский степей. — Казань: Институт истории АН РТ, 2009. — Вып. 9 — 144 с.

Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. – 1971. – Вып. 1. — С. 7–36.

Как видим, «постпьяноборский» культурный кластер составили археологические культуры, представленные носителями местных автохтонных Прикамских традиций.

Захоронения «постпьяноборского» кластера характеризуют такие признаки, как северо-западная, запад-северо-западная либо западная ориентировка костяков, иногда наличие в погребениях ниш, присутствие жертвенных комплексов, в состав которых, как правило, входят бусы и височные кольца.

Вариантом «эталонного комплекса» для «постпьяноборского» культурного кластера можно считать, например, погребение № 7 Бирского могильника. Н.А. Мажитов давал такое описание этого комплекса:

«Погребение 7. 2,25×0,73–0,85 м, глубина 65 см. Костяк лежит вытянуто на спине, головой на северо-запад, с вытянутыми конечностями. Длина костяка 171 см. Справа от черепа — жертвенный комплекс: две проволочные серьги круглой формы и ожерелье из 52 мелких стеклянных бусин желтого, голубого, синего цветов» [Мажитов, 1968, с. 85].

Близость материальной культуры и погребального обряда внутри постпьяноборского культурного кластера однозначно говорит о наличии общих «генетических» черт и культурных корней населения, оставившего данные памятники. По сути вошедшие в кластер культуры в той или иной степени являются продолжением развития традиций пьяноборской культурно-исторической области (по В.Ф. Генингу). К примеру, О.А. Казанцева, разрабатывая хронологию Красноярского могильника, отмечала, что ряд украшений с памятника имеет прямые аналогии в материалах синхронных мазунинских могильников [Казанцева, 1995, с. 157–158]. Т.И. Останина однозначно пишет, что Красноярский могильник содержал погребения мазунинской культуры, их появление связано с имевшим место в конце V – начале VI вв. перемещением наиболее богатой части мазунинского населения, в основном мужчин, в северо-восточном направлении [Останина, 1997, с. 179–180].

О тесных контактах азелинцев с племенами, населявшими бассейн Средней Камы, говорит П.Н. Старостин. Исследователь ссылается на материалы Рождественского V могильника, где в одном из детских погребений № 273 обнаружены бронзовые привески в виде стержня с кольцом внизу, характерные для населения мазунинской культуры [Старостин, 2001, с. 97]. Подобные украшения встречаются и в ранних погребениях Бирского могильника [Мажитов, 1968, с. 12]. Для поздних погребений Бирского могильника, как и для части «рождественских» комплексов, характерно наличие в могилах костей лошади [Мажитов, 1986, с. 29; Старостин, 2009, с. 32].

Можно предположить, что объединение в общую группу памятников пьяноборской (позднегляденовской), мазунинской, бахмутинской, азелинской культур связано с их определенным культурным единством и принадлежностью к неким группам местного пермского населения.

Глава 2. «Позднесарматский» культурный кластер – степные традиции Южного Приуралья

2.1. Турбаслинская археологическая культура

Турбаслинская археологическая культура была выделена *Н.А. Мажитовым* по материалам Ново-Турбаслинских и Уфимских курганов [Мажитов, 1964, с. 105]. Культура получила свое название от курганного могильника, расположенного на территории д. Ново-Турбаслы Благовещенского района Республики Башкирия [Мажитов, 1959, с. 114]. Материал памятника представлял большой интерес, поскольку включал в себя не типичные для местных среднеприкамских племен вещи. Археологи стали связывать турбаслинские древности с пришлыми полукочевыми племенами.

Появление на территории Башкирии мигрантов совпадает со временем массового вторжения гуннов на территорию Восточной Европы. Значительная часть степных кочевников Южного Урала, будучи поглощенной гуннами, приняла участие в их походе. Другая же часть, опасаясь быть ограбленной и стремясь сохранить свою самостоятельность, была вынуждена отступить в горнолесные районы. Подобное массовое переселение кочевых племен наблюдается вплоть до Верхней Камы [Мажитов, 1973, с. 114].

В территориальном отношении турбаслинская культура локализуется в центральной Башкирии, в среднем течении р. Белой (рис. 18). «Первооткрыватель» культуры *Н.А. Мажитов* установил ее хронологические рамки в пределах с конца IV по VII в., при этом отметив, что верхняя граница достаточно условна и может быть перенесена вплоть до IX–X вв. [Мажитов, 1964, с. 106]. При дальнейшем накоплении материала датировка турбаслинских древностей была несколько скорректирована. *С.М. Васюткин* пишет о том, что самые ранние погребения турбаслинской культуры датируются рубежом IV–V или первой половиной V в., самые поздние VII – первой половиной VIII в. Таким образом, доводить верхнюю границу культуры до IX–X вв., как это делает *Н.А. Мажитов*, не представляется возможным [Васюткин, 1970, с. 174].

Ряд исследователей убежден, что, появившись в IV–V вв. на территории Среднего Прикамья, турбаслинцы оказали сильное воздействие на культуру и образ жизни коренного населения. С их приходом в Среднем Прикамье распространяются подкурганные захоронения, обычай помещать вместе с покойным куски конского мяса, появляются новые типы женских украшений и наборных поясов. Пояса, украшенные фигурными накладками в «геральдическом» стиле, сложные золотые и серебряные украшения, выполненные в технике зерни и ажурного плетения, свидетельствуют о тесных контактах пришлых кочевников с кочевниками южных районов Великого пояса евразийских степей, примыкающего к границам раннефеодальных государств Причерноморья, Северного Кавказа и Средней Азии [Иванов, 1997, с. 77].

К специфическим чертам турбаслинской культуры относят также большие глиняные сосуды с сильно раздутым туловом и высоким прямым горлом.

Сосуды имеют уплощенное или округлое днище, но среди них встречаются и плоскодонные [Мажитов, 1964, с. 105].

Для могильников пришлых кочевников характерны небольшие курганные насыпи, содержащие от одного до 6–8 погребений. В насыпях многих курганов встречаются остатки ритуальных тризн в виде кострищ и костей лошади. Могильные ямы ориентированы по линии север–юг с незначительными отклонениями. По устройству погребения кочевников, как отмечает Н.А. Мажитов, делятся на три типа: прямоугольные ямы простой формы; ямы с глубокими подбоями в северной стенке; ямы с заплечиками вдоль длинных стен, иногда с подбоями в северной стенке [Мажитов, 1964, с. 104]. Особую роль в погребальном обряде пришельцев играл огонь, остатки кострищ обнаружены на площадках рядом с могилами. Ритуальные костры, по-видимому, были достаточно большими и горели продолжительное время, об этом свидетельствуют мощные (до 1 м) прокалы, образовавшиеся на месте разведения огня [Мажитов, 1973, с. 105].

Н.А. Мажитов относит к турбаслинской культуре и памятники кушнаренковского и романовского типов, которые другими исследователями рассматриваются в качестве самостоятельных культур. В.Ф. Генинг настаивал на выделении особой кушнаренковской культуры, которую некоторые исследователи прочно связывают с Западно-Сибирскими и Зауральскими уграми [Голдина, 2004, с. 281]. Памятники же романовского типа часто относят к именьковской культуре [Иванов, 1997, с. 77].

В этническом плане турбаслинские племена интерпретируются по-разному. Н.А. Мажитов писал, что по устройству курганов и по основным формам керамики турбаслинцы близко стоят к сарматским памятникам южноуральских и нижневолжских степей. В 1959 г., анализируя материалы Ново-Турбаслинского могильника, исследователь пришел к выводу, что весь комплекс относится к числу «типичных памятников аланских племен на территории Башкирии и Приуралья и имеет близкое сходство с памятниками аланских племен Поволжья и Северного Кавказа» [Мажитов, 1959, с. 142].

Несколько позже исследователь стал улавливать в культуре турбаслинцев и черты тюркоязычных гуннских племен Средней Азии, утверждая, что в культуре и языке пришлого населения преобладали тюркские элементы [Мажитов, 1964, с. 105].

А.Х. Пшеничнюк
(1936–2016)

А.Х. Пшеничнюк рассматривал выводы Н.А. Мажитова как «более или менее удачную гипотезу» [Пшеничнюк, 1968, с. 111]. Исследователь признавал большое сходство погребального обряда Ново-Турбаслинского и Уфимского могильников с позднесарматскими памятниками Нижнего Поволжья. Среди общих элементов он называл небольшие земляные курганы, наличие преимущественно 1–2 погребений под насыпью, узкие грунтовые могилы, северную ориентировку костяка, наличие сосудов в головах погребенных, большое сходство демонстрировала

и керамика. Но в то же время А.Х. Пшеничнюк видел и серьезные отличия. Для сармато-аланских племен Нижнего Поволжья характерны могилы подбоями в длинной стенке, у турбаслинцев же такие подбои сооружены в узкой северной стенке, в сарматских могилах находят обычно кости барана, в могильниках же Башкирии — лошади (однако последнее может быть вполне объяснено особенностями природно-климатических условий Западного Приуралья: высокий снежный покров диктовал кочевникам-сарматам необходимость переориентировки традиционного хозяйства и содержания в стаде большого количества лошадей [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 68]).

Указанные отличия находят аналогии в памятниках ранних кочевников Казахстана, однако большой хронологический разрыв между памятниками Казахстана (VI–IV в. до н.э.) и курганами Башкирии (IV–V вв.) не позволяет устанавливать между ними генетическую связь. Указанные замечания, по мнению А.Х. Пшеничнюка, не дают возможность связать башкирские курганы с какой-либо конкретной культурой или этносом. Пока с уверенностью можно утверждать лишь то, что они оставлены пришлыми с юга и юго-востока племенами, продвинувшимися на север в эпоху Великого переселения народов [Пшеничнюк, 1968, с. 112].

Е.П. Казаков
(р. 1934)

Е.П. Казаков, ссылаясь на материалы открытого им в 1984 г. Коминтерновского II могильника, а также на керамический материал селища Шихан, отстаивает идею о тесном взаимодействии турбаслинских и именьковских групп населения в рамках единой турбаслинско-именьковской общности, которую, в свою очередь, исследователь включает в широкий круг сарматских древностей [Казаков, 1996, с. 40–57; Казаков, 2004, с. 280–284; Казаков, 2011, с. 8–39]. Одной из специфических черт турбаслинско-именьковской общности называется биритуальность погребального обряда (трупосожжение и трупоположение).

Однако высказанная точка зрения вызвала критику со стороны *Г.И. Матвеевой*, которая сомневается в турбаслинской культурной принадлежности Коминтерновского II, относя его к именьковским некрополям. Г.И. Матеева не склонна выводить ареал турбаслинской культуры за пределы центральной части Башкортостана, а тем более связывать появление в Среднем Поволжье обряда ингумации с проникновением в регион турбаслинских племен. Имеющие место случаи трупоположения на именьковских могильниках Г.И. Матвеева объясняет генетическими связями именьковских древностей с носителями Черняховской культуры, для которой биритуализм также характерен [Матвеева, 1996, с. 62–63; Никитина, 1985, с. 31].

Г.И. Матвеева
(1933–2002)

В своем диссертационном исследовании *Ф.А. Сунгатов*, анализируя типологическое сходство керамики и погребального обряда турбаслинской культуры с синхронными материалами соседних территорий, обнаруживает наибольшее типологическое сходство комплексов турбаслинской культуры с материалами ранних кочевников Евразии, поздних сарматов Южного Урала и Подонья [Сунгатов, 1995, с. 18–19]. Говоря о происхождении носителей турбаслинской культуры, Ф.А. Сунгатов отмечает: «Очевидно, они являются потомками позднесарматских племен правобережья р. Белой, откуда в IV в. были вытеснены первой волной гуннского нашествия, и, скорее всего, увлечены на Запад, будучи включенными в военный гуннский союз» [Сунгатов, 1995, с. 19]. Аналогичную позицию продолжает отстаивать Ф.А. Сунгатов и в своей монографии «Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.)». В тексте работы исследователь аргументирует свою позицию, подкрепляя ее обращением к аналогиям в погребальном инвентаре (накладки с изображением человеческого лица, наконечники ремней, украшения конской сбруи, покрытые тонкой золотой фольгой с оттиском псевдозерни и украшенные вставками из стекла или их имитацией, котлы, медальоны и др.) и результатам палеоантропологических исследований [Сунгатов, 1998, с. 106–108]. В последних же работах Ф.А. Сунгатов все больше акцентирует внимание на влиянии гуннов в формировании турбаслинской культуры [Сунгатов, 2002, с. 268].

О тюркском следе в турбаслинской культуре говорил еще *В.Ф. Генинг*, который вообще сомневается в том, что турбаслинцы были кочевниками, указывая на ряд долговременных поселений, содержащих турбаслинскую керамику. Однако при этом исследователь оговаривается, что форма

И.Э. Любчанский
(р. 1964)

турбаслинских сосудов с полуяйцевидным туловом очень близка зауральским и западносибирским сосудам раннего железного века, которые, вероятно, принадлежали предкам обско-угорских племен. Но отсутствие орнаментации у турбаслинских сосудов и различия в конструкциях могильных ям заставляют относиться к этому сходству с большой осторожностью. Может быть, заключает В.Ф. Генинг, это были какие-то тюркизированные угры, но откуда они пришли – неясно [Генинг, 1972, с. 278].

И.Э. Любчанский в своем диссертационном исследовании, ссылаясь на сравнительный анализ погребальных керамических комплексов, говорит о том, что «этнокультурные истоки происхождения населения, оставившего памятники турбаслинского круга, принадлежат племенам, некогда входившим в состав кочевых «империй» и многоэтничного джетыясарско-аланского государства Кангюй» [Любчанский, 2000,

А.Д. Таиров
(р. 1955)

с. 86]. Позже, в совместной статье с *А.Д. Таировым*, И.Э. Любчанский выскажется более конкретно, турбаслинская культура будет обозначена как результат интеграционных процессов угорского и гунно-аланского субстратов [Таиров, Любчанский, 2007, с. 115].

Е.П. Казаков не отрицает возможность вхождения в состав турбаслинских переселенцев племен хуни (хионитов), вар (уар) и огоров, разгромленных в 558 г. турками в Приаралье и вынужденных бежать на северо-запад в места летних кочевок [Казаков, 1996, с. 48]

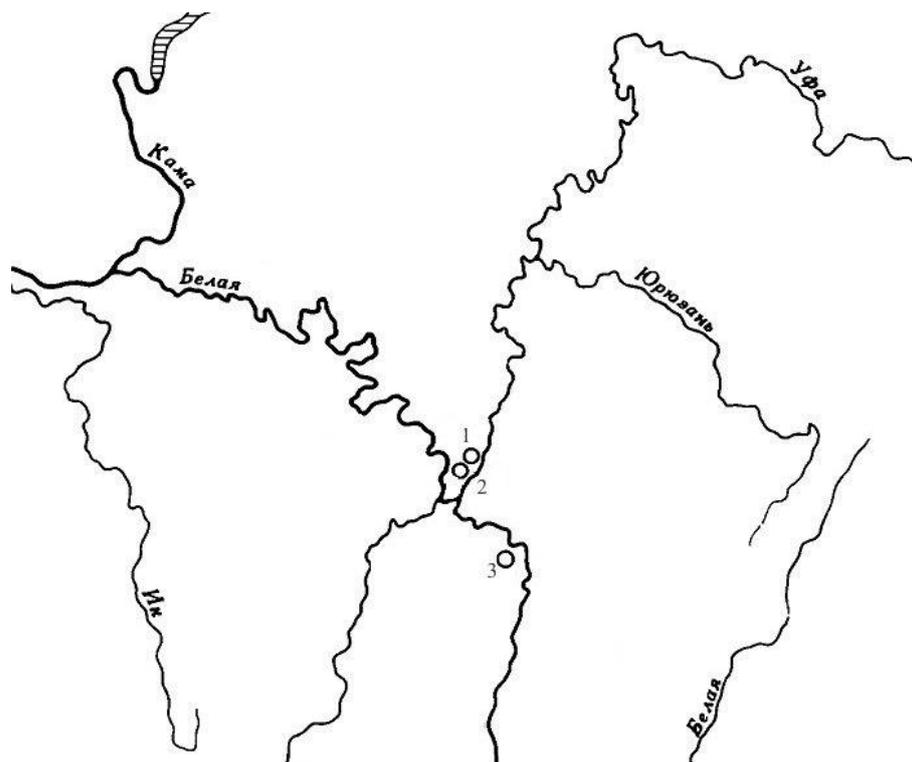

Рис. 18. Карта расположения памятников турбаслинской культуры [Васюткин, 1968, рис. 1]:

1 – Ново-Турбаслинский могильник; 2 – могильник в Орджоникидзевском районе г. Уфы; 3 – Шареевский могильник

В.А. Могильников, не отрицая позднесарматской основы турбаслинских племен, указывал на то, что некоторые детали погребального обряда турбаслинцев (заплечики вдоль длинных стен могильных ям, ниши с сосудами в северном конце могил, кости лошади в захоронении) находят параллели в погребениях саргатской (угорской) культуры западносибирской лесостепи [Могильников, 1969, с. 64]. Об угорском компоненте в культуре турбаслинцев говорит и *В.А. Иванов* [Иванов, 1999, с. 33]. Данную позицию критикует *Ф.А. Сунгатов*, проведенный им формально-типологический анализ признаков погребального обряда турбаслинских и саргатских могильников не выявил

сильной типологической связи. Наличие же в турбаслинских и саргатских погребениях некоторых общих признаков (ямы с заплечиками, ямы с подбоями в коротких стенках) исследователь объяснил присутствием угорских племен в составе европейских гуннов [Сунгатов, 1998, с. 109].

В антропологическом плане черепа Ново-Турбаслинского могильника продемонстрировали резко выраженный европеоидный тип, отличный от пьяноборского и бахмутинского и близкий к материалам из Кушнаренковского некрополя, который, в свою очередь, сходен серии черепов из более позднего Салтовского могильника, связываемого с аланским населением [Акимова, 1968, с. 69–72].

Могильники турбаслинской археологической культуры

Ново-Турбаслинский могильник

В археологической литературе Ново-Турбаслинский курганный могильник известен с 1878 г., когда московский археолог Ф.Д. Нефедов вскрыл на нем более 40 курганов [Мажитов, 1959, с. 114].

В 1957–1958 гг. усилиями отряда археологической экспедиции Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР произведены раскопки 29 курганов, материалы которых были опубликованы (рис. 19). Все опубликованные погребения включены в анализ.

Могильник расположен на второй надпойменной террасе правого берега старого русла р. Белой, на территории д. Ново-Турбаслы Благовещенского района Республики Башкирия. Всего на могильнике насчитывается около 50 курганов, их насыпи сильно расплылись и плохо читаются на поверхности. Курганы расположены группами, самая большая из них (35 курганов) находится в центре деревни в районе старого кладбища [Мажитов, 1959, с. 114].

По своим размерам Ново-Турбаслинские курганы небольшие (8–10 м в диаметре, 0,2–0,4 м в высоту). Самые значительные из них достигают размеров 16–22 м в диаметре и 0,8 м в высоту. Умершие были положены в длинные и глубокие ямы головой на север, в положении вытянуто на спине. В изголовье покойников, в узкой стенке могил выкапывалась глубокая ниша, куда ставились еда в горшке и часть конской туши. Между некоторыми курганами зафиксированы глубокие ямы округлой формы с остатками угля, золы, фрагментов глиняных сосудов. В насыпях над погребениями имеются следы ритуальных кострищ [Мажитов, 1973, с. 104–105]. У индивида из погребения 4 кургана № 12 зафиксирована деформация черепа [Мажитов, 1959, с. 128, 140].

Датировка могильника, по словам Н.А. Мажитова, определена довольно точно. Самая ранняя дата может быть установлена в рамках конца IV–V вв. н. э., на основании обнаруженной в погребении 7 кургана № 14 статуэтки человека, поздняя (по серебряным поясным бляшкам) — VII в. [Мажитов, 1959, с. 140–142].

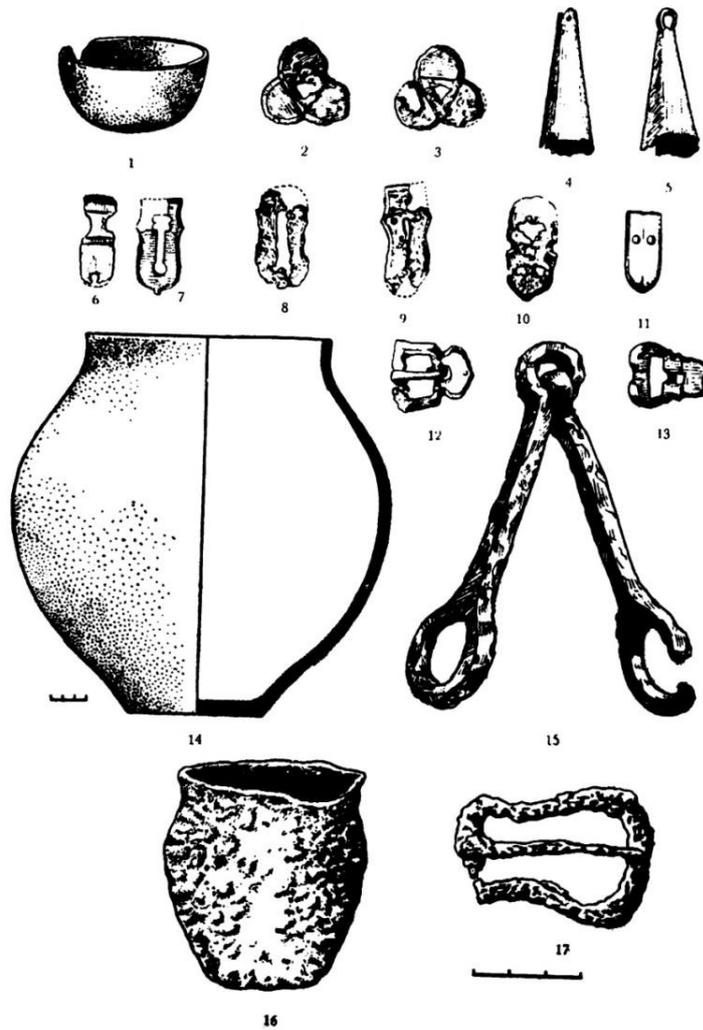

Рис. 19. Материалы из курганов Ново-Турбаслинского могильника
[Мажитов, 1964, рис. 1]:

1 – чаша; 2, 3, 6–11 – накладки ремня; 4–5 – подвески; 12, 13, 17 – пряжки; 14, 16 – сосуды; 15 – удила

Уфимский курганный могильник

Могильник расположен на территории г. Уфы, слева от автодорожного моста через железную дорогу по пути в Орджоникидзевский район, в лесу по обе стороны железной дороги [Мажитов, 1973, с. 107]. Могильник занимает территорию около 15 га и состоит примерно из 150 земляных насыпей круглой, иногда слегка вытянутой формы. Размеры курганов колеблются в пределах: диаметр — 8–30 м, высота — 0,15–1,5 м. Большинство курганов небольших размеров: диаметр 8–15 м, высота — 0,15–0,40 м. Курганы, расположенные в северо-западной части могильника, менее крупные, чем те, что обнаружены в юго-восточной части [Пшеничнюк, 1968, с. 105].

В 1961 и 1966 г. на памятнике были проведены раскопки на небольшой, свободной от леса площади. В ходе работ было изучено 12 курганов, содержащих в общей сложности 17 погребений [Пшеничнюк, 1968, с. 105, 110; Васюткин, 1970, с. 165] (все они учтены в анализе).

Умершие уложены вытянуто на спине в длинные узкие глубокие могильные ямы (длина — 2,2–2,4 м; ширина — 0,55–0,6 м; глубина — 2,0–2,6 м) ориентированные по линии север-юг с небольшими отклонениями. В шести погребениях зафиксированы заплечики, в двух случаях в изголовье покойных в узкой северной стенке погребений обнаружены ниши, в которых располагались горшки с лежащими на них костями крупных животных. В одном погребении и заплечики, и ниши присутствовали одновременно. Сосуды и кости животных (лошади, барана) присутствовали практически во всех вскрытых погребениях могильника. Керамический материал могильника представлен типичными для турбаслинской культуры формами — круглодонными или с уплощенным дном сосудами с сильно раздутым туловом. Все сосуды сделаны вручную, в формовочной массе читаются примеси песка и мелких камешков. Кроме того, в двух погребениях найдены сосуды «бахмутинского» и «романовского» типов (рис. 20) [Пшеничнюк, 1968, с. 110–111; Васюткин, 1970, с. 165].

Материал могильника по золотой серьге, аналогичной находке на урочище Кара-Агач, и позолоченной бронзовой пряжке с длинным хоботком и закругленным щитком достаточно хорошо датируется IV–V вв. [Пшеничнюк, 1968, с. 111; Васюткин, 1970, с. 166].

Кушнарниковский могильник

Памятник открыт краеведом А.П. Шокуровым, когда в 1957 г. при прокладке траншеи для водопровода было разрушено около 15 древних погребений. Раскопки на некрополе были проведены в 1959 г. объединенной экспедицией Казанского университета и Института антропологии Московского университета под руководством В.Ф. Генинга и М.С. Акимовой [Генинг, 1977, с. 90].

Могильник расположен у с. Кушнарниково в 400 м к юго-западу от края невысокого мыса, ограниченного с юга небольшой речкой, а с востока — поймой р. Белой. На площади 654 кв. м было вскрыто 30 погребений [Генинг, 1977, с. 91]. Планиграфия могильника и расположение могильных ям позволяют предполагать, что в древности над могилами могли быть небольшие курганные насыпи [Генинг, 1977, с. 106]. Конструкция ям разнообразна: простые прямоугольные с отвесными стенками и плоским дном; со ступеньками-заплечиками; с нишами-подбоями. Умершие уложены в могилы вытянуто на спине, головой в северный сектор, руки обычно вдоль туловища, иногда правая рука слегка согнута и уложена на таз. В двух случаях зафиксированы остатки трупосожжения. Среди погребального инвентаря обычны сосуды, в девяти случаях обнаружены кости животных (череп, ноги, хвост коня). Украшений и принадлежностей костюма в погребениях немного (поясные пряжки, фибулы,

браслеты, бусы, гривны) (рис. 20) [Генинг, 1977, с. 106–111]. Памятник датируется VI–VII вв. н. э.

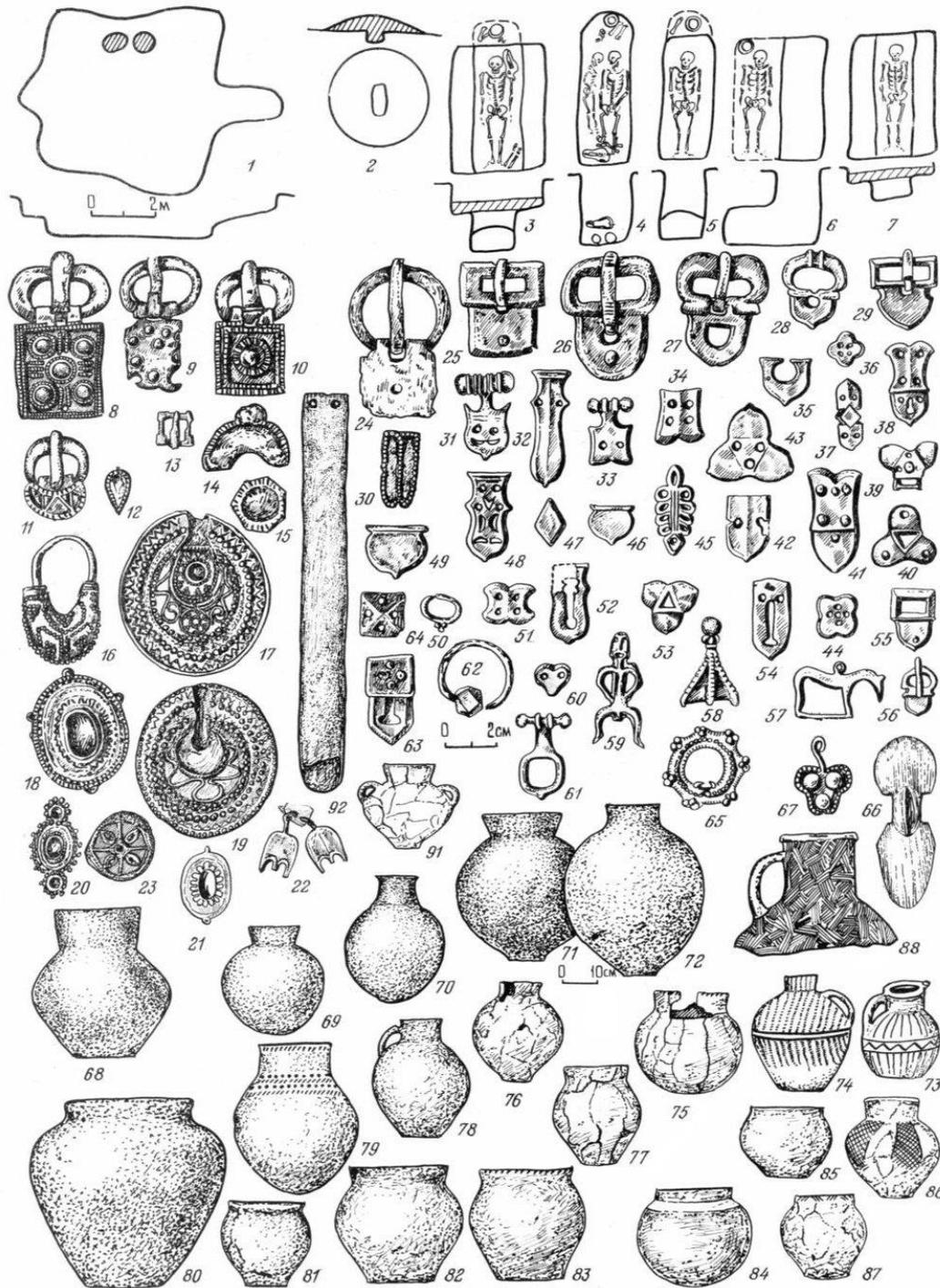

Рис. 20. Турбаслинская культура [Мажитов, 1981, рис. 12]:

1 – типичное жилище-полуземлянка; 2 – курган и погребение под ним; 3–7 – типы турбаслинских погребений; 8–67 – детали поясов, подвески, серьги, амулеты; 68–88 – сосуды турбаслинских типов

Вопросы:

1. Какие особенности погребального обряда и материальной культуры турбаслинцев выделяют исследователи?
2. С какими территориями контактировали турбаслинцы? Какие материалы свидетельствуют об этих контактах?
3. Заполните таблицу:

Автор концепции	Этническая интерпретация памятников турбаслинской культуры и используемая аргументация

4. Сравните расположение памятников бахмутинской и турбаслинской культур.

Список рекомендуемой литературы:

Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. — М.: Наука, 1968. — 120 с.

Васюткин С.М. Раскопки курганов в г. Уфе и изучение истории турбаслинских племен // Ученые записки Башкирского государственного университета. — 1970. — Вып. 54. — С. 163–179.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнареново на р. Белой (VI–VII вв. н. э.) // Исследования по археологии Южного Урала. — Уфа: АН СССР Башкирский филиал, Институт истории, языка и литературы, 1977. — С. 90–113.

Иванов В.А. Южный Урал в эпоху Великого переселения народов // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. — Уфа: Китап, 1997. — С. 71–78.

Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. — Уфа: Гилем, 1999. — 123 с.

Казаков Е.П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. — Самара, 1996. — С. 40–57.

Любчанский И.Э. Керамика южноуральской лесостепи середины I тыс. н.э. как источник по этнокультурным реконструкциям: дис. ... канд. ист. наук. — Уфа, 2000. — 244 с.

Мажитов Н.А. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. — Уфа, 1959. — С. 114–142.

Мажитов Н.А. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры // Археология и этнография Башкирии. — 1964. — Т 2. — С. 101–110.

Мажитов Н.А. Тайны древнего Урала. — Уфа, 1973. — 183 с.

Матвеева Г.И. К вопросу о происхождении погребений с трупоположением на территории именьковской культуры // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. — Самара, 1996. — С. 58–65.

Могильников В.А. К вопросу о связях племен Башкирии и Зауралья в I тысячелетии нашей эры // Научная сессия по этногенезу башкир. — Уфа, 1969. — С. 63–66.

Никитина Г.Ф. Семантика погребального обряда племен черняховской культуры. — М.: Наука, 1985. — 209 с.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. — М.: Наука, 1983. — 199 с.

Сунгатов Ф.А. Население среднего течения реки Белой в V–VIII вв. (турбаслинская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Уфа, 1995. — 23 с.

Сунгатов Ф.А. Турбаслинская культура (по материалам погребальных памятников V–VIII вв. н.э.). — Уфа, 1998. — 168 с.

Сунгатов Ф.А. Волго-Уральский регион в эпоху тюркских каганатов // История татар с древнейших времен. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. — Казань: Рухият, 2002. — С. 268–276.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов. — Уфа: ГУП Уфимский полиграфический комбинат, 2004. — 172 с.

Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Взаимодействие племен степи и лесостепи Южного Зауралья в I тысячелетии до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. // Вестник Челябинского государственного университета. – 2007. – Вып. 22. История. — № 21 (99). — С. 108–119.

2.2. Позднесарматская археологическая культура

Памятники позднесарматской культуры впервые были выделены на материалах Нижнего Поволжья *П.С. Рыковым* и *П.Д. Рау*, а позднее оформлены в археологическую культуру *Б.Н. Граковым* и *К.Ф. Смирновым* [Малашев, 2009, с. 47]. Для древностей II–IV вв. применимо и другое название — «аланская» культура, к примеру, *К.В. Сальников* утверждает, что именно аланским племенам мы обязаны появлением этих памятников [Сальников, 1952, с. 99]. В настоящее время существуют как сторонники, так и противники этой концепции [Мошкова, 2009, с. 6].

Для изучения позднесарматской (аланской) культуры в распоряжении археологов имеются в основном погребальные памятники.

Общими признаками позднесарматского погребального обряда являются следующие. Земляные насыпи небольшого диаметра в пределах 8–20 м, основная часть 8–15 м. Высота курганов невелика — от 0,15 до 1,0 м, очень редко 2–2,5 м, чаще всего — 0,25–0,65 м. Почти все погребения содержат индивидуальные захоронения в прямоугольных, удлинённых ямах с заплечиками либо подбоями под западной стенкой. При сооружении могил часто использовалось дерево, которое применялось в качестве перекрытия, иногда умершие уложены в гробы, встречались и случаи, когда покойников клали на различные органические подстилки из коры, камыша, травы, кроме того, наблюдаются подсыпки мелом или охрой. Индивиды уложены вытянуто на спине, руки вдоль тела, ноги параллельно или чуть сближены у коленей и пяток. Нередко кисти одной или обеих рук покоятся на бедрах или тазовых костях. Одной из наиболее значимых характеристик позднесарматских погребений является искусственная деформация черепов. Примерно в трети всех захоронений присутствуют кости животных, чаще барана, реже лошади. Традиционно продолжает существовать культ огня, фиксирующийся по следам зольных пятен и кострищ на древнем горизонте, а также золы и угля в засыпке и на дне могильных ям. Керамика встречается почти во всех погребениях. Основу керамического комплекса составляют плоскодонные горшки, кувшины, миски. Почти все сосуды сероглиняные, с примесями в тесте шамота, реже — дресвы. Наиболее характерным типом горшков являются сосуды яйцевидной формы с резко выраженными плечиками и чуть отогнутым или вертикальным невысоким горлом. Орнаментация горшков небогата, наиболее распространённый узор — зацепы и насечки по краю, изредка кольцевые резные линии и зигзаг, встречаются и сосуды с налёпами-выступами. Не выходят из употребления и бронзовые котлы и котелочки. В мужских захоронениях обнаружены оружие, орудия труда, в женских — орудия труда, украшения, в детских — керамика и украшения [Мошкова, 1989, с. 191–195].

К.В. Сальников
(1900–1966)

Традиционно памятники позднесарматской культуры разделяют на несколько локальных территориальных районов: Северное Причерноморье, Волго-Донский регион (который иногда делят на Нижнее Поволжье и Нижнее Подонье), Южное Приуралье [Мошкова, 1989, с. 191; Малашев, 2009, с. 47]. Присутствует и более дробное деление [Мошкова, 2009, с. 21–22], в том числе и микрорайонирование [Кривошеев, Скрипкин, 2006, с. 124]. Указанные районы, как правило, различаются частотой распределения общих признаков [Мошкова, 2009, с. 99].

М.Г. Мошкова
(р. 1929)

В отношении Южного Приуралья выделяют особый вариант позднесарматской культуры — памятники салиховского типа (Салиховский, Ахмеровский и Дербеневский могильники), названные так по могильнику в д. Салихово Ишимбайского района Башкирии. Что касается Дербеневского могильника, то в публикации М.Г. Мошковой «Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв.» он фигурирует как типичный позднесарматский памятник северной части Южного Приуралья [Мошкова, 2009, с. 22]. Возможно, могильники Салихово, Ахмерово II, Дербенево оставлены частью позднесарматского населения, продвинувшегося

в лесостепные районы и вступившего в контакт с местными племенами [Малашев, 2009, с. 50]. С тем, что салиховские памятники представляют собой смешение местных финно-угорских традиций и культуры кочевого мира Евразийских степей, однако не чисто ираноязычного, а со значительными тюркскими элементами, согласен *К.Ф. Смирнов* [Смирнов, 1971, с. 76].

Г.И. Матвеева и *С.А. Трибунский* отмечают, что ряд черт погребального обряда сближает могильники салиховского типа с позднесарматскими: это подкурганые захоронения, узкие могильные ямы, преобладание северного сектора ориентировки погребенных, их поза, находки мела и остатков мясной пищи в могилах, наличие деформированных черепов. Вместе с тем исследователи отмечают и существенные различия. Позднесарматские курганы обычно входят в состав могильников, оставленных населением более ранних культур, некрополи же салиховского типа содержат одновременные и однокультурные курганы. Подбойные могилы, характерные для поздних сарматов, в салиховских могильниках встречаются лишь в одном единственном погребении. Кроме того, в насыпях над могилами в ряде салиховских курганов обнаруживаются камни и каменные кладки. Керамика салиховских памятников также отличается от позднесарматской. Все перечисленные особенности *Г.И. Матвеева* и *С.А. Трибунский* объясняют не влиянием местного населения, контактами поздних сарматов с готами (вельбарская культура) [Матвеева, Трибунский, 2000, с. 288–289; Трибунский, 2003, с. 18].

С.М. Васюткин выделяет в салиховских курганах три компонента: позднесарматский, финно-угорский и восточный (тюркский, гуннский) [Васюткин, 1986, с. 194–195]. О гуннской составляющей в культуре салиховских

курганов говорят *Н.А. Мажитов, А.Н. Султанова*. К гуннским признакам уфимские исследователи относят использование гробов, каменные наброски над могилами, северо-восточную ориентировку умерших [Мажитов, Султанова, 2009, с. 137].

С.Г. Боталов в своем диссертационном исследовании предпринял попытку вообще исключить из ареала позднесарматской культуры район Южного Приуралья и разместить там самостоятельную гунно-сарматскую культуру, в формировании которой сыграли особую роль гунны. Исследователь аргументировал свою позицию тем, что на указанной территории не удастся проследить процесс трансформации среднесарматской культуры в позднесарматскую, т.е. генетически вывести памятники Южного Приуралья II–IV вв. из среднесарматской культуры не представляется возможным, и, следовательно, они относятся к иной культурной традиции [Боталов, 2003, с. 103–104]. Высказанную *С.Г. Боталовым* теорию поддерживают в своей недавней работе *Н.А. Мажитов* и *А.Н. Султанова*. Уфимские исследователи убеждены, что понятие «сарматы» было распространено на территорию Южного Урала «механически ... на этапе первичного исследования и систематизации накопленных массовых материалов, где в определении даты и этнической их принадлежности послужили работы наших корифеев по этой теме *М.И. Ростовцева, К.Ф. Смирнова, М.Г. Мошковой*. Но оказалось, что культура южноуральских ранних кочевников имеет свои особенности, обусловленные, прежде всего тем, что она развивалась под активным влиянием гунно-сако-массагетского, а затем гунно-кангюйского влияния» [Мажитов, Султанова, 2009, с. 104].

Данный тезис вызвал острую критику со стороны сарматологов *М.Г. Мошковой, В.Ю. Малашева, С.Б. Болелова*, которые убеждены, что памятники Южного Приуралья не выпадают из общего процесса формирования позднесарматской погребальной обрядности, отличаясь от Заволжья в рамках региональных особенностей [Мошкова, Малашев, Болелов, 2007, с. 121–132].

Ряд сложностей вызывает и этническая интерпретация позднесарматских памятников. В решении этой проблемы, как отмечает *А.С. Скрипкин*, нельзя ограничиваться анализом суммы неких археологических признаков, в большей степени нужно идти от общей исторической ситуации, выявленной по письменным источникам. Так, по мнению исследователя, большинство поздних сарматов Северного Причерноморья и Подонья, вероятно, входило в аланский племенной союз, что же касается Поволжья и более восточных территорий, то утвердительно ответить на этот вопрос гораздо сложнее. Вряд ли аланы обитали на территории современной Башкирии. Письменные источники не дают убедительного повода для размещения их в этих местах. Памятники Башкирии и Южного Приуралья демонстрируют аналогии с комплексами Средней Азии и более восточных районов, есть основания говорить о серьезном угорском и тюркском влиянии на ираноязычные племена этого региона [Скрипкин, 1982, с. 54]. *С.Г. Боталов* отождествляет «позднесарматские» памятники Южной Башкирии с гунно-сарматами [Боталов, 2003, с. 48]. О наличии контактов между сарматским и угорским миром говорят и материалы саргатской культуры

Западной Сибири, которая, как отмечает ряд исследователей, имеет явный «сарматоидный облик» и обнаруживает следы ярко выраженного взаимодействия с южными и юго-западными соседями [Могильников, 1986, с. 25].

Хронологические рамки бытования позднесарматских и салиховских памятников определяют в пределах середины II–IV вв. Однако комплексы, надежно датированные IV в., присутствуют лишь в ряде районов Поволжья, где отголоски позднесарматской культуры будут читаться вплоть до VI в. в памятниках шиповского типа и погребениях кочевников раннего средневековья [Засецкая, 1968, с. 2]. На территории Подонья и Волго-Донского междуречья они встречаются в единичных случаях. В районе Южного Приуралья их пока не обнаружено вообще, исключение составляют памятники салиховского типа IV–V вв. [Малашев, 2009, с. 50; Матвеева, Трибунский, 2000, с. 290] и погребения в Оренбургской области (могильник Герасимовка I и хутор Барышников), которые К.Ф. Смирнов отнес ко времени, когда политическое господство сарматов в Заволжско-Уральских степях уже прекратилось, т.е. к периоду, суммарно датированному V–VIII вв. [Смирнов, 1966, с. 43].

Могильники позднесарматской археологической культуры

Курганный могильник у пос. Березняки

Памятник расположен на р. Малый Кинель в Кинель-Черкасском районе Самарской области недалеко от п. Березняки. Могильник был исследован в 1923–1924 гг. В.В. Гольмстен и сначала отнесен к особой березняковской культуре. В настоящее время материалы Березняковского могильника отождествляются с позднесарматской культурой [Сташенков, 2007, с. 7]. На памятнике изучено восемь погребений позднесарматского времени (II–IV вв.) [Мошкова, 2009, с. 71–72].

Бекешевский III могильник

Памятник расположен на северо-западной окраине с. Бекешево Баймакского района Республики Башкирия, на высокой террасе левого берега р. Сакмары. Могильник состоит из восьми земляных насыпей, расположенных двумя группами. В южной группе, состоящей из трех курганов, обнаружены погребения эпохи бронзы, в северной группе, включающей пять насыпей, – захоронения ранних кочевников. В анализе использованы материалы четырех погребений позднесарматского времени [Пшеничнюк, 1983, с. 68–80, 120].

Комсомольский IV могильник

Памятник находится на высокой террасе левого берега р. Сакмары, к северу от п. Комсомольский Баймакского района Республики Башкирия. В группе насчитывается десять курганов, восемь из них изучены в 1973 г. [Пшеничнюк, 1983, с. 72–76, 120]. В анализе использованы материалы девяти погребений, отнесенных к позднесарматской культуре.

Темясовский могильник

Могильник открыт в 1963 г. разведочным отрядом под руководством М.Х. Садыковой. Памятник расположен на высоком правом берегу верхнего течения р. Сакмары, в 3 км к востоку от д. Темясово Баймакского района Республики Башкирия. Могильник состоит из 12 земляных насыпей, округлой в плане формы диаметром 6–13 м и высотой 0,4–1,0 м. В 1970–1972 гг. Н.А. Мажитовым было исследовано семь курганов. Погребения содержали инвентарь, аналогичный позднесарматским памятникам Южного Урала и Нижнего Поволжья. Памятник датирован II – началом IV (конец III) вв. [Пшеничнюк, Рязанов, 1976, с. 132–149]. В анализе использовано 18 погребений, происходящих из шести курганов (курган № 2 оказался пустым) [Пшеничнюк, Рязанов, 1976, с. 134].

Уязыбашевский могильник

Памятник расположен напротив д. Уязыбашево Миякинского района Республики Башкирия на высоком задернованном правом берегу р. Уязы. Могильник включает в себя восемь курганных насыпей, из которых раскопками 1969–1970 гг. изучено семь. В анализе использовано пять погребений могильника, относящихся к позднесарматской культуре [Пшеничнюк, 1983, с. 11–14, 120].

Сибайский II могильник (4 погребения / 4 комплекса)

Памятник находится на северо-восточной окраине г. Сибая. Курганы расположены бессистемно на ровной площадке правого берега небольшого ручья, впадающего в р. Худолаз, в 2 км от устья ручья. Территориально курганы образуют три группы. Насыпи оказались разновременными и содержали погребения как эпохи бронзы, так раннего средневековья. В ходе раскопок 1975 и 1977 гг. на памятнике был изучен 21 курган из 22. В анализе использованы четыре погребения, относящиеся к позднесарматскому времени [Пшеничнюк, 1983, с. 52–60, 120].

Могильник Кара-Тал I

Памятник расположен на верхней террасе левого берега р. Сакмары, в 2 км на запад от д. Кара-Тал Баймакского района Республики Башкирия. Могильник состоит из 10 курганов диаметром 6–18 м и высотой 0,2–0,6 м, расположенных по краю террасы. Все курганы могильника исследованы в 1973 г. В анализе использованы материалы четырех погребений могильника, относящихся к позднесарматскому времени [Пшеничнюк, 1983, с. 70–72, 120].

Дербеневский курганный могильник

Памятник, открытый в 1982 г. сотрудником Башкирского пединститута В.С. Горбуновым, расположен вблизи хутора Дербенева Мелеузовского района Башкортостана. Могильник занимает площадку примерно 350×150 м. Курганы расположены двумя группами, разделенными ложбиной. В западной группе «А»

примерно 40 насыпей, в восточной «Б» — 60. Диаметр курганов в подавляющем большинстве 6–8 м, высота 20–40 см [Пшеничнюк, 1992, с. 67].

В 1983 г. 14 курганов группы «А» и 17 курганов группы «Б» были раскопаны. 30 из 31 изученного курганы (исключение курган № 26) были отнесены к позднесарматскому времени [Пшеничнюк, 1992, с. 69].

Материалы (рис. 21) позднесарматской части Дербеневского могильника датируются III–IV вв. [Пшеничнюк, 1992, с. 80].

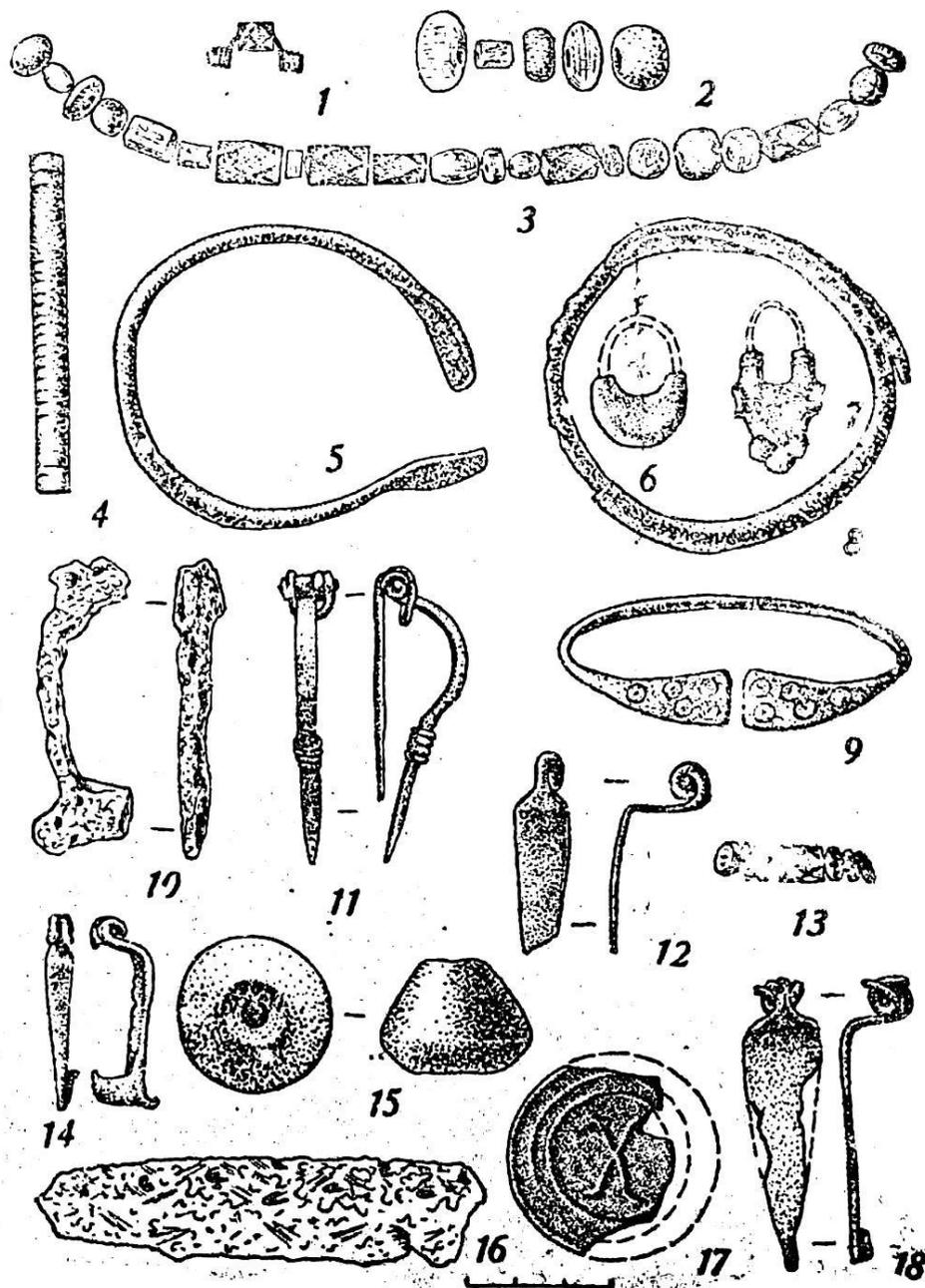

Рис. 21. Дербеневский курганный могильник [Васюткин, 1992, рис. 6]:

1–3, 13 – бусы; 4 – трубочка; 5, 8, 9 – браслеты; 6–7 – височные подвески; 10–12, 14, 18 – фибулы; 15 – пряслице; 16 – нож

Ахмеровский II курганный могильник

Могильник расположен на северной окраине д. Ахмерово Ишимбайского района Республики Башкирия на высоком мысу, образованном краем надпойменной террасы правого берега р. Селеук, правого притока р. Белой и оврагом, выходящим к пойме, где в начале 50-х гг. XX в. разведочным отрядом под руководством В.П. Викторова была обнаружена первая группа, состоящая из пяти больших курганов [Викторов, 1953, с. 25–26].

В 1972 г. С.М. Васюткин в пределах деревни выявил еще две группы насыпей, по 33 и два кургана соответственно. По рассказам местных жителей, много курганов было уничтожено при возведении домов и хозяйственных построек. В 1972–1974 гг. на могильнике были исследованы 27 курганов, материалы 26 курганов, содержащих 31 погребение, опубликованы (все они учтены в анализе).

Курганы расположены близко друг к другу, все насыпи округлой формы, небольших размеров: диаметр в пределах 4–9 м, высота 0,1–0,4 м. Преобладают курганы диаметром 5–7 м, высотой 0,15–0,25 м. В насыпях некоторых курганов обнаружены кости животных и фрагменты лепных сосудов. Курганы в основном содержат по одному погребению. Погребенные уложены вытянуто на спине в ямы простой конструкции. Преобладает ориентировка погребений в северный сектор. В могилах обнаружены глиняные сосуды и остатки жертвенной пищи в виде и костей животных. У четырех умерших деформирован череп.

По вещевому материалу (бронзовая круглопроволочная фибула с подвязным приемником, бронзовая проволочная серьга, 14-гранные бусы), нашедшему аналогии в памятниках Южного Урала I тыс. н.э., могильник датирован III–IV вв. [Васюткин, 1977, с. 67–89].

Салиховский курганный могильник

Курганный могильник в д. Салихово Ишимбайского района Республики Башкирия был открыт К.В. Сальниковым [Сальников, 1954, с. 25]. Курганы расположены компактной группой, близко друг к другу. Все насыпи имеют округлую форму и небольшие размеры: диаметр в пределах 5–12 м, высота 0,1–0,6 м. Преобладающими являются курганы диаметром 6–9 м и высотой 0,2–0,4 м. Курганы по устройству делятся на два типа: первый — насыпи из чернозема, второй — курганы с камнями в насыпи (рис. 22). Насыпи некоторых курганов содержат фрагменты керамики. Большинство курганов сооружено над индивидуальными захоронениями. Умершие уложены в погребальные ямы простой формы либо в ямы с одной или двумя ступеньками в коротких или длинных стенках. В единичных случаях встречаются обкладка стен погребений каменными плитами, органическая подстилка, гробовище, меловая подсыпка. Преобладающей ориентировкой является северо-восточная. В некоторых могилах обнаружены глиняные сосуды и остатки жертвенной пищи в виде костей барана [Васюткин, 1986, с. 180–187].

В 1953 г. благодаря раскопкам К.В. Сальникова на могильнике изучено четыре кургана (четыре погребения). В 1962 и 1967 г. под руководством С.М. Васюткина были исследованы еще 27 курганов (28 погребений) (все материалы учтены в анализе). По характеру погребального инвентаря (рис. 23) Салиховский могильник К.В. Сальников датировал II–IV вв., С.М. Васюткин — IV–V вв. [Сальников, 1954, с. 40; Васюткин, 1986, с. 194].

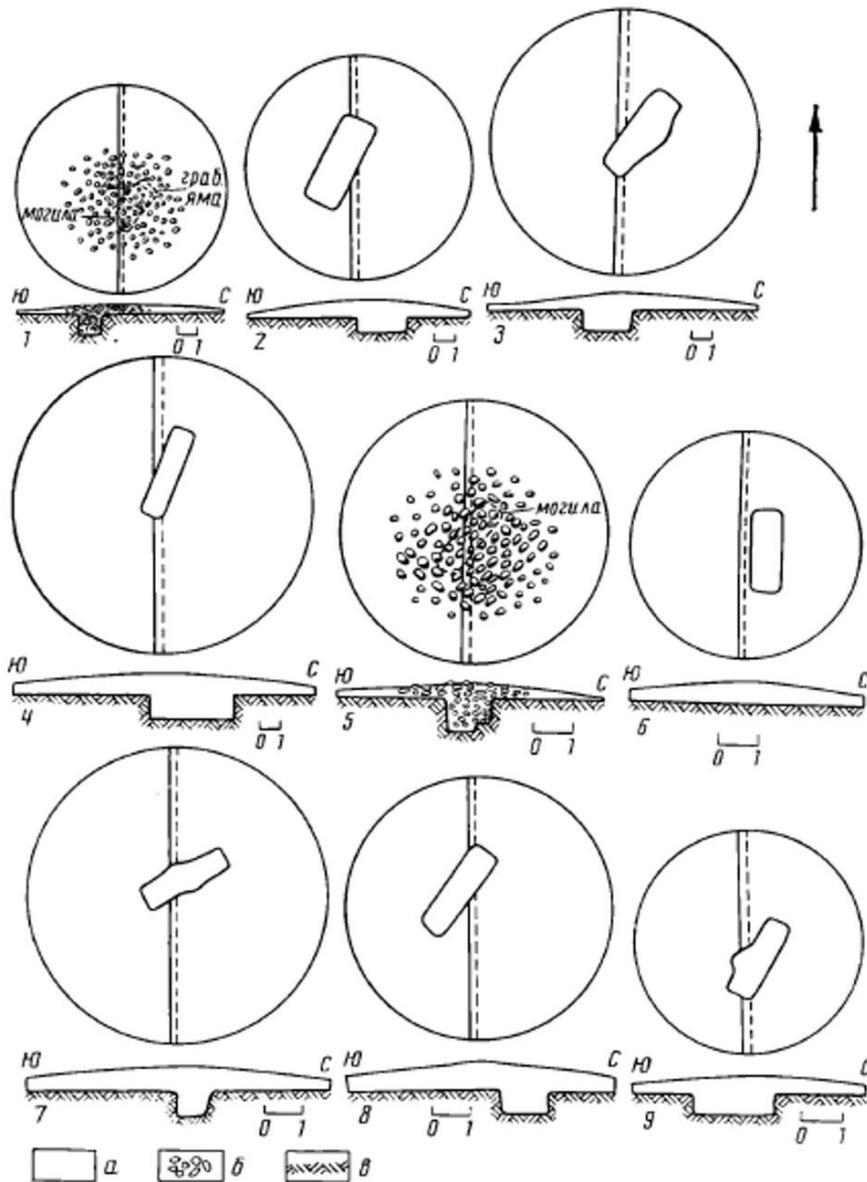

Рис. 22. Салиховский курганный могильник. Планы и профили курганов [Васюткин, 1986, рис. 1]:

1 – курган 1; 2 – курган 3 – курган 6; 4 – курган 7; 5 – курган 10; 6 – курган 11; 7 – курган 13; 8 – курган 33; 9 – курган 34. а – чернозем; б – камни; в – материк

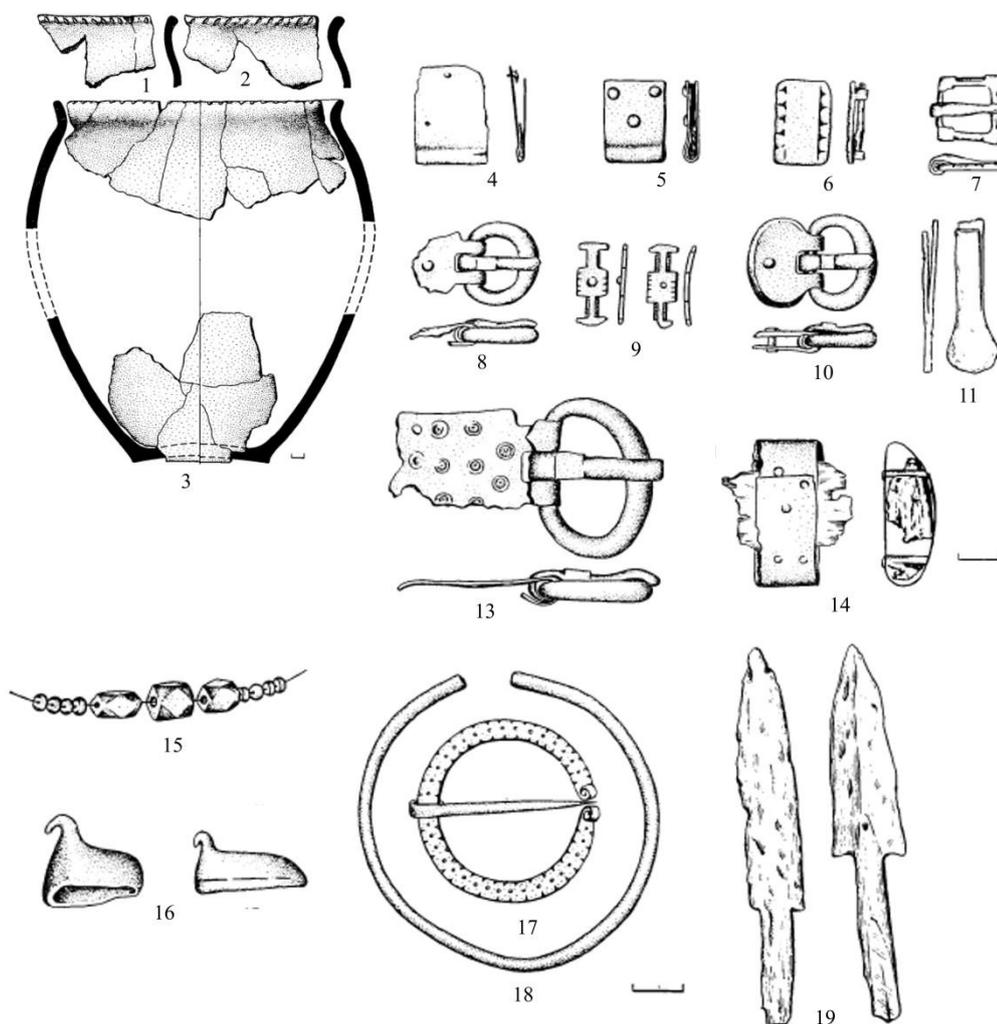

Рис. 23. Салиховский курганный могильник [Васюткин, 1986, рис. 6, 7, 9]:
 1–3 – керамика; 4–6, 11 – наконечник ремня; 7, 8, 10, 13– пряжки; 9 – поясные
 накладки; 14 – обкладка; 15 – бусы; 16 – пронизки; 17 – фибула; 18 – браслет; 19 –
 наконечники

Большекараганский могильник

Большекараганский могильник был открыт в 1971 г. разведочным отрядом Уральской археологической экспедиции при обследовании зоны затопления проектируемого водохранилища на р. Большая Караганка. Первоначально были открыты 15 курганов. В 1987 г. отрядом Урало-Казахстанской археологической экспедиции проведено дополнительное обследование могильника и выявлено еще девять курганов. В этом же году было исследовано 11 курганов, относящихся к гунно-сарматскому периоду.

Памятник расположен на левом берегу р. Большая Караганка в 3,5 км от пос. Александровского Кизильского района Челябинской области. Территория памятника располагается на мысообразной площадке первой надпойменной террасы, на высоте 4 м от уреза воды [Таиров, Любчанский, 1995].

Погребения позднесарматской (гунно-сарматской по С.Г. Боталову) культуры датируется II–III в. н.э. [Боталов, 2003, с. 68].

Вопросы:

1. Какие особенности погребального обряда характерны для позднесарматской культуры?
2. Какие могильники относятся к памятникам «салиховского типа»? Почему они выделены в отдельную группу?
3. Какие этнические компоненты выделяют исследователи на памятниках «салиховского типа»?

Список рекомендуемой литературы:

Боталов С.Г. Урало-Казахстанские степи в гунно-сарматское и раннетюркское время: II–VIII в. н.э.: дис. ... д-ра ист. наук. — Екатеринбург, 2003. — 398 с.

Васюткин С.М. II Ахмеровский курганный могильник позднесарматского времени // Исследования по археологии Южного Урала. — Уфа, 1977. — С. 67–89.

Васюткин С.М. Салиховский курганный могильник конца IV–V в. в Башкирии // Советская археология. — 1986. — № 2. — С. 180–197.

Викторов В.П. Отчет об археологических исследованиях Ишимбаевского отряда Южно-Уральской археологической экспедиции 1952 г. // Архив кабинета археологии Центра археологических исследований при Центре классического образования УрФУ им. Б.Н. Ельцина (УрГУ). — 1953. — Ф. II, д. 5.

Засецкая И.П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» нижнего Поволжья // Советская археология. — 1968. — № 2. — С. 52–62.

Кривошеев М.В., Скрипкин А.С. Позднесарматская культура междуречья Волги и Дона. Проблема становления и развития // Российская археология. — 2006. — № 1. — С. 124–136.

Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. — Уфа: Китап, 2009. — 496 с.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура: верхняя хронологическая граница // Российская археология. — 2009. — № 1. — С. 47–52.

Матвеева Г.И., Трибунский С.А. О происхождении и хронологии памятников салиховского типа // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. — Ижевск, 2000. — С. 288–290.

Могильников В.А. Взаимоотношение кулайской и саргатской культур // Краткие сообщения Института археологии. — 1986. — Вып. 186. — С. 25–29.

Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1989. — С.191–202.

Мошкова М.Г. Анализ сарматских погребальных памятников II–IV вв. н.э. // Статистическая обработка погребальных памятников Азиаткой Сарматии. Вып. 4. Позднесарматская культура. — М.: ИА РАН, 2009. — С. 21–162.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Болелов С.Б. Проблемы культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последних веков до н. э. — IV в. н. э. // Российская археология. — 2007. — № 3. — С. 121–132.

Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала. — М.: Наука, 1983. — 199 с.

Пшеничнюк А.Х. Дербеневский курганный могильник позднесарматского времени в Западной Приуралье // Проблемы хронологии сарматской культуры. — Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. — С. 67–84.

Пшеничнюк А.Х., Рязанов М.Ш. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Урала. — Уфа, 1976. — С.132–149.

Сальников К.В. Древнейшие памятники истории Урала. — Свердловск, 1952. — 180 с.

Сальников К.В. Отчет об археологических исследованиях, произведенных Южно-Уральской археологической экспедицией Уральского государственного университета в 1953 г. // Архив кабинета археологии Центра археологических исследований при Центре классического образования УрФУ им. Б.Н. Ельцина (УрГУ). — 1954. — Ф. II, д. 5.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия во II–IV вв. // Советская археология. — 1982. — № 2. — С. 43–56.

Смирнов К.Ф. Сарматские погребения в бассейне р. Кинделя Оренбургской области // Краткие сообщения Института археологии. — 1966. — Вып. 107. — С. 33–43.

Смирнов К.Ф. Ранние кочевники Южного Урала // Археология и этнография Башкирии. — 1971. — Т. 4. — С. 69–76.

Сташенков Д.А. Население Самарского лесостепного Поволжья I–V вв. н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Казань, 2007. — 25 с.

Таиров А.Д., Любчанский И.Э. Аркаимская долина в раннем железном веке [Электронный ресурс] // Аркаим: исследования, поиски, открытия. — Челябинск: Каменный пояс. — 1995. — URL: <http://kladina.narod.ru/arkaim1995/arkaim1995.htm#2> (дата обращения: 05.10.2018).

Трибунский С.А. Позднесарматская культура Урало-Казахский степей: автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Ижевск, 2003. — 21 с.

«Позднесарматский» культурный кластер связал в единую схему памятники «салиховского» типа, могильники позднесарматской и турбаслинской культур. Подобная группировка не противоречит исторической логике, а лишний раз подтверждает наличие общих генетических черт между указанными культурными традициями. Наиболее характерными для «позднесарматского» культурного кластера можно назвать такие признаки погребального обряда, как наличие кургана, могильные ямы средней величины (до 2,6×1,6 м), ориентированные в направлении северо-востока, иногда оборудованные нишами. В погребениях присутствуют керамические сосуды или фрагменты керамики, из украшений — янтарные бусы.

В качестве иллюстрации «эталонного комплекса» «позднесарматского» кластера можно привести, например, погребение № 2 из кургана № 7 Ново-Турбаслинского могильника. Н.А. Мажитов так описывает это погребение:

«Курган № 7. Форма кургана удлиненная с востока на запад... Стратиграфия кургана такова: сначала идет дерн мощностью 10–15 см, за ним — малоструктурный чернозем. В центре курганной насыпи, на глубине 70–98 см, над первым и вторым погребением, имелась прослойка глины, являющаяся могильным выкидом. Толщина прослойки над первым погребением — 20 см, длина — 2,18 м, а второй прослойки — соответственно 10–12 см и 2,14 м. Материк — глина с большим процентом песка. В насыпи встречены зуб лошади и 20 кусков костей, которые не поддаются определению. Зафиксировано три погребения, ориентированных на север... Погребение 2. Раскопано. Размеры могильной ямы 2,60×1,20–1,30 м, глубина 1 м. Дно горизонтальное... На глубине 20 см, в северо-восточном углу найдена часть бронзовой фибулы. Обломки разбитого сосуда встречались на различной глубине, начиная с 50 см; больше их на дне. Принадлежат они двум сосудам... Кости начали встречаться с глубины 70 см. Лежали они беспорядочно по всей могильной яме. Это 4 кости пальцев ног, 2 плохо сохранившиеся лопаточные кости человека, зуб и предплечная кость лошади. В центре и на самом дне могильной ямы найдена янтарная бусина» [Мажитов, 1959, с. 120–122].

В материальной культуре как салиховцев, так и турбаслинцев выделяются как минимум три общих компонента — позднесарматский, финно-угорский и восточный [Васюткин, 1986, с. 195].

Мысль о том, что памятники «салиховского» и «турбаслинского» типов оставлены частью поздних сарматов, отступивших в Южное Приуралье и влившихся в среду местного лесостепного населения, неоднократно высказывалась в литературе. На наличие в материальной культуре анализируемых некрополей общих местных культурных элементов указывал при анализе керамики Ф.А. Сунгатов: «Установленное сходство формы очень низких и низких плоскодонных [турбаслинских] сосудов с керамикой Дербеневских, Ахмеровских и Салиховских курганов свидетельствует о ее местных корнях.

Другие же типы плоскодонной и круглодонной посуды и кувшины появились в результате различных контактов и взаимодействия с населением степей Южного Урала и Нижнего Поволжья» [Сунгатов, 1998, с. 108].

Об общих восточных компонентах говорит С.М. Васюткин. Исследователь находит аналогии ступенькам вдоль длинных стенок глубоких погребений Салиховских курганов в материалах Кушнаренокского могильника. Близость же Салиховских и Кушнаренокских комплексов, по мнению исследователя, свидетельствует об одинаковом влиянии пришлых племен восточного происхождения, увлеченных в поток Великого переселения движением гуннов, как на салиховцев, так и на турбаслинцев [Васюткин, 1986, с. 196]. Е.П. Казаков указывает на то, что многие элементы культуры населения, оставившего захоронения на Кушнаренокском могильнике (бронзовые женские коробочки, крупные бусы из раковин южных морей, сосуды с ручкой на тулове, могилы с подбоями, черепа с искусственной деформацией и др.), «свидетельствуют о проникновении в эту среду поздних азиатских сарматов с элементами джетыясарской культуры Приаралья» [Казаков, 2005].

Рассуждая об исторической судьбе населения, оставившего памятники салиховского типа, Г.И. Матвеева и С.А. Трибунский отмечают, что «салиховские племена... вместе с сарматским населением, переселившимся в результате новой миграционной волны из Северного Причерноморья, участвовали в формировании турбаслинской культуры» [Матвеева, Трибунский, 2000, с. 290].

Необходимо подчеркнуть, что, сближая «салиховские» и поздние «турбаслинские» памятники, мы говорим только об их культурном сопряжении, но никак не о хронологической близости. Ахмеровский II и Салиховский могильники относятся чуть к более раннему времени, чем Кушнаренокско.

Тяготение Ново-Турбаслинского могильника к позднесарматским памятникам северной части Южного Приуралья также не видится странным, а лишний раз подтверждает высказанное в свое время Н.А. Мажитовым предположение о сармато-аланском происхождении комплексов Ново-Турбаслинского могильника [Мажитов, 1959, с. 142].

Таким образом, происхождение памятников «салиховского» типа и турбаслинской культуры, без сомнения, связано с доминирующим влиянием позднесарматской (южной) традиции. Влияние местных приуральских народов хотя и не исключается, однако, на уровне погребального обряда, оно не фиксируется.

Глава 3. «Харинский» культурный кластер — интеграция традиций леса и степи в Прикамье

Как уже было отмечено во введении, Великое переселение народов является самым крупномасштабным миграционным процессом эпохи раннего средневековья. Подобные явления случаются в истории не так часто, но их последствия оказываются весьма ощутимыми. Можно говорить о том, что эпоха Великого переселения заново перекроила этническую карту Евразии.

Процессы этнокультурных трансформаций не обошли и территорию Верхнего Прикамья, занятую в то время, как мы уже установили, местными племенами, продолжавшими ананино-пьяноборско-гляденовскую культурную традицию.

Конечно, заявлять о том, что Прикамье (тем более, Верхнее) было одной из арен Великого переселения, было бы не совсем корректно. В отношении изучаемой территории есть смысл говорить лишь о некоторых (пусть и весьма существенных) влияниях. Так, с эпохой Переселения на территории Верхнего и Среднего Прикамья связывают появление нового, ранее неизвестного курганного обряда захоронения.

Для лесной полосы курганные комплексы не совсем типичны, их появление является ярким свидетельством проникновения в регион новых культурных традиций, связанных с кочевым миром Евразийских степей. Еще в начале XX в. А.В. Шмидт выделил эти памятники в особую группу — «харинский тип», по названию села в Гайнском районе Пермского края, где были исследованы первые курганы. С этих пор вопрос об их историко-культурной интерпретации стал одним из актуальнейших для уральской археологии. Его решение проливает свет на проблему этнокультурной истории региона, направления культурных связей, вопрос генезиса современных народов Прикамья.

3.1. Памятники харинского типа (ломоватовская археологическая культура)

Впервые внимание к раннесредневековым памятникам Верхнего Прикамья проявил в начале XX в. *В.Л. Борисов*, которым был впервые исследован Харинский могильник, расположенный в Гайнском районе Пермского края [ОАК, 1901, с. 116]. Именно этот памятник и дал название целой группе Верхнекамских курганных некрополей. Позже *А.В. Шмидт*, используя материалы раскопок могильника Качка, выделил среди прикамских материалов комплексы эпохи Великого переселения народов и обобщил их в «харинский период культуры пермского среднего железного века» [Schmidt, 1927, с. 28].

Некрополи сразу привлекли к себе внимание исследователей в первую очередь потому, что фиксировали следы и остатки не типичного и не известного до этого времени для территории Верхней Камы обряда погребения под курганами.

Несмотря на явные отличия выявленных комплексов от предшествующей автохтонной традиции, *А.П. Смирнов* все же, датировав харинские древности III–IV вв., отнес их к третьему, заключительному, периоду местной пьяноборской культуры. К этой эпохе исследователь отнес, в том числе, и могильники Харино, Качка, Бахмутино. В конце V в. по хронологии А.П. Смирнова пьяноборская культура сменяется ломоватовской [Смирнов, 1952, с. 81–82].

В.Ф. Генинг, представляя очерк этнических культур Прикамья, причислил харинские комплексы уже к ломоватовской археологической культуре, выделенной в свое время А.А. Спицыным при обработке коллекций Теплоуховых [Спицын, 1902, с. 22]. В ломоватовской культуре В.Ф. Генинг различил два этапа: ранний – харинский, с III до середины VI в., и поздний – неволинский, со второй половины VI до конца VIII в., каждый из которых «имеют характерные комплексы вещей, поселений, погребальный обряд» [Генинг, 1959, с. 184].

Предложенная схема была отчасти воспринята *Р.Д. Голдиной*, которая очертила в ломоватовской культуре четыре сменяющие друг друга стадии: харинскую (конец IV – начало VI в.), агафоновскую (конец VI – VII в.), деменковскую (конец VII – VIII в.) и урынскую (конец VIII – IX в.) [Голдина, 1985, с. 124–133].

Характеризуя ломоватовские древности, Р.Д. Голдина не без оснований говорила об их «двукомпонентности». Первый из компонентов представлен материалами курганных могильников со своеобразным обрядом погребения в квадратных ямах со срубам, с положенными вдоль тел погребенных поясами, глиняной посудой в виде круглодонных чаш с резким перегибом в средней части. Все перечисленные особенности не имеют прямых аналогий в прикамских культурах предшествующего времени и, следовательно, являются привнесенными. Второй компонент, наоборот, свидетельствует о близости с располагавшимися в предшествующее время на Средней Каме гляденовскими памятниками. Близость прослеживается в деталях устройства костниц, наличии жертвенных чашечек, votивных вещей, культовых изображений, бус [Голдина, 1977, с. 43]. Исходя из данных положений, Р.Д. Голдина сделала вывод о том, что «возникновение ломоватовской культуры следует связывать с притоком нового населения... Очевидно, оба компонента появляются на Верхней Каме одновременно... Более того, имеющиеся данные не позволяют пока отличить их один от другого: вероятно обе группы сравнительно быстро перемешались» [Голдина, 1977, с. 45].

После выхода в свет работы Р.Д. Голдиной «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье» харинские памятники традиционно стали рассматривать как ранний этап ломоватовской археологической культуры, связывая их появление с инокультурной миграцией конца IV–VI вв. [Голдина, 1985, с. 123].

Р.Д. Голдина
(р. 1941)

Харинские памятники занимают территорию Верхнего Прикамья от верховий Камы до устья р. Чусовой и представлены как поселениями (Опутятское городище, селища Пеньки, Большаки), так и курганными могильниками (рис. 24).

Харинские некрополи В.Ф. Генингом и Р.Д. Голдиной были разделены на четыре локальные группы: Гайнская (Харинский, Пыштайский, Бурдаковский I, Агафоновский), Косинская (Митинский, Чазевский I, Чазевский II, Пеклаыбский I, Пеклаыбский II, Бельковский), Обвинская (Больше-Висимский), Туйско-Гаревская (Бурковский, Полуденский, Беклемишевский). Всего в Верхнем Прикамье известно 14 могильников «харинского типа», на которых исследовано (с учетом раскопок Н.В. Кулябиной на Бурковском в 1993 г. и В.В. Мингалев на Чазевском I в 2007 г.) чуть более 300 погребений [Голдина, 1971, с. 32; Генинг, Голдина, 1973, с. 59; Голдина, 1985, с. 11; Кулябина, 2004; Мингалев, 2009].

Могильники, как правило, располагаются на невысоких коренных террасах мелких речек, стариц р. Камы (Митино) или на ровных водоразделах (Пеклаыб I).

Говорить о количестве и размерах курганов можно только приблизительно, так как многие памятники пострадали как от природных, так и от антропогенных разрушающих факторов. Курганы в плане обычно круглой формы, реже овальной, диаметром от 4 до 9 м. Под расплывшимися насыпями иногда обнаруживаются канавки кольцевой либо округлой формы, из которых, вероятно, брался грунт для сооружения насыпи. В некоторых случаях в заполнении канавок встречаются кости животных (зубы лошади или коровы), угли, фрагменты керамики.

Под насыпями курганов обнаружены чаще всего 1–2 захоронения, реже 3–5. Также на дневной поверхности иногда встречаются фрагменты разбитых сосудов, отдельные вещи, кости животных, преимущественно челюсти лошади (рис. 27).

По способу погребения выделяются три типа захоронений: ингумация, полная и частичная кремация.

Конструкции могильных ям с кремацией и ингумацией существенно не отличаются: это, как правило, простые прямоугольные ямы, в некоторых из них сохранились остатки деревянных внутримогильных сооружений. В ряде случаев деревянные остатки были сильно обожжены (Митино, Бурково). Костяки погребенных во многих могильниках сохранились плохо. Судя по имеющимся данным, умершие были уложены вытянуто на спине. Ориентировка костяков разнообразна [Генинг, Голдина, 1973, с. 58–65].

Из погребального инвентаря, по мнению Р.Д. Голдиной, наиболее часто встречаются височные подвески «харинского типа» (они же «калачиковидные серьги»), они же серьги «лунничного типа» [Богачев, 1996, с. 99]), пластинчатые шейные гривны, дисковидные янтарные бусы, своеобразные пояса с прямоугольными накладками, пряжки со свободно вращающимся кольцом и длинным язычком, ножи с продольными желобками и т.д. [Голдина, 1985,

с. 125], к этому списку можно добавить еще детали поясных наборов, изготовленные в полихромном стиле [Овчинников, 2004].

Этническая интерпретация харинских комплексов разнообразна.

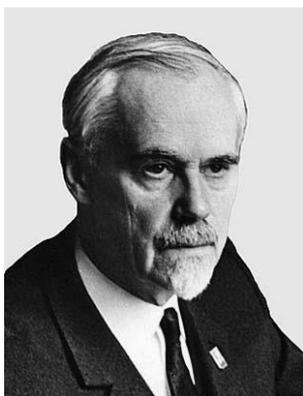
Ю.А. Поляков, анализируя керамику с «харинских» поселений (Опутятское, Бутырское городище) и памятников гляденовской культуры (Юго-Камское, Турбинское костыца), пришел к выводу об их культурной общности, тем самым подчеркнув значительную роль местных пермских племен в генезисе харинских древностей [Поляков, 1999, с. 5]. Аналогичная позиция присутствует и в работе *А.Н. Лепихина* «Костыца гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье» [Лепихин, 2007, с. 175–176].

В 1969 г. на Научной сессии по этногенезу башкир *Р.Д. Голдина*, сравнивая отдельные элементы поясных накладок и пряжек, отмечала большое сходство между харинскими и бахмутинскими древностями [Голдина, 1969, с. 50–53]. *Т.И. Останина*, описывая вещевой комплекс 5-й стадии мазунинской культуры (V в.), также подчеркивала сходство поясной гарнитуры Бирского и Старо-Кабановского могильников с харинскими материалами V – первой половины VI в. [Останина, 1983, с. 77]. Но, несмотря на то что сама возможность миграции части местного мазунинского населения на территорию бассейна р. Камы в конце V – начале VI в. исследователями не отрицалась [Останина, 1997, с. 180], все же имеющееся сходство инвентаря они объясняли исключительно «хронологическими» причинами [Голдина, 1969, с. 53; Останина, 1983, с. 77].

Т.И. Останина
(р.1947)

Таким образом, широкую популярность теория «автохтонного» происхождения харинских древностей не получила. Все дальнейшие гипотезы были связаны с миграционным сценарием происхождения харинских комплексов.

О.Н. Бадер
(1903–1977)

А.П. Смирнов, рассматривая инвентарь курганов Качка и Харино, содержащих, на его взгляд, много южных вещей, пришел к выводу о приходе на Каму новых этнических групп сарматских племен [Смирнов, 1952, с. 80]. Недавно эту точку зрения еще раз озвучил *Ф.В. Овчинников*: исследователь обратил внимание на сходство деталей харинской полихромной поясной гарнитуры с вещами типа Варна-Кара-Агач. Данное обстоятельство исследователь объясняет тем, что обе группы полихромных изделий были оставлены на разных территориях в разное время близким в культурном отношении населением (поздними сарматами, «иранцами») [Овчинников, 2004].

О.Н. Бадер и *В.А. Оборин* также не отрицали возможность миграции сарматских племен на север, но при этом подчеркивали, что ираноязычные племена в своем движении были увлечены угорским населением. Последние, по мнению исследователей, и составили основную массу переселенцев. В доказательство своей позиции исследователи ссылались на то, что якобы именно угорские, а не иранские языковые заимствования и географические названия фиксируются в Верхнем Прикамье и относятся эти заимствования ко времени Великого переселения народов. Имеющиеся же иранские элементы в языке коми принадлежат к более раннему времени — эпохе бронзы [Бадер, Оборин, 1958, с. 140].

В.А. Оборин
(1929–1999)

В.В. Напольских
(р. 1963 г.)

Ижевский лингвист *В.В. Напольских* оспорил данное положение. Исследователь отмечал, что «наблюдаемая картина взаимоотношений пермских и угорских языков и культур практически не позволяет говорить о каком-либо угорском (будь то праугорское, древневенгерское, обско-угорское или древнемансийское) влияние на пермян: выявленные на сегодняшний день обско-угорские заимствования в пермском языке весьма немногочисленны, ограничены коми языком, и лишь единицы их присутствуют в большинстве коми диалектов. С другой стороны, совершенно очевидны следы мощнейшего пермского влияния в обско-угорских языках, причем, по всей вероятности, они не могут быть объяснены исключительно коми-обско-угорскими взаимоотношениями эпохи русской колонизации Сибири» [Напольских, 2007, с. 41]. В отношении же контактов финно-угорского населения с носителями иранских языков *В.В. Напольских* пишет, что они были непрерывными с прафинно-угорского времени вплоть до смены этого населения в степях тюрками [Напольских, 2002, с. 197].

Против сарматской интерпретации харинских древностей выступал *В.Ф. Генинг*. Он указывал на то, что харинские погребения, в отличие от сарматских, не имеют устойчивой северной ориентировки, к тому же искусственная деформация черепов, обнаруженная на некоторых харинских некрополях, отличается от сарматской. Ближайшие аналогии погребального обряда харинцев *В.Ф. Генинг* видел на юго-востоке Южного Зауралья в среде угорских племен [Генинг, 1959, с. 185].

«Угорскую» теорию происхождения памятников харинского типа поддержала и *Р.Д. Голдина*, исследователь высоко оценила научную интуицию *В.Ф. Генинга*, который «несмотря на полное отсутствие материалов памятников лесного Зауралья...верно обозначил направление движения и этническую оценку пришлых групп». Однако *Р.Д. Голдина*, как было сказано выше,

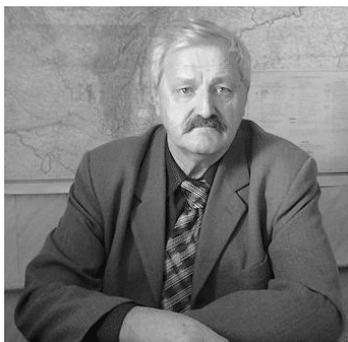
несколько скорректировала дату указанной миграции, перенесла ее начало с III на рубеж IV–V вв. При этом в качестве переселенцев уже однозначно называются племена саргатской культуры [Голдина, 2003, с. 59].

О доминировании в Предуралье угорского компонента в период раннего средневековья писал А.М. Белавин [Белавин, 2003, с. 145–147; Белавин, 2009, с. 10; Белавин, Крыласова, 2009, с. 122]. В своей аргументации А.М. Белавин сослался на анализ распространения керамики со шнуровым орнаментом, которая, по его мнению, является угорским этномаркером, а также на результаты статистического анализа погребений средневековых могильников ломоватовской, неволинской, полемской, караякуповской культур, а также памятников Западной Сибири, Зауралья и венгров «периода обретения родины».

А.М. Белавин
(р. 1958 г.)

А.М. Белавин пришел к выводу, что «замкнутую типологическую связь обнаруживают могильники кушнаренковские, караякуповские и угорские (зауральские), затем еще одну замкнутую группу образуют ломоватовские, полемские и неволинские могильники Предуралья. Интересно, что обе эти группы демонстрируют высокую связь между собой, через могильники древних венгров».

В.А. Иванов
(р. 1950 г.)

Из чего исследователь сделал вывод, что обе группы памятников «составляли части этнокультурного ареала древних угров Урала и Западной Сибири» [Белавин, 2003, с. 144–147]. Любопытно, что в своих рассуждениях А.М. Белавин ссылается на работу В.А. Иванова «Древние угры-мадьяры в Восточной Европе» (1999), в которой, по словам А.М. Белавина, уфимский исследователь также выявил «высокие коэффициенты типологического сходства» между данными группами памятников. Да, это действительно так, однако, говоря о коэффициентах формального типологического сходства, В.А. Иванов подчеркивает, что они «достаточно абстрактны и формальны (например, они не учитывают дифференциацию удельного веса того или иного признака внутри сравниваемых выборок)» [Иванов, 1999, с. 24], поэтому большее внимание при сравнении памятников необходимо уделять не коэффициентам сходства, а тенденциям общих признаков.

С.Н. Коренюк

Анализ тенденций, проведенный В.А. Ивановым и представленный в той же работе 1999 г., как раз и продемонстрировал, что «типологическая связь между погребальными обрядами носителей кушнаренковской и караякуповской культур (угры) и ломоватовской и полемской культур (пермяки) хотя и имеется, но не настолько тесная, чтобы говорить о каком-то этнокультурном взаимодействии, ... тенденции общих признаков обряда у сравниваемых групп

памятников различны» [Иванов, 1999, с. 71]. Далее В.А. Иванов заключает: «Ни по признакам погребального обряда, ни по ассортименту материальной культуры о наличии тесной этнокультурной связи между угорским и пермским населением Прикамско-Приуральского региона говорить не приходится» [Иванов, 1999, с. 75].

А.Ф. Мельничук
(1954–2019)

«Слабо аргументированной» теорию угорской доминанты в регионе в период средневековья считают С.Н. Коренюк и А.Ф. Мельничук. Исследователи указывают на то, что по течению р. Чусовой, единственной водной артерии, соединяющей Зауралье и Предуралье, не обнаружено ни одного курганного некрополя харинской эпохи. Древности харинского времени, заявляют археологи Пермского госуниверситета, отмечены только в среднем течении р. Чусовой в виде небольшой группы селищ с позднегляденовской посудой (Пеньки, Саранское, Заозерье, Ромахино). В верхнем течении р. Сылвы также нет курганных харинских некрополей и синхронных им поселений. Аналогичная ситуация выявлена и на лесостепных водораздельных пространствах вдоль р. Ирени [Коренюк, Мельничук, 2007, с. 68]. При таких обстоятельствах миграция позднесаргатского населения кажется весьма надуманной. В другой совместной работе исследователи Пермского госуниверситета, рассматривая популярную в харинское время керамику со шнуровым орнаментом, отмечают, что «в харинское время удельный вес шнуровой и шнуро-гребенчатой посуды увеличивается. Объяснить это явлением внедрением «угорских» групп вряд ли оправдано, так как подобной керамики в Зауралье и Башкирии нет, как нет там харинских погребальных комплексов. Шнуровая керамика в Зауралье появляется только во второй половине I тыс. н.э. (Петрогром)» [Мельничук, Коренюк, Перескоков, 2009, с. 115].

А.Х. Халиков
(1929–1994)

Таким образом, идея об участии угров в генезисе харинских комплексов также не получила повсеместного признания, что же касается сарматской гипотезы, она надолго вовсе была забыта.

Альтернативной точки зрения придерживаются археологи, которые вслед за А.Х. Халиковым настаивают на тюркском (огурском, гуннском) следе в культуре курганов «тураево-старомуштино-харинского» населения [Халиков, 1971, с. 16]. Ф.А. Сунгатов в многотомной «Истории татар» пишет, что по составу находок основной комплекс инвентаря (поясная гарнитура, вооружение, конское снаряжение) пришедшего в Прикамье населения мало чем отличается от древностей гуннской эпохи и находит прямые аналогии в синхронных памятниках евразийских

Н.А. Мажитов
(1933–2015)

степей V–VII вв. и особенно среди материалов джетысарской культуры Восточного Приаралья [Сунгатов, 2002, с. 155]. *Н.А. Мажитов* и *А.Н. Султанова* в работе «История Башкортостана» указывают на то, что появление памятников салиховского и тураевского типа, а также могильников Качка и Харино согласуется с проникновением в регион гуннов [Мажитов, Султанова, 2009, с. 137–138].

Интересные результаты дали исследования антропологов. *М.С. Акимова*, изучив 14 черепов из Митинского могильника и сравнив их с выборкой с территории Западной Сибири, пришла к выводу, что положительного ответа на связь населения раннего этапа ломоватовской культуры с населением Западной Сибири дать нельзя. Черепа, известные на территории Западной Сибири, имеют совершенно определенный сдвиг в сторону монголоидности, чего нельзя сказать о митинских черепах, для которых характерна принадлежность к европеоидному типу. Наибольшее сходство «харинские» черепа обнаруживают с пьяноборскими материалами Среднего Прикамья [Акимова, 1968, с. 45–46].

Таким образом, в историографии этнической интерпретации харинских памятников присутствуют как минимум следующие основные трактовки: автохтонная (*Ю.А. Поляков*, *А.Н. Лепихин*), сарматская (*А.П. Смирнов*, *Ф.В. Овчинников*), угорская (*В.Ф. Генинг*, *В.А. Оборин*, *Р.Д. Голдина*, *А.М. Белавин*) и тюркская (*А.Х. Халиков*, *Ф.А. Сунгатов*). При этом ни одна из указанных гипотез пока не может добиться всеобщего признания.

Могильники харинского типа

Могильник Бурково

Могильник Бурково относится к туйско-гаревской группе курганных могильников Верхнего Прикамья, расположен в 2,1 км южнее с. Сенькино Добрянского района Пермского края, на левом берегу р. Скальной, левого притока р. Большой Туй, правого притока р. Камы [Шмуратко, 2009, с. 503–504]. В середине XX в. на возвышенной части мыса еще фиксировалось около 20 расплывшихся курганов, заросших мелкоколесьем. Курганы были вытянуты четырьмя рядами в направлении север-юг, насыпи имели округлые или вытянутые очертания (рис. 25).

Памятник исследовался в 1952–1953 гг. Добрянским отрядом Камской археологической экспедиции под руководством *В.Ф. Генинга*. Всего было вскрыто 1090 кв. м, на которых изучены 17 курганов с 38 погребениями (35 погребений, в том числе одно парное, опубликованы и использованы в анализе). На распаханной восточной части могильника исследовано 94 погребения (все они опубликованы и использованы в анализе), в этой части следов насыпей не сохранилось, но обнаруженные между погребениями канавки и ямы, откуда брался грунт, свидетельствуют о наличии курганов и в этой части некрополя. Погребения в большинстве случаев ограблены, костяки почти не сохранились. В 1993 г. работы на памятнике были возобновлены под руководством *Н.В. Кулябиной*, которой удалось исследовать еще 12 погребений (все они опубликованы и учтены в анализе) [Кулябина, 2004, с. 173–179]. Могильник датируется V–VI вв. [Генинг, Голдина, 1973, с. 88].

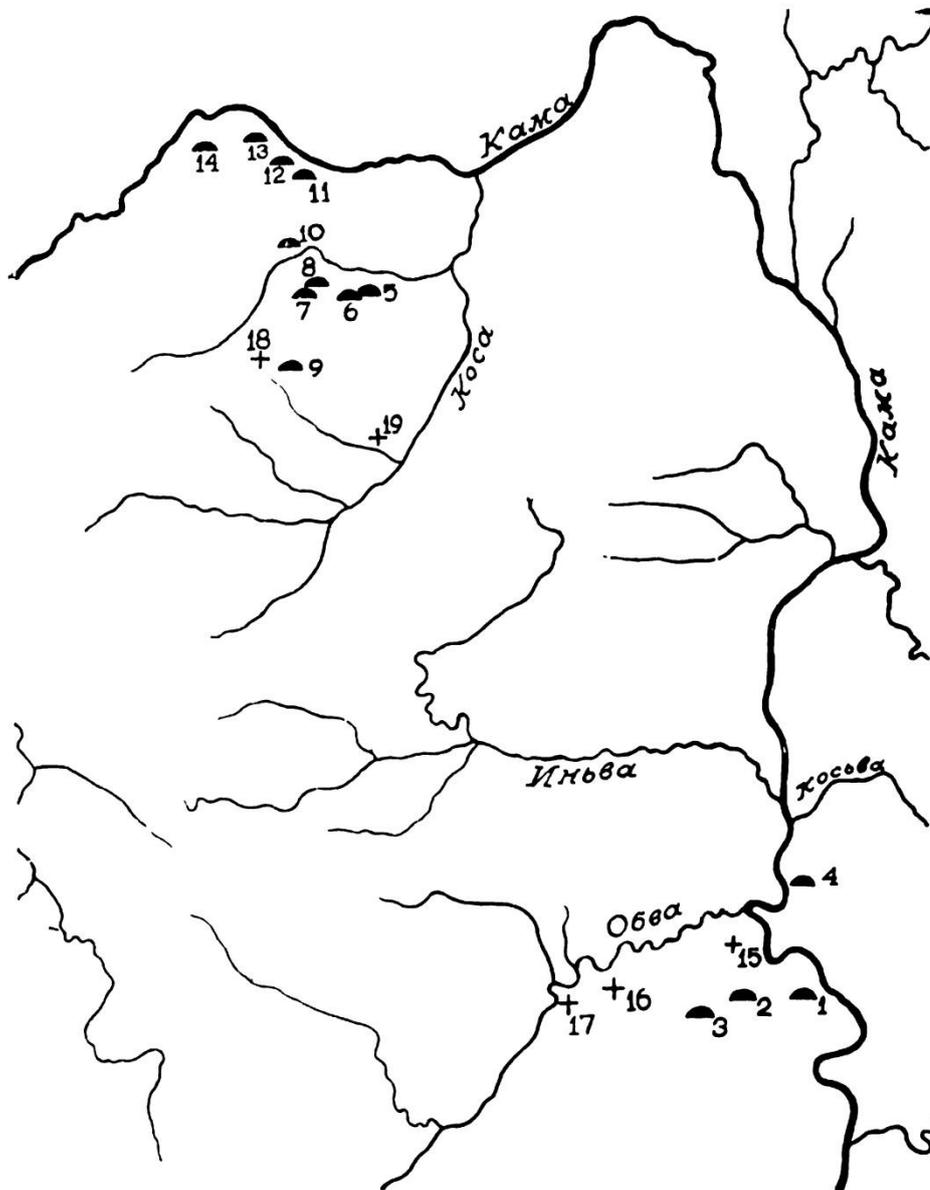

Рис. 24. Схема размещения курганных могильников и случайных находок харинского типа в Верхнем Прикамье [Генинг, Голдина, 1973, рис. 1]:

Могильник: 1 – Бурковский; 2 – Полуденский; 3 – Беклемишевский; 4 – Б.-Висимский; 5 – Чазевский I; 6 – Чазевский II; 7 – Пеклаыбский I; 8 – Пеклаыбский II; 9 – Митинский; 10 – Бельковский; 11 – Агафоновский; 12 – Харинский; 13 – Пыштайнский; 14 – Бурдаковский.

Находки: 15 – Зобачевские; 16 – Егаинская; 17 – Саргинская; 18 – Юкеевская; 19 – Кочевские

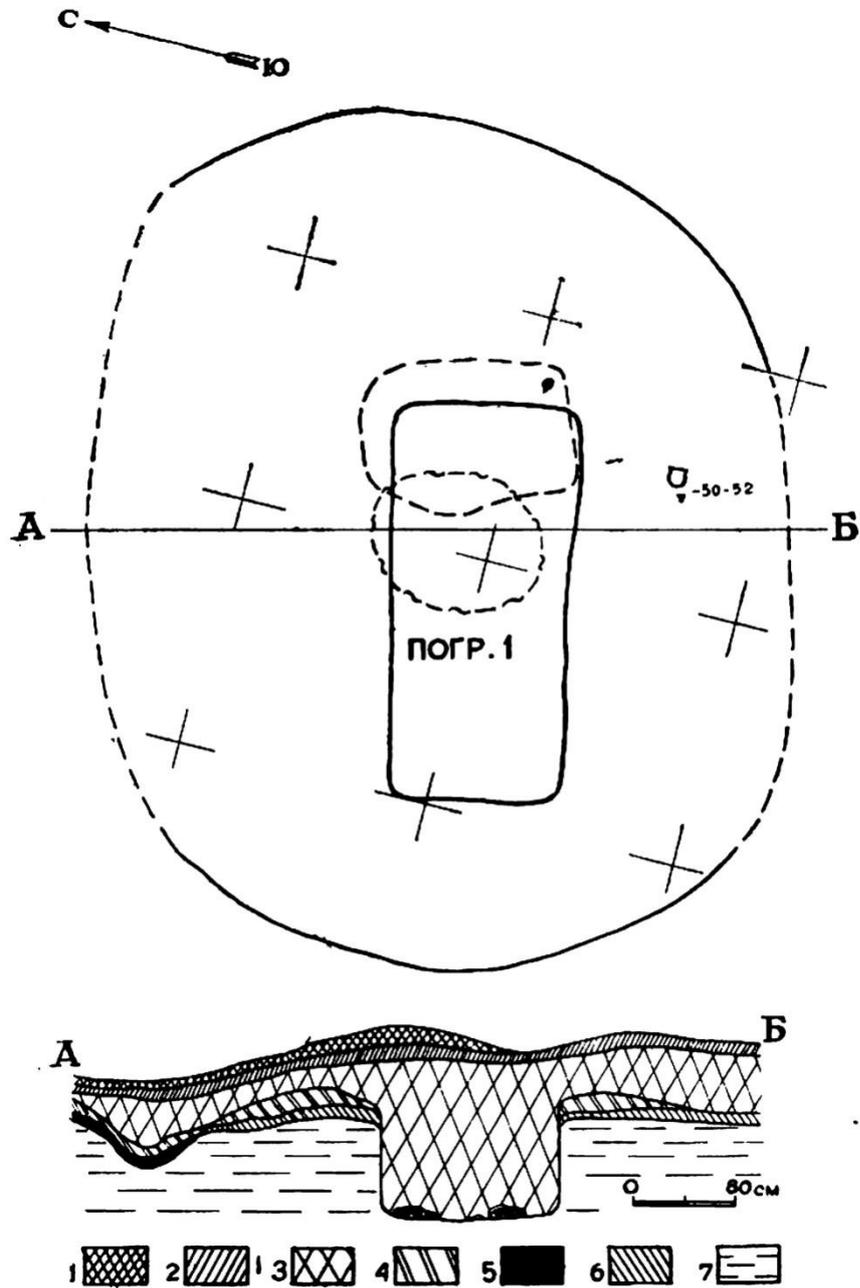

Рис. 25. Бурковский могильник. План и разрез кургана 4
[Генинг, Голдина, 1973, рис. 5]:

1 – пахота; 2 – дерн; 3 – насыпь кургана; 4 – выкид из могилы; 5 – углистая прослойка;
6 – погребенная почва; 7 – подстиляющий слой

Могильник Митино

Могильник Митино относится к косинской группе курганных могильников Верхнего Прикамья, расположен в 1,5 км к востоку от д. Митино Косинского района Пермского края, на левом берегу р. Кычдез, правого притока р. Лолог, левого притока р. Косы, правого притока р. Камы на месте более древнего селища. Стационарное исследование могильника было проведено в 1956 г. отрядом Камской археологической экспедиции под руководством В.Ф. Генинга. Большая часть могильника распахана. В середине XX в. на могильнике сохранялось около 6–7 курганов, диаметром 6–7 м и высотой не более 0,5 м, поросших деревьями и кустарниками. Курганы вытянуты по линии северо-запад – юго-восток (рис. 26). В ходе раскопок было исследовано пять курганов. Погребения под курганами № 2 и 3 полностью уничтожены. Под курганами № 1 и 4 изучено по одному погребению, под курганом № 5 вскрыто четыре погребения. Кроме того, под распаханными насыпями было исследовано 41 захоронение (все погребения учтены в анализе) [Генинг, 1957; Генинг, Голдина, 1973, с. 107–108]. Памятник датируется VI–VII вв. [Памятники... 1996, с. 268] и является более поздним некрополем по сравнению с могильником Бурково [Генинг, 1957, с. 21].

Могильник Качка

Могильник расположен в 300 м к юго-востоку от д. Верхняя Качка Краснокамского района Пермского края на высоком водораздельном плато между р. Кама и р. Качка. Вся площадка могильника занята елово-пихтовым лесом с густым подлеском. У местного населения эта местность зовется «Могильник». «Основная часть могильника состоит из двух обширных площадок, занятых многими десятками погребений, перекрытыми общей насыпью, грунт для которой выбирался у края площадки и в незначительном количестве — из ям на самих площадках. Остатки же курганов в обычном нашем представлении находятся лишь у северо-восточной окраины могильника. Здесь удастся различить до 7–8 курганных насыпей преимущественно вытянутой с СЗ на ЮВ формы. Длина этих курганов различна: от 5–6 до 20 м при высоте насыпи в 0,5–1 м» [Генинг, 1959, с. 196–197].

Самые первые раскопки на памятнике провел барон де Бай в 1895 г. В 1924 г. могильник обследовал А.В. Шмидт и вскрыл на нем одно погребение. В 1959 г. исследования могильника проведены по линии Воткинской археологической экспедиции Института археологии АН СССР [Генинг, 1959, с. 203, 197]. Памятник датируется второй половиной IV–V вв. [Генинг, 1959].

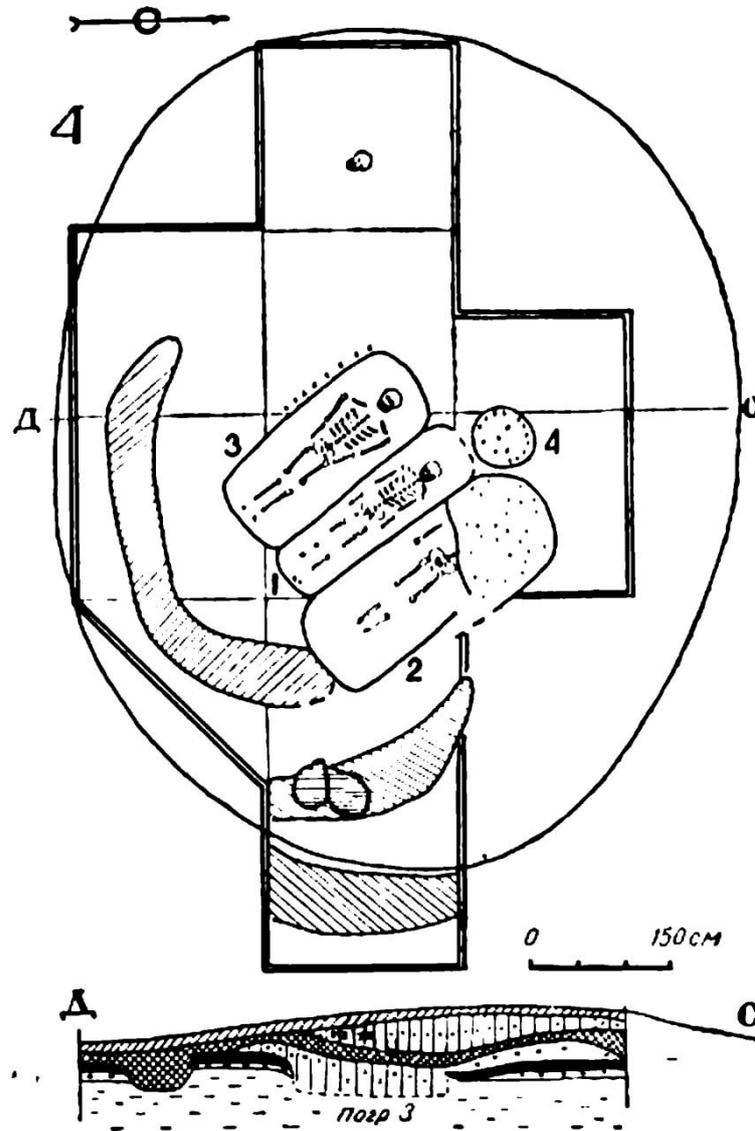

Рис. 26. План кургана 5 Митинского могильника [Генинг, Голдина, 1973, рис. 9]

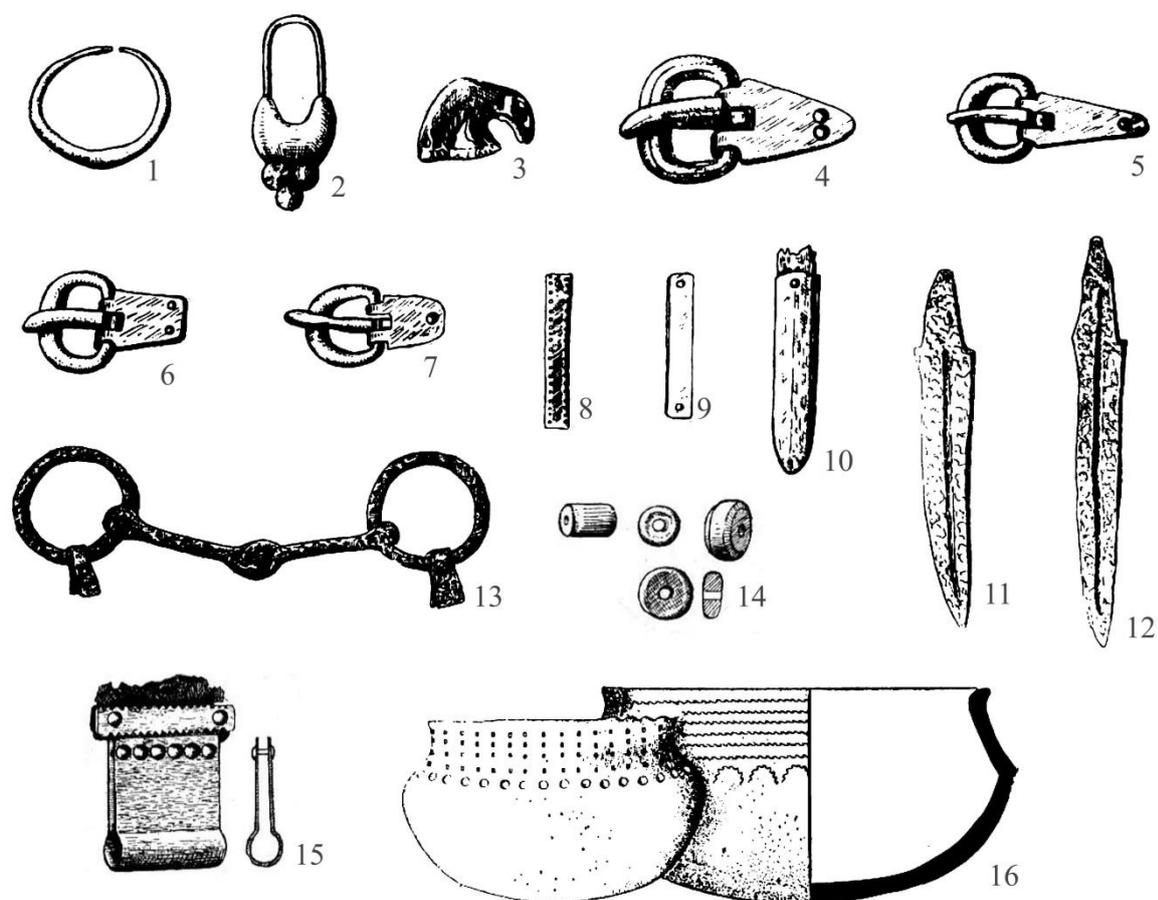

Рис. 27. Типичные вещи памятников харинского типа
[Генинг, Голдина, 1973, табл. 1–10]:

1, 2 – височные кольца; 3 – пронизка; 4–7 – пряжки ремня; 8, 9 – поясные накладки; 10, 15 – наконечники ремня; 11, 12 – ножи; 13 – удила; 14 – бусы; 16 – керамика

Вопросы:

1. Назовите особенности погребального обряда на памятниках харинского типа. Чем обусловлено наличие данных специфических черт?
2. Какие вещи являются типичными для погребений харинского типа?
3. Заполните таблицу:

Автор концепции	Этническая интерпретация памятников харинского типа и используемая аргументация

4. Какие исследователи придерживаются «угорской» теории происхождения харинских племен, а какие «пермской» (автохтонной)?

Список рекомендуемой литературы:

1. Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. — М.: Наука, 1968. — 120 с.
2. Бадер О.Н., Оборин, В.А. На заре истории Прикамья. — Пермь, 1958. — 244 с.
3. Белавин А.М. Опыт использования статистического анализа в определении этнической принадлежности археологических культур Приуралья эпохи средневековья // Из археологии Поволжья и Приуралья. — Казань, 2003. — С. 143–147.
4. Белавин А.М. Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. — 2009. — Вып. VI. — С. 7–16.
5. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Шнуровой орнамент – этнический маркер в культурах Предуралья эпохи железа! // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. — 2009. — Вып. VI. — С. 118–124.
6. Богачев А.В. К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго-Камье // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. — Самара, 1996. — С.99–114.
7. Генинг В.Ф. Отчет об археологических раскопках могильника Каменки у с. Мазунино (Камбарский район) Удм. АССР, произведенных Удмуртской археологической экспедицией в 1956 г. // Архив кабинета археологии Центра археологических исследований при Центре классического образования УрФУ им. Б.Н. Ельцина (УрГУ). – 1957. – Ф. II, д. 221.
8. Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. — 1959. – № 2. – С. 182–219.

9. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. — 1973. — Вып. 12. — С. 58–121.
10. Голдина Р.Д. О сходстве материальной культуры погребальных памятников харинского и бахмутинского типов // Научная сессия по этногенезу башкир. — Уфа, 1969. — С. 50–53.
11. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье: дис. ... канд. ист. наук. — Свердловск, 1971. — 406 с.
12. Голдина Р.Д. К вопросу о культурном единстве ломоватовских памятников // Древности Волго-Камья. — Казань, 1977. — С.42–51.
13. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. — Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1985. — 279 с.
14. Голдина Р.Д. Миграции угров в Европу в I тыс. н.э. // Угры. — Тобольск, 2003. — С. 57–63.
15. Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. — Уфа: Гилем, 1999. — 123 с.
16. Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. «Переселение народов» в археологии среднего Приуралья // Вестник Пермского университета. История и политология. — 2007. — Вып. 3 (8). — С. 62–71.
17. Кулябина Н.В. Бурковский курганный могильник – эталонный памятник эпохи великого переселения народов // Удмуртской экспедиции 50 лет. — Ижевск: Изд-во УдГУ, 2004. — С.173–170.
18. Лепихин А.Н. Костица гляденовской культуры в Среднем и Верхнем Прикамье. — Пермь: ИД Типография купца Тарасова, 2007. — 224 с.
19. Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. — Уфа: Китап, 2009. — 496 с.
20. Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. Шнуровой орнамент — этнический индикатор в культурах железного века Среднего Приуралья? // Труды камской археолого-этнографической экспедиции. — 2009. — Вып. VI. — С. 109–118.
21. Мингалев В.В. Керамика Чазевского I могильника // Труды Камской Археолого-этнографической экспедиции. — 2009. — Вып. 6. — С. 125–133.
22. Напольских В.В., 2002. Предыстория народов уральской языковой семьи // История татар с древнейших времен. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. — Казань: Рухият, 2002. — С. 195–203.
23. Напольских В.В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // XVII Уральское археологическое совещание. — Екатеринбург: Магеллан, 2007. — С. 41–42.
24. Отчет императорской археологической комиссии за 1901 г. — СПб.: типография главного управления уделов, 1903. — 199 с.
25. Останина Т.И. К вопросу о хронологии памятников мазунинской культуры // Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. — Ижевск: УдГУ, 1983. — С. 72–79.

26. Останина Т.И. 1997. Население Среднего Прикамья в III–V вв. — Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. — 326 с.
27. Памятники истории и культуры Пермской области. — Т. I. Материалы к археологической карте Пермской области. — Пермь: Арабеск, 1996. — 299 с.
28. Поляков Ю.А. Керамика гляденовской культуры // *Finno-Ugrica*. — 1999. — № 1. — С. 4–10.
29. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1052. — № 28.
30. Сунгатов Ф.А. Гунны в Волго-Уральском регионе // История татар с древнейших времен. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. — Казань: Рухият, 2002. — С. 153–155.
31. Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. — 1971. — Вып. 1. — С.7–36.
32. Шмуратко Д.В. Разведка по реке Большой Туй в пределах города Добрянка Пермского края // Археологические открытия 2006 года. — М.: Наука, 2009. — С. 503–504.
33. Schmidt A.V. Kačka. Beiträge zur Erforschung der Kulturen Ostrusland in der Zeit der Völkerwanderung, (III–IV Jh.) // *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. — Helsingfors, 1927. — Vol.I. — P. 18–50.

3.2. Неволинская археологическая культура

Впервые внимание на археологические памятники I тыс. н. э., расположенные в бассейне р. Сылвы, обратил в начале XX в. *А.А. Спицын*. Исследователь объединил их с верхнекамскими древностями того же времени и отнес к единому ломоватовскому типу [Спицын, 1902, с. 23]. В круг ломоватовской культуры включил сылвенские памятники и *В.Ф. Генинг*, связав с ними особый этап этой культуры – неволинский, хронология которого была определена как вторая половина VI – конец VIII в. [Генинг, 1959, с. 184]. Свое название период получил от исследованного в 20-е гг. XX в. *А.В. Шмидтом* одноименного могильника на р. Ирени [Голдина, Водолаго, 1990, с. 47].

А.А. Спицын
(1858–1931)

Как отмечает Р.Д. Голдина, в ходе дальнейшего накопления материала довольно скоро ясно выделились два территориально различных района – Верхнекамский, занимавший все верхнее течение р. Камы и ее притоков до широты р. Обвы, и Сылвенский — территория собственно бассейна р. Сылвы (рис. 28). При наличии некоторых общих черт в материальной культуре районы характеризовались существенными различиями, которые были настолько значительны, что на II Уральском археологическом совещании *В.А. Оборин* поставил вопрос о выделении в каждом из этих районов самостоятельных археологических культур [Голдина, 1968, с. 87–88].

Различиям между ломоватовской и неволинской культурами была посвящена отдельная статья *Р.Д. Голдиной*, в которой автор перечислила ряд признаков, позволяющих говорить об уникальности неволинских памятников, эти признаки представлены нами в виде таблицы (таблица).

Таким образом, археологические памятники конца IV–IX вв., расположенные на территории Среднего Урала, на западном склоне главного хребта в междуречье р. Сылвы и Ирени (Сылвенско-Иренское поречье) были отнесены к самостоятельной неволинской культуре [Голдина, Водолаго, 1990, с. 4].

По материалам неволинских могильников было обособлено пять хронологических стадий: бродовская (конец IV–V вв.), верх-саинская (V–VI вв.), бартымская (конец VI–VII вв.), неволинская (конец VII–VIII вв.) и сухоложская (последняя четверть VIII–IX вв.) [Голдина, Водолаго, 1990, с. 90–94].

Могильники неволинской культуры зачастую представляют сложные комплексы с курганной и бескурганной частями.

Погребальные памятники располагаются тремя группами: первая — в среднем течении р. Шаквы (Копчиковский, Кляповский, Верх-Саинский), вторая — в ее устье (Бродовский, Плехановский и др.), третья — в низовье р. Сылвы (Калашниковский и др.).

*Отличительные черты ломоватовской и неволинской культур по
Р.Д. Голдиной [Голдина, 1968, с. 87–98]*

Период	Ломоватовская культура	Неволинская культура
Курганные могильники III–V вв.	Широкое распространение курганных могильников с большим количеством насыпей	Преобладание грунтовых погребений, немногочисленность курганов
	Культура образована слиянием местного гляденовского населения и пришлых групп с курганным обрядом захоронения	Культура образована слиянием двух групп пришлого населения с курганным и бескурганым обрядами захоронения
	Размеры курганных насыпей невелики	Размеры курганных насыпей значительны
	Погребения с гробовищами	Погребения со срубам в один венец, перекрытые плахами, использование камней
	Преобладание северной ориентировки	Преобладание южной ориентировки
	Наличие в погребениях следов действия огня	Наличие углей в засыпи кургана, дно могил выстлано золой, углем или мелом
	Преобладание керамики со шнуровым орнаментом в сочетании с гребенчатым штампом	Преобладание керамики с резной орнаментацией
Грунтовые могильники VI–VIII вв.	Существуют до IX в. и плавно переходят в родановскую культуру	Прекращают существовать в первой половине VIII в.
	Глубина могил 30–40 см	Глубина могил 70–90 см
	Дно и стенки гроба выстлались берестой	Дно и стенки гроба выстлались кошмой или шкурой
	Практически полное отсутствие в могилах костей жертвенных животных и керамики	Частое присутствие в могилах жертвенных комплексов (кости животных, керамика)
	Присутствие погребений, совершенных по обряду трупосожжения	Отсутствие трупосожжения
	Преобладание в украшениях изображений медведя, коня, утки. Литые навершия кинжалов	Преобладание подвесок – крестовидных, грушевидных с прорезями и подвесок-лунниц
	Преобладание керамики с гребенчатым штампом и шнуровым орнаментом с полным отсутствием резного	Керамика с резным и шнуровым орнаментом, гребенчатый штамп встречается крайне редко
	Предки коми-пермяков	Предки сылвенских вогуличей («остяков»)

Неволинские курганы располагаются нечеткими рядами (Броды) или группами (Калашниково). Сохранившиеся насыпи в плане имеют округлую, изредка овальную форму. Высота их варьируется от 0,3 до 2,5 м, диаметр — от 3 до 30 м.

Курганные насыпи, как правило, ограничены канавками, форма которых также различна. В курганных канавках часто встречаются фрагменты керамики, кости животных, остатки тризн, обломки вещей.

Под курганной насыпью чаще всего фиксируются 1–2 захоронения.

Форма ям обычно прямоугольная, иногда в ямах обнаруживаются фрагменты деревянных конструкций (срубы, гробовища). Стенки некоторых могил обставлены крупными камнями. Сверху конструкции перекрыты деревянными плахами.

Преобладающим способом захоронения является ингумация, хотя и встречаются погребения, совершенные по обряду кремации. Ориентировка костяков разнообразна.

Украшения костюма расположены обычно там, где они носились при жизни [Голдина, Водолаго, 1990, с. 66–69].

Наиболее яркой деталью костюма неволинцев в VII–IX вв. стали так называемые «пояса неволинского типа». Последние представляют собой кожаный пояс шириной 2–2,5 см, длиной до 70 см, украшенный на концах пряжкой, наконечником и многочисленными накладками различных форм. К основному ремню прикреплялось от 12 до 16 кожаных привесок размерами 3,5–4х10 см. Одна, а чаще три привески, расположенные сзади, украшались тремя накладками-тройчатками, остальные — двумя рядами круглых, Ж-образных или прямоугольных накладок в верхней части и прямоугольными вытянутыми — в нижней. Пояс снабжен одной или двумя низками, состоящими из бронзовых пронизок и бус, завершающимися конической или планчатой подвеской. К поясу прикреплялся кинжал в ножнах [Белавин, Крыласова, 2001].

Этническая интерпретация неволинских памятников также не совсем однозначна. *Р.Д. Голдина* усматривает в погребальном обряде неволинцев общие черты, присущие угорским народам (значительная глубина погребений, традиция заворачивать тело умершего в шкуру перед положением в долбленную колоду и т.д.) [Голдина, 1968, с. 98], однако при этом некоторые категории вещей (золотые уголкового типа накладки) находят прямые аналогии в памятниках

Е.М. Черных

позднесарматского времени Южной Башкирии (Темясовские курганы) [Голдина, Водолаго, 1990, с. 91].

Е.М. Черных, как бы подводя итог многолетних исследований ижевских археологов, пишет, что «в настоящее время генезис неволинской культуры рассматривается как сложный процесс миграции в бассейн р. Сылвы зауральских угорских групп, представляющих собой конгломерат этнических групп. В числе мигрантов (поздних саргатцев), помимо угров, как очевидное явление (если учитывать сложный состав самой саргатской общности) могли находиться и группы

ираноязычных полукочевников – сармат, об участии которых в становлении средневековых культур Прикамья писал еще А.П. Смирнов. В последние годы эта идея все больше находит подтверждение как в материалах могильников, так и поселений Прикамья» [Черных, 2002, с. 143].

Аналогичную ситуацию отмечает *И.Ю. Пастушенко*. Исследователь обращает внимание на близость неволинской культуры с салтово-маяцкими древностями, среди факторов, вызвавших эту близость, называется наличие общего элемента в генезисе обеих культур. Скорее всего, этим элементом были группы ираноязычного населения, возможно, уже испытавшего определенное угорское и тюркское воздействие, которое различные исследователи называют позднесарматским или гунносарматским [Пастушенко, Черных 2004, с. 152–153].

И.Ю. Пастушенко

На XVII Уральском археологическом совещании вопрос об истоках неволинской культуры получил новое прочтение в докладе уфимского археолога *В.А. Иванова*, который, проведя сравнительно-типологический анализ неволинских и гороховских (угорских) погребальных комплексов, пришел к выводу о том, что «по формально-статистическим показателям гороховская и ранняя неволинская культуры как звенья одной этногенетической цепи могут рассматриваться с большой натяжкой». Из 34 признаков, по которым проводился анализ, лишь четыре обнаружили близкие тенденции [Иванов, 2007, с. 247]. А.М. Белавин отчасти соглашается с В.А. Ивановым, но при этом продолжает отстаивать угорскую этническую принадлежность ранних неволинских комплексов. Отсутствие формально-типологической связи между комплексами исследователь объясняет хронологическим разрывом более чем в 500 лет между рассматриваемыми группами памятников [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 73].

Как видим, вопрос об этнокультурной принадлежности памятников неволинской культуры также далек от своего завершения, однако многими исследователями отмечены явные позднесарматские параллели, степень участия угорского населения в генезисе неволинской традиции еще требует уточнения.

Могильники неволинской археологической культуры

Могильник Броды

Могильник Броды относится к неволинской культуре, расположен на северо-западной окраине д. Броды Кунгурского района Пермского края у подъема на Спасскую гору. Четырнадцать слабо заметных курганов расположены у подножья горы на выступе второй надпойменной террасы древнего русла р. Шаквы. Два кургана обнаружены на коренном берегу, высота которого 18 м. Поверхность курганов на нижней террасе сильно нарушена силосными траншеями, а также буртовкой навоза с МТФ.

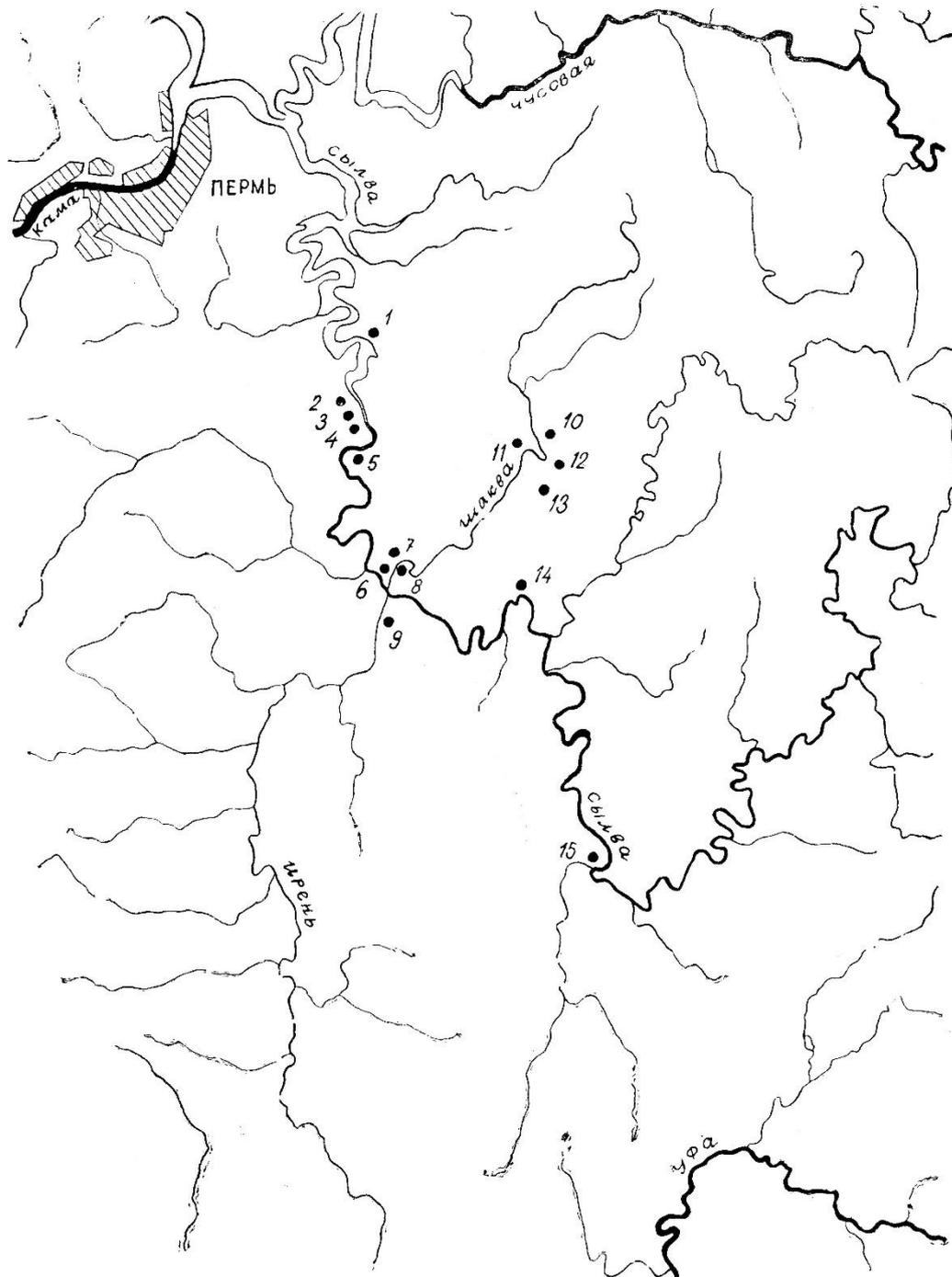

Рис. 28. Карта размещения неволинских могильников

[Голдина, Водолаго 1990, табл. I]:

1 – Горбунятский; 2 – у оз. Дикого; 3 – Заборский; 4 – Калашниковский; 5 – Курманаевский; 6 – Спасский; 7 – Бродовский; 8 – Плехановский; 9 – Неволинский; 10 – Бартымский; 11 – Верх-Саинский; 12 – Копчиковский; 13 – Кляповский; 14 – Сухой Лог; 15 – Усть-Иргинский

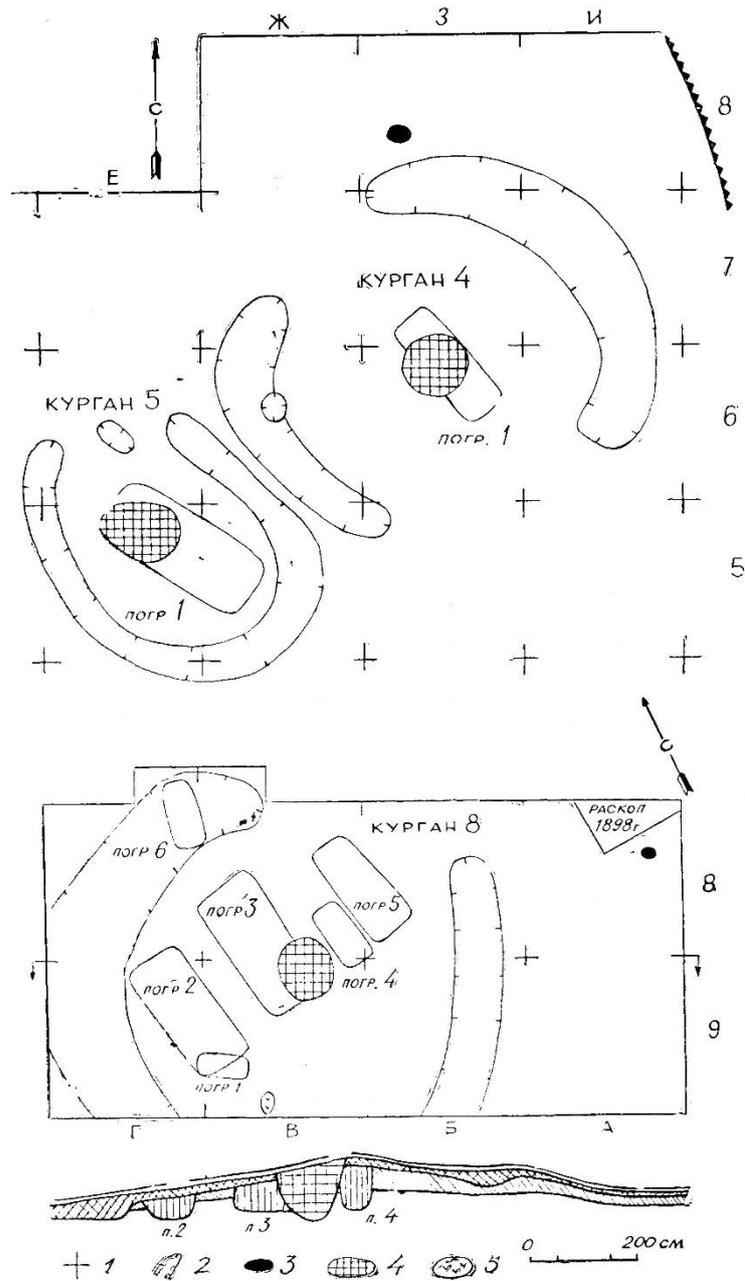

Рис. 29. План погребений Бродовского могильника
 [Голдина, Водолаго 1990, табл. II]: 1 – границы участков; 2 – очертания курганных канавок и ям; 3 – кострища; 4 – грабительские вкопы; 5 – углистое пятно

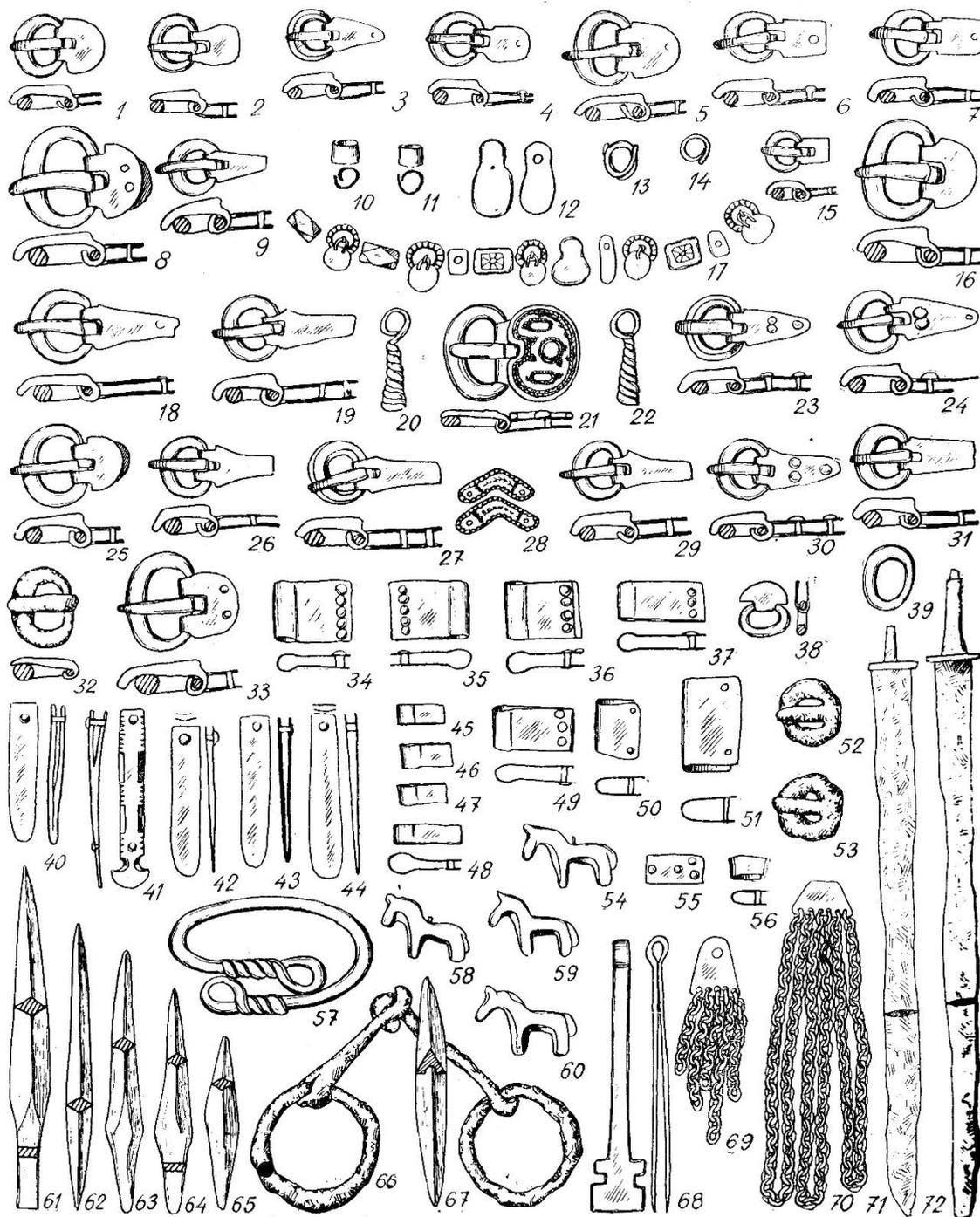

Рис. 30. Вещи бродовской стадии (конец IV–V вв.)

[Голдина, Водолаго, 1990, табл. LXV]:

1–9, 15, 16, 18, 19, 21, 23–27, 29–33 – пряжки ремня; 10, 11, 13, 14 – звенья; 12 – привеска; 17, 28, 38, 39, 55 – поясные накладки; 20, 22 – височные кольца; 34–37, 40–51, 56 – наконечники ремня; 52–53 – пряжки; 54, 58–60 – пронизки; 57 – браслет; 61–65, 67 – наконечники ремня; 66 – удила; 68 – пинцет; 69, 70 – подвески; 71, 72 – ножи

Могильник известен с 1897 г., первые раскопки на памятнике проведены в 1898 г. А.А. Спициным и Н.Н. Новокрепленных [Новокрепленных, 1901, с. 126].

В 1969 г. на могильнике велись работы под руководством Н.А. Воронковой и В.А. Оборина. В 1978–1979 гг. памятник исследовался Камско-Вятской археологической экспедицией под руководством Р.Д. Голдиной. В ходе работ было вскрыто 48 курганов, содержащих материалы 94 погребений (все указанные погребения учтены в анализе и дали пригодные для статистической обработки материалы по 106 погребенным индивидам). Курганная часть могильника (рис. 29, 30) датируется концом IV–V вв. [Голдина, Водолаго, 1990, с. 21].

Могильник Верх-Сая

Верх-Саинский могильник относится к неволинской культуре и расположен на пологом выступе правого коренного берега р. Шаква, левого притока р. Чусовой, на спуске из верхней части д. Шаква в нижнюю. Поверхность памятника распаивается, северо-восточная его часть нарушена современными постройками.

Могильник был открыт в 1981 г. Л.Д. Макаровым. Курганные канавки и могилы фиксируются, как правило, после снятия пахотного слоя, на глубине 30–50 см. Могильник имеет курганную (VI–VII вв.) и бескурганную части (VII–IX вв.), датируется второй половиной VI–IX вв. В 1982 г. Н.В. Водолаго было исследовано 65 погребений. В 1983 г. — еще два кургана с тремя могилами и 39 бескурганных захоронений. В 1984 г. на памятнике изучено 26 курганов с 38 погребениями и 11 бескурганных могил. Всего за 1982–1984 гг. на памятнике было раскопано 28 курганов с 41 погребением и 115 бескурганных захоронений (рис. 31) [Голдина, Водолаго, 1990, с. 22–37]. В анализе учтены все погребения бескурганной части (за исключением девяти поздних погребений), давшие пригодные для статистической обработки материалы по 109 умершим индивидам, и 37 погребений курганной части (материалы четырех погребений из анализа исключены по причине слишком плохой сохранности).

Могильник Кляпово

Кляповский могильник находится на западной окраине с. Кляпово Березовского района Пермского края и относится к неволинской археологической культуре. Расположен могильник на очень пологом и низком холме, на границе пашни и частного приусадебного участка.

Памятник обнаружен 1950 г. В.Ф. Генингом, в этом же году было вскрыто два погребения [Генинг, 1951, с. 7–8]. Особенностью стратиграфии могильника является то, что под слоем почвы мощностью до 0,2 м залегает сплошная каменная порода из сланцевого плитняка, в которой выдолблены погребения.

После снятия дернового слоя вскрывается совершенно гладкая поверхность нетронутой породы сланца, там же, где находятся погребения, плитняк перемешан с землей, а отдельные его куски стоят вертикально.

На могильнике В.Ф. Генингом и Г.А. Шокшуевым исследовано шесть погребений, все они использованы в анализе.

Вещевой материал позволил исследователям определить дату могильника в пределах III–V вв. [Шокшув, 1962, с.107, 111].

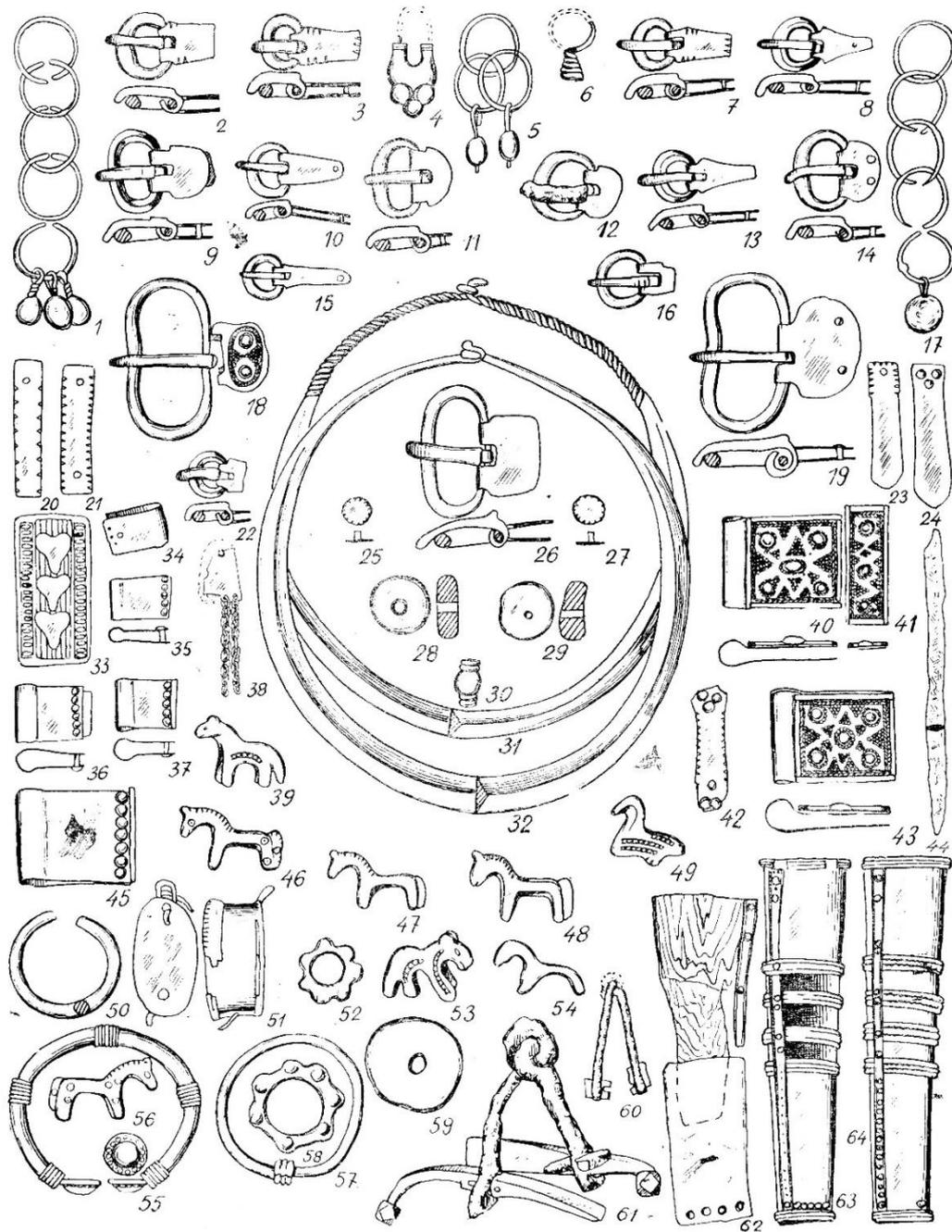

Рис. 31. Вещи верх-саинской стадии (VI в.)

[Голдина, Водолаго, 1990, табл. LXVI]:

1, 4, 5, 6, 17 – височные кольца; 2, 3, 7, 8–16, 17, 18, 19, 22, 26 – поясные пряжки; 20, 21, 25, 27, 33, 42 – поясные накладки; 28, 29, 59 – предметы быта; 30, 39, 46–49, 53, 54, 56 – пронизки; 34–37, 40, 41, 43 – наконечники ремня; 38, 51, 52, 58 – подвески; 50 – кольцо; 44 – нож; 55, 57 – браслеты; 60, 61 – удила; 62–64 – обкладки

Вопросы:

1. Какие особенности неволинской культуры были выделены Р.Д. Голдиной?
2. Какие два типа погребальной обрядности встречаются на могильниках неволинской культуры?
3. Что подразумевают исследователи под понятием «пояса неволинского типа»?
4. Какие этнические компоненты присутствуют в этногенезе неволинских племен?

Список рекомендуемой литературы:

1. Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. — Уфа: БГПУ, 2009. — 285 с.
2. Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Неволинские пояса в системе международных связей [Электронный ресурс] // Материалы V чтений памяти Анны Мачинской. Старая Ладога. — СПб., 2001. URL: <http://history.perm.ru/modules/smartsection/item.php?itemid=68> (дата обращения: 01.04.2012)
3. Генинг В.Ф. Отчет об обследовании археологических памятников в бассейне р. Сылвы (лето 1950 г.) // Научный архив Кунгурского краеведческого музея. — 1951. — Ф. 3, оп. 3, д. 86.
4. Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. — 1959. — № 2. — С. 182–219.
5. Голдина Р.Д. К вопросу о своеобразии неволинских памятников бассейна р. Сылвы // Ученые записки Пермского государственного университета им. А.М. Горького. — 1968. — № 191. — С. 87–98.
6. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. — Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1990. — 176 с.
7. Иванов В.А. Проблема участия угров в формировании этнической карты Прикамья и Приуралья в I тыс. н.э. // XVII Уральское археологическое совещание. — Екатеринбург, 2007. — С. 245–247.
8. Новокрещенных Н.Н. Археологические исследования в западной части Пермской губернии // Труды Пермской ученой архивной комиссии. — Вып. IV. — Пермь: Типо-литография губернского правления, 1901. — С. 107–141.
9. Пастушенко И.Ю., Черных Е.М. Еще раз о салтово-маяцких параллелях в неволинской культуре // Древность и средневековье Волго-Камья. Материалы третьих Халиковских чтений. — Казань, 2004. — С. 149–153.
10. Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции. — СПб., 1902.

11. Черных Е.М. Этногенез и этническая история народов Прикамья в работах Р.Д. Голдиной // Исследовательские традиции в Археологии Прикамья. — Ижевск: Изд-во УдГУ, 2002. — С.141–149.

12. Шокшуев Г.А. Новый могильник харинского времени в бассейне р. Сылвы // Вопросы археологии Урала. — 1962. – Вып. 4. — С. 107–115.

3.3. Памятники тураевского типа

К так называемым памятникам тураевского типа относят по меньшей мере три некрополя, по формальным признакам (территориально и хронологически) принадлежащих к мазунинскому культурному ареалу. Однако ряд специфических особенностей не позволяет отождествлять их непосредственно с мазунинским (автохтонным) населением. Этими памятниками являются курганно-грунтовые могильники у с. Тураево (Менделеевский район Татарстана), с. Старая-Мушта (Краснокамский район Башкортостана) и д. Кудаш (Бартымский район Пермского края) (рис. 32).

Все перечисленные памятники имеют как курганную, так и грунтовую части. По мнению исследователей, грунтовые захоронения оставлены местным населением, а курганные — небольшими инокультурными группами переселенцев, пришедших на территорию Южного Урала в IV–V вв. [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 63]. Всеми исследователями однозначно признается тот факт, что эти немногочисленные пришлые группы принадлежали военной социальной прослойке, погребальный инвентарь курганных захоронений красноречиво свидетельствует об этом. В могилах обнаружены шлемы, кольчуги, защитные панцири, топоры, мечи, кинжалы, наконечники копий, детали конской упряжи и т.д. Грунтовые же захоронения продолжают сохранять местные мазунинские черты [Голдина, 2004, с. 259–261].

Особый интерес представляют попытки этнической интерпретации пришлых элементов. В.Ф. Генинг в первой печатной работе, посвященной Тураевскому могильнику, вопроса этнокультурной интерпретации не касается вовсе, ссылаясь на то, что материалов для этого очень немного [Генинг, 1962, с. 77]. Затем, в более поздней публикации В.Ф. Генинг начинает видеть в тураевцах носителей именьковской культуры, которую исследователь отождествил с народом «буртас», известном по сообщениям арабских и персидских авторов IX–X вв. Однако, говоря об этнической окраске народа буртас, В.Ф. Генинг очень осторожен, он указывает на восточные (Алтай, Центральный Казахстан) аналогии, но при этом тут же оговаривается, что памятники именьковско-романовского типа увязываются генетически с восточными «менее убедительно, чем некоторые другие типы» [Генинг, 1972, с. 293–294]. Не смущает исследователя и тот факт, что на могильниках именьковской культуры (Рождественский могильник) погребения совершены исключительно по обряду трупосожжения, на Тураевском же некрополе представлен обряд ингумации. Данное обстоятельство В.Ф. Генинг объясняет некими первоначальными этническими различиями отдельных групп населения (именьковский и петропавловской, для которых характерно трупосожжение, и тураевской, для которой характерным является обряд трупоположения), втянутых в орбиту формирования одной именьковско-романовской общности [Генинг, 1972, с. 292].

О тюркском происхождении памятников тураевского типа высказывался П.Н. Старостин, который напрямую связывал курганы Тураевского могильника с пришлыми племенами именьковской культуры, а ту, в свою очередь,

с кочевниками тюркского мира [Старостин, 1971, с. 52–53]. Аналогичную позицию занимал и *А.Х. Халиков*, исследователь писал: «Тураевские курганы и близкие им памятники этого района Прикамья, еще во II в. бывшего центром пьяноборской территории, оставлены племенами сибирского (казахстанского) и северно-среднеазиатского происхождения» [Халиков, 1971, с. 13]. В другой своей статье А.Х. Халиков по сути уже пытается выстраивать параллели между Тураевским могильником и гуннами, а также связанными с ними группами, которые проникали в районы Приуралья и Поволжья [Халиков, 1987, с. 91]. О близости памятников «тураевско-старомуштинско-харинского типа» с материалами джетыясарской культуры Восточного Приаралья говорит и *Ф.А. Сунгатов*. Что же касается предметов, которые, возможно, имеют западное происхождение (шлемы), то исследователь не исключает возможность появления их у гуннов и их союзников в качестве военных трофеев, взятых после завоевания Северного Причерноморья в конце IV в. [Сунгатов, 2002, с. 153–155].

Западный вектор в генезисе памятников тураевского типа выстраивает *Р.Д. Голдина*. Исследователь обращает внимание на близость древностей азелино-суворовского и тураево-кудашевского типов. (Напомним, что первые Р.Д. Голдина связывает с миграцией черняховцев).

Как и в случае с азелинской культурой, Р.Д. Голдина апеллирует к ряду находок, имеющих явно западное происхождение. Прежде всего, это весь комплекс вооружения (панцири, шлемы, мечи), но особый интерес представляют обнаруженные на Кудашевском могильнике странные предметы, напоминающие проушные топоры, однако отличающиеся длинным (до 23 см) и узким телом и необычайно узким (0,8–2,1 см) проухом. Данные «топоры» выявили поразительное сходство с секировидными гривнами, служившими в эпоху средневековья единицей обмена в Норвегии и Чехословакии [Голдина, 2004, с. 267]. На основании предметных аналогий и анализа керамических коллекций Р.Д. Голдина приходит к выводу, что появление в низовьях Камы и прилегающем Поволжье Тураевских и Кудашевских курганов связано с миграцией в конце IV в. черняховско-вельбаркского населения. Причиной этой миграционной волны, по мнению исследователя, стало нашествие гуннов на Восточную Европу [Голдина, 2004, с. 266]. О юго-западных параллелях курганной части Тураевского могильника, по словам ижевских исследователей, говорят находки ажурных, каркасных шлемов, украшений эмалевого стиля, халцедоновых дисков.

В.А. Берниц

В недавней работе, посвященной Тураевскому могильнику, Р.Д. Голдина и *В.А. Берниц* однозначно связывают тураевские курганы с захоронениями «военно-разведочного отряда именьковцев», грунтовые же погребения с местным населением «мазунинского этапа чегандинской культуры

пьяноборской культурно исторической общности» [Голдина, Бернц, 2010, с. 149–158].

Однако антропологические исследования вновь вносят существенные поправки в этнокультурную интерпретацию памятников тураевского типа. Материал Старо-Муштинского могильника (относящегося к памятникам тураевского типа) позволил *Р.М. Юсупову* утверждать, что погребенные являются потомками местных приуральских сарматских племен конца I тыс. до н. э., в силу исторических причин осевших в среде более северного лесного населения, переселение и оседание которых произошло под давлением массива кочевников иного происхождения. Особого внимания заслуживает находка на могильнике черепа со следами искусственной деформации [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 81], что является пусть и не однозначным, но достаточно красноречивым аргументом в пользу сарматского происхождения рассматриваемых материалов. К сарматскому прочтению материалов некрополей тураевского типа склоняется и *Е.П. Казаков*: исследователь обращает внимание на орнаментацию тураевского шлема, имеющего прямые аналогии в сасанидском мире, кольцевые ровики вокруг курганов, подбои в стенах могил, крупные янтарные бусы, имеющие прямые параллели в некрополях Восточного Приаралья [Казаков, 1999, с. 25; Казаков, 2011, с. 10,12].

Таким образом, исследователями высказывались следующие гипотезы о культурной принадлежности тураевских курганов: тюркская (В.Ф. Генинг, П.Н. Старостин), гуннская (А.Х. Халиков), гото-славянская (Р.Д. Голдина), сарматская (Е.П. Казаков, Р.М. Юсупов).

Р.М. Юсупов
(р. 1951)

Могильники тураевского типа

Тураевский могильник

Первые сведения о могильнике близ д. Тураево Менделеевского района Республики Татарстан были получены в 1959 г. Могильник располагается на правом высоком берегу коренной террасы р. Кама близ устья р. Чукма (Чемек), между с. Тураево и с. Икское Устье. Курганы занимают небольшую площадку в 2 км от р. Кама [Генинг, 1970, с. 92].

В.Ф. Генингом было обнаружено 11 курганов и восемь погребений без следов курганных насыпей, но, ссылаясь на то, что площадка могильника неоднократно распаивалась, исследователь заключил, что и над «грунтовыми» погребениями когда-то существовали курганы. Высота насыпей от 0,5 до 1,5 м, при диаметре 5–10 м. Курганы окружались круговой канавкой глубиной около 0,5 м. Надмогильные сооружения занимали площадку внутри этого кольца. Под двумя курганами удалось проследить ровную подсыпку темным грунтом толщиной 15–20 см (рис. 33). В трех курганах под насыпями обнаружены

остатки кострищ, число которых соответствовало количеству погребений. Кроме того, под насыпями четырех курганов обнаружены фрагменты керамики и костей животных.

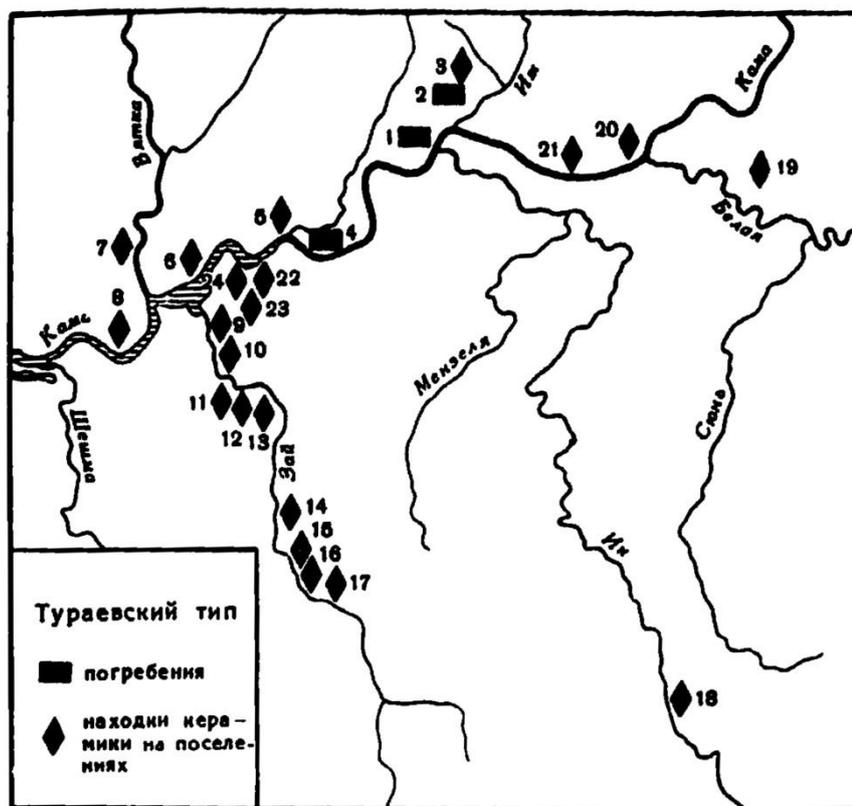

Рис. 32. Карта распространения находок тураевского типа [Генинг, 1972, рис. 15]

Все перечисленные особенности В.Ф. Генинг интерпретирует как свидетельства культа очистительного огня [Генинг, 1962, с. 74].

Могильные ямы некрополя имеют крупные размеры (100 на 125 см) и внушительную глубину от 2,05 до 3,65 м. Конструкция ям в большинстве случаев простая, но в некоторых погребениях фиксируются ступеньки либо подбой вдоль продольных стен, ряд могил был заложен плитняком [Генинг, 1962, с. 74]. Относительно наличия деревянных конструкций типа гробовищ В.Ф. Генинг пишет в краткой заметке 1962 г.: «Остатки деревянных гробовищ прослежены во всех могилах» [Генинг, 1962, с. 74]. Однако в более поздней публикации материалов могильника в 1976 г. об остатках массивных деревянных колод с уверенностью упомянуто лишь в случаях непо потревоженных погребений [Генинг, 1976, с. 85].

Подкурганые погребения содержали очень богатый сопроводительный инвентарь (рис. 34), представленный в основной своей массе предметами вооружения (мечи, копьё, кинжалы, топоры, удила, «косы-горбуши» и т.д.). На основании имеющихся материалов В.Ф. Генинг сделал предположение, что Тураевский могильник является исключительно кладбищем военачальников [Генинг, 1962, с. 80].

Исследования, проведенные в 1986–1990 гг., заставили несколько пересмотреть это мнение. Н.В. Водолаго обнаружил и раскопал рядом с курганами и бескурганную часть, содержащую 266 захоронений, при этом ни один край могильника раскопками Н.В. Водолаго так и не был выявлен. В грунтовых погребениях могильника прослежены характерные черты обряда местных племен III–V вв. Судя по инвентарю (рис. 35), основная часть бескурганных погребений относится к IV в., захоронения же под курганами оставлены пришлыми племенами в конце IV–V вв. [Голдина, 2004, с. 259–261].

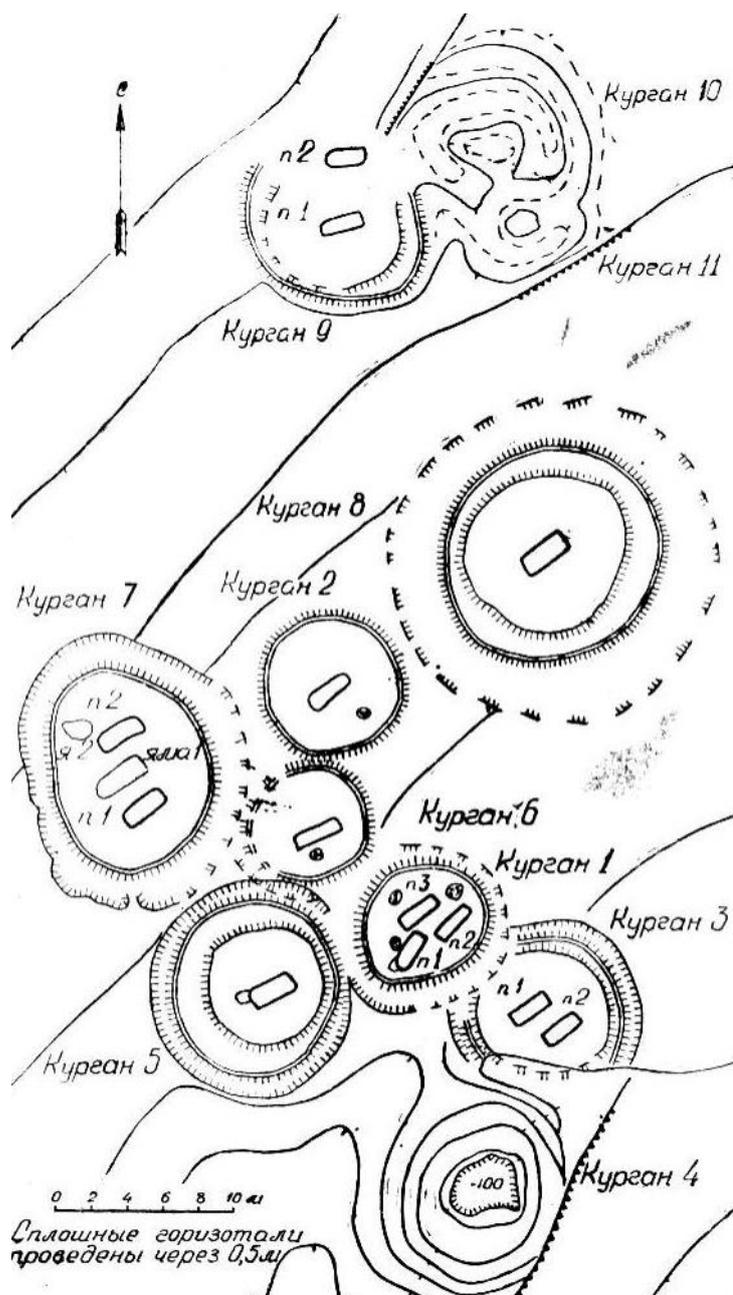

Рис. 33. План курганной части Тураевского могильника [Генинг, 1962, рис. 28]

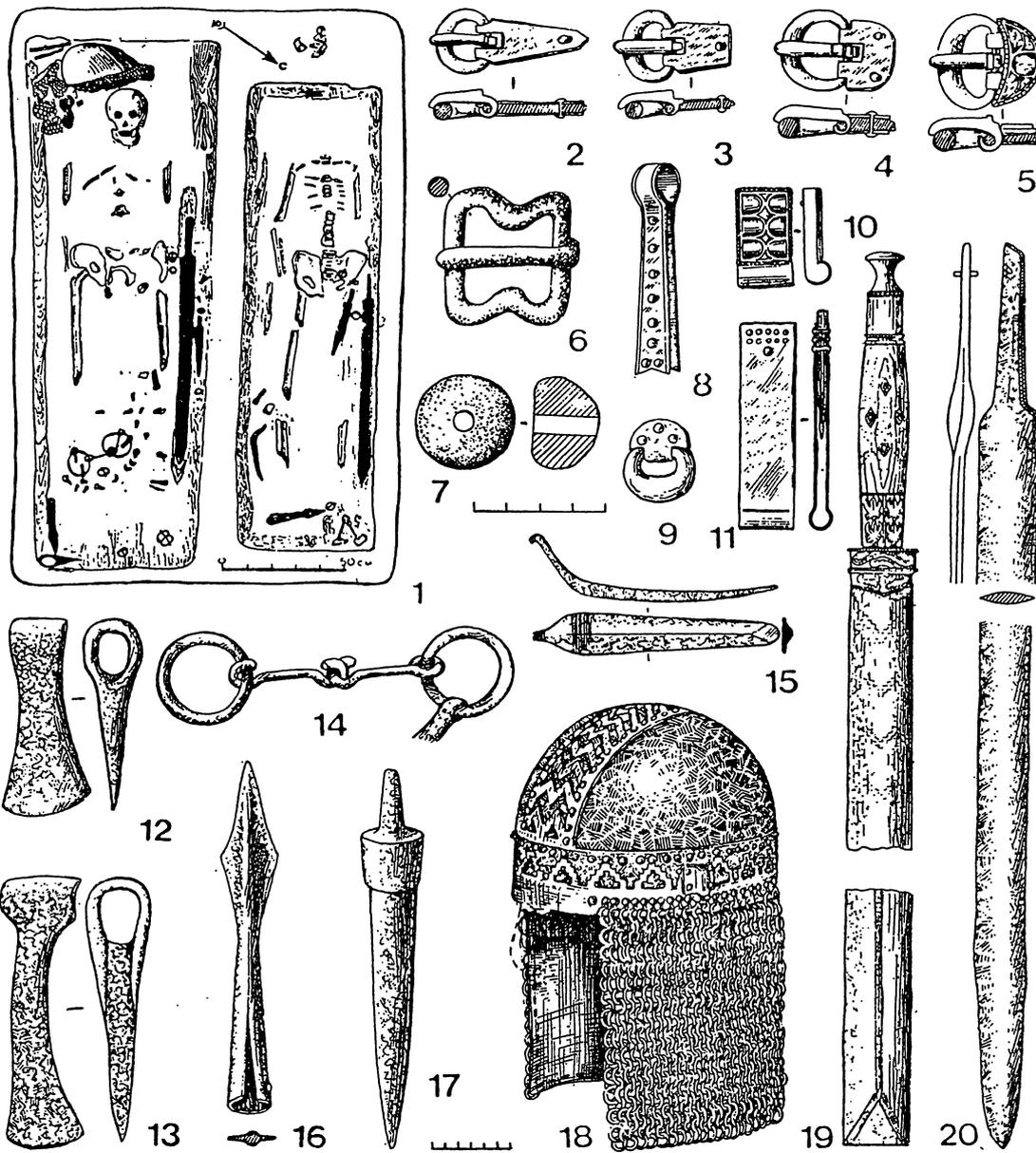

Рис. 34 Материалы Тураевского курганного могильника (по В.Ф. Генингу)
[Голдина, 2004, рис. 130]:

1 – план погребения 1 кургана VII; 2–6 – пряжки; 7 – бусина; 8 – трензеля; 9 – ременная подвеска; 10, 11 – наконечники ремней; 12, 13 – топоры; 14 – удила; 15 – стригиль; 16 – наконечник копья; 17 – нож; 18 – шлем; 19, 20 – мечи; 2–4, 8, 11 – бронза; 5, 10 – бронза, золото, камень, стекло; 6, 12–17, 20 – железо; 7–янтарь, 9 – бронза, золото; 18 – железо, серебро, кожа; 19 – железо, дерево, серебро, бронза, кожа

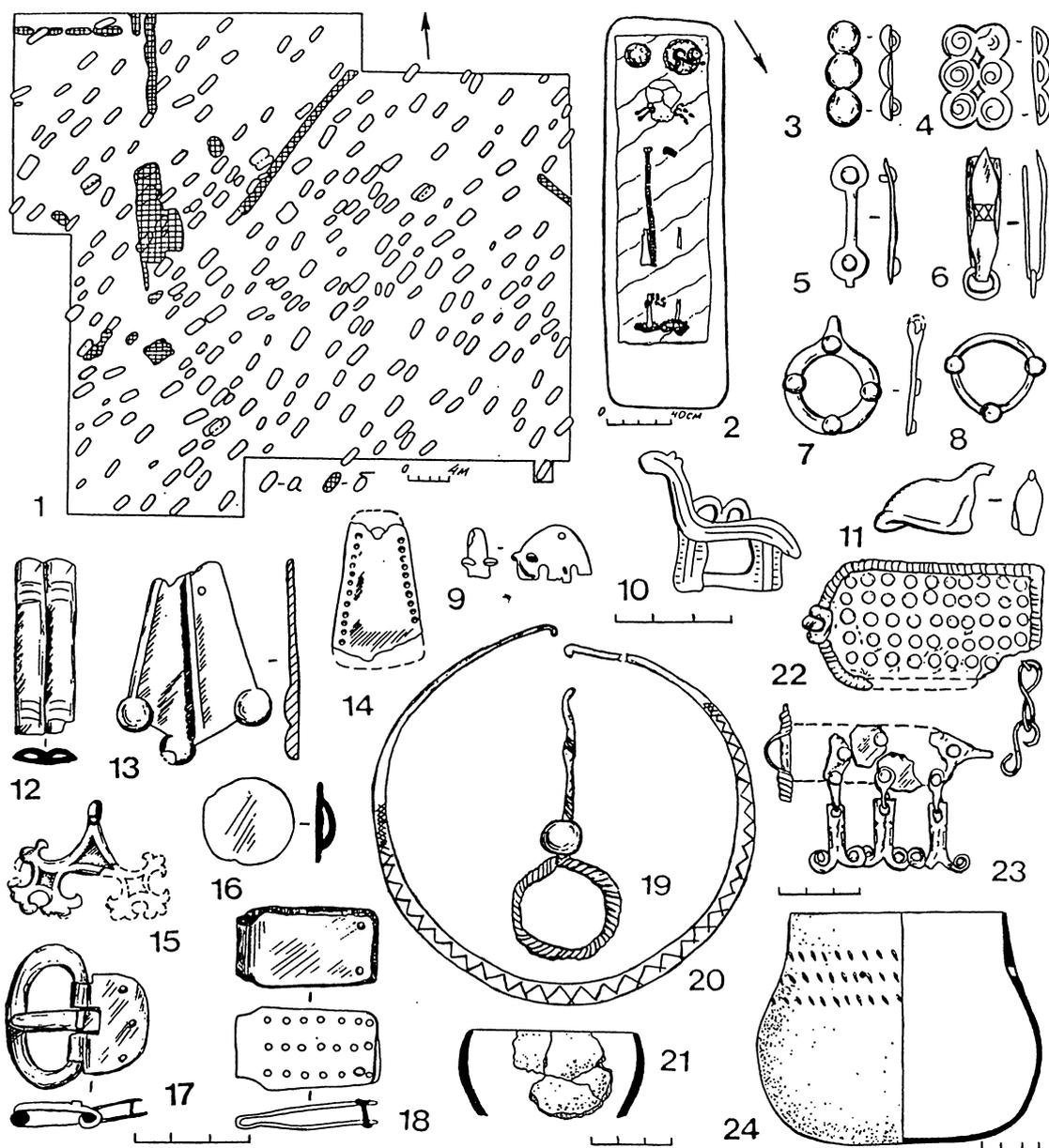

Рис. 35. Материалы бескурганной части Тураевского могильника

[Голдина, 2004, рис. 131]:

1- план раскопа: а – могила, б – разведочная траншея; 2 – план погребения 102; 3-6, 16- накладки; 7, 8, 19- височные подвески; 9- пронизка-медведь; 10, 13-15- подвески; 11- пронизка-уточка; 12- пронизка; 17 – пряжка; 18- наконечник ремня, 20- гривна; 21, 24- сосуды; 22, 23- фибулы; 3-18, 20, 23- бронза; 19- бронза, стекло; 21, 24- глина; 22- бронза, железо

Старо-Муштинский могильник

О наличии на р. Белой, в 1 км восточнее с. Старая Мушта (Краснокамский район Республики Башкортостан), земляного кургана известно с 1956 г., когда в этом районе проводил разведочные работы А.П. Шокуров, эта информация была им получена от местных жителей, но не проверена. В 1982 г. на памятнике побывал Г.Н. Гарустович, который, собственно, и внес его в «Каталог памятников археологии Башкирии» [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 3].

Некрополь расположен в заросшем папоротником дубовом лесу с густым подлеском. Площадка памятника занимает возвышенную надпойменную террасу правого берега р. Белой, у подножия которой локализуются более низкие террасы и старичные болота. На могильнике зафиксировано наличие более 200 курганов. В результате полевых работ 1988–1989, 1991 и 2002 гг. исследовано 102 погребения, 72 из которых являются курганными (всего на могильнике вскрыто 22 кургана), 30 — грунтовыми [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 3–6].

Размеры насыпей колеблются в интервалах: диаметр — 6–16 м и более, высота — 0,15–1,1 м. Курганы содержат от 1 до 12 захоронений (рис. 36). Грунтовые погребения не занимают какого-то определенного участка памятника, а располагаются в межкурганном пространстве по всей площади могильника. В целом различия между курганными и грунтовыми погребениями не носят глобального характера. Под насыпями курганов, как и в межкурганном пространстве обнаружены кости животных и фрагменты сосудов, а также индивидуальные находки (топоры, гривны, удила). К жертвенно-поминальным объектам относятся следы кострищ, обнаруженных под насыпями и на грунтовой площадке. Умершие в большинстве случаев уложены в простые удлиненно-прямоугольные ямы с отвесными или слегка сужающимися книзу стенками. К могильным камерам сложной конструкции относятся ямы с подбоем. Дно некоторых погребений выстлано растительной подстилкой или присыпано мелом. В ряде случаев фиксируется наличие гробов. Доминирующей является ориентировка погребений в южный сектор. Характерной чертой могильника является наличие в погребениях жертвенных комплексов [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 46–55].

Погребальный инвентарь (рис. 37) представлен украшениями из серебра, бронзы, деталями поясной и конской гарнитуры, глиняной посудой, орудиями труда, предметами вооружения, хронологически укладываемыми в период III–IV вв. [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 36, 45].

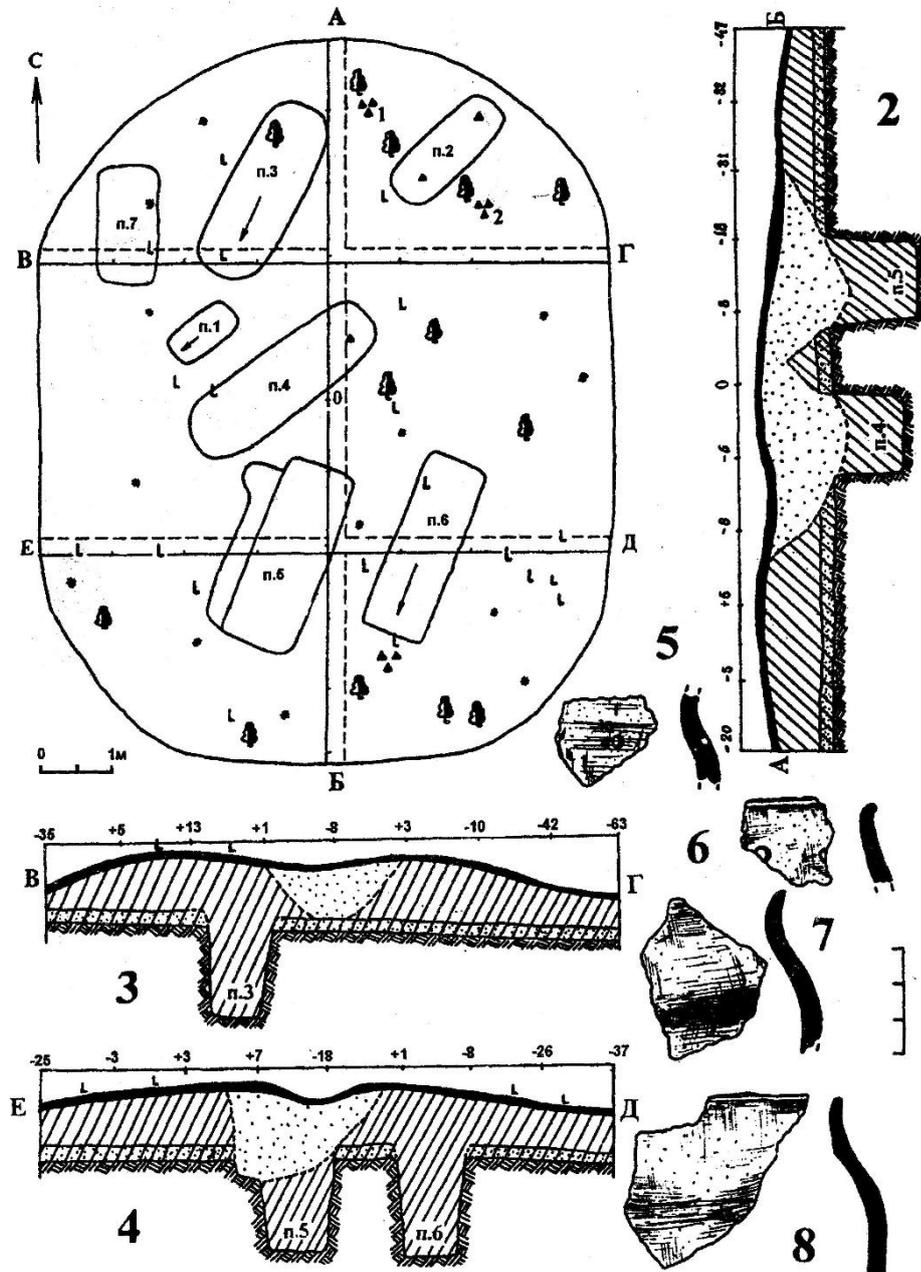

Рис. 36. Старо-Муштинский могильник. Курган 10.

[Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, рис. 20]:

1 – план кургана; 2 – профиль бровки по линии С–Ю; 3 – профиль бровки В–Г по линии 3–В; 4 – профиль бровки Е–Д по линии 3–В; 5–8 – керамика из насыпи кургана

Рис. 37. Реконструкция мужского костюма воина
(по материалам Старо-Муштинского могильника)
[Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, рис. 75]

Вопросы:

1. Какие два типа захоронений встречаются на памятниках тураевского типа? С чем это связано?
2. Почему исследователи считают, что пришлые племена принадлежали к воинской прослойке?
3. Заполните таблицу:

Автор концепции	Этническая интерпретация памятников тураевского типа и используемая аргументация

Список рекомендуемой литературы:

Генинг В.Ф. Тураевский курганный могильник в Нижнем Прикамье // Вопросы археологии Урала. — 1962. — Вып 2. — С. 72–80.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. — М.: Наука, 1972. — С. 221–295.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. // Из археологии Волго-Камья. — Казань, 1976. — С. 55–108.

Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. — Ижевск: Удмуртский университет, 2004. — 464 с.

Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник — уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть). — Ижевск: Из-во УдГУ, 2010. — 499 с.

Казаков Е.П. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология. — 1999. — № 1–2 (4–5). — С. 23–38.

Казаков Е.П. Новые материалы к проблеме интерпретации именковских древностей // Вопросы археологии Урала и Поволжья. — Самара: Самарский университет, 2004. — С. 280–284.

Старостин П.Н. О романовских и именковских памятниках // Археология и этнография Башкирии. — 1971. — Т.4. — С.148–150.

Сунгатов Ф.А. Волго-Уральский регион в эпоху тюркских каганатов // История татар с древнейших времен. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. — Казань: Рухият, 2002. — С. 268–276.

Сунгатов Ф.А., Гарустович Г.Н., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого переселения народов. — Уфа: ГУП Уфимский полиграфический комбинат, 2004. — 172 с.

Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. — Казань, 1971. — Вып. 1. — С.7–36.

Халиков А.Х. Великое переселение народов и его роль в образовании Варварских государств // От доклассовых обществ к раннеклассовым. — М.: Наука, 1987. — С. 88–103.

«Харинский» культурный кластер составили курганные некрополи ломоватовской и неволинской культуры, а также могильники тураевского типа.

Отличительными признаками погребального обряда носителей традиции «харинского» культурного кластера являются курганные насыпи, восточная, реже юго-западная ориентировка погребений, наличие в погребениях трехсоставных поясных пряжек, ножей, иногда удила, а также внутримогильных сооружений типа срубов. В качестве иллюстрации «эталонного комплекса» «харинского» культурного кластера можно привести погребение № 21 Бурковского могильника. В.Ф. Генинг и Р.Д. Голдина дают следующее описание данному комплексу:

«Погребение 21. В могильной яме сохранились бревна сруба и сильно обугленные плахи перекрытия. Костяк, от которого сохранились лишь бедренные кости, лежал вытянуто на спине, головой на восток. Около правого бедра — остатки короткого меча в деревянных ножнах с серебряными оковами. К нижнему концу ножен приклепан ремень с пряжкой и наконечником, охватывающим ногу в нижнем конце бедренной кости. Несколько ниже железные удила, в области таза — две медные пряжки и наконечник ремня, несколько ниже — второй наконечник с кольцом. Рядом с пряжками — железная вещь, испорченная ржавчиной, слева от таза — нож и медная палочка. На костях стоп — по медной пряжке и около левой ноги — кинжал» [Генинг, Голдина, 1973, с. 97].

Возможно, курганы Старой-Мушты и Бродов — это одни из самых ранних памятников, иллюстрирующих результаты позднесарматской миграции конца IV в. Их генезис исследователи связывают с событиями 370–375 гг., т.е. со временем появления в Европе гуннов, воинственность которых заставила многие племена (в том числе и алано-сарматские) покинуть места своего обитания и отступить в северные лесостепные и лесные районы [Голдина, Водолаго, 1990, с. 91; Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 72]. Трудно сказать, было ли появление Старо-Муштинского и Бродовского могильников следствием одной миграционной волны поздних сарматов, которая имела место в конце IV в., либо это были отдельные инфильтрации, или, как отмечает С.Э. Зубов, «малые миграции», «военные всплески» [Зубов, 2004, с. 78–82], но, так или иначе, эти процессы стали генетической основой для возникновения на территории Верхней Камы памятников «харинского» типа (Бурково, Митино, Качка и др.).

Картографируя памятники «харинского» культурного кластера, можно предположить, что миграция позднесарматского населения осуществлялась

через территорию Башкирии с выходом в Верхнекамский регион. Сама идея о сарматской миграции в Верхнее Прикамье для археологии не нова: ее в свое время высказывал еще А.П. Смирнов. Недавно эту точку зрения вновь озвучил Ф.В. Овчинников. Исследователь, анализируя харинскую полихромную поясную garnитуру, пришел к выводу о том, что, возможно, именно с «событиями вытеснения «иранских» племен с исторической арены связано появление в Приуралье памятников харинского типа в конце IV – начале V в., где в труднодоступных лесных районах до конца VI в. сохраняются отголоски стиля Варна-Кара-Агач. Так, наиболее ранние харинские комплексы, представляющие культуру первых харинских переселенцев, посредством перекрестных аналогий напрямую связаны с кругом позднесарматских древностей конца IV в. (Брюханово, Тугозвонovo)» [Овчинников, 2004]. Возможно, именно миграцией позднесарматского населения объясняется и появление таких памятников, как Старо-Муштинский могильник в Башкирии и Бродовский могильник в Сылвенско-Иренском поречье. О позднесарматском облике материальной культуры Старо-Муштинского могильника писали сами авторы раскопок [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 72]. Хотя антрополог Р.М. Юсупов подчеркивал, что мужские черепа из Старо-Муштинского могильника отличаются от черепов с территории степного Башкирского Зауралья (могильник Кара-Тал) [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 81], следует учесть, что в материалах Старо-Муштинского могильника прослеживается очень сильный местный компонент — 32 грунтовых погребения Старо-Муштинского могильника, безусловно, несут в себе черты «постпьяноборского» мазунинского культурного присутствия. В отношении Старо-Муштинского некрополя ситуацию смешения двух культурных традиций, пришедшей позднесарматской и местной мазунинской, сохранившей тесную связь с предшествующим пьяноборско-караабызским временем, признают и сами исследователи памятника [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 41–42].

Указанный вектор миграции неплохо соотносится с хронологией и географией памятников: Салиховский и Ахмеровский II могильники («отправная точка» миграции) — III–V вв. → Бродовский, Старо-Муштинский некрополи (памятники, одними из первых испытавшие влияние мигрантов) — IV–VI вв. → Качкинский могильник (Краснокамский район Пермского края) — IV–V вв. → Бурковский могильник (Добрянский район Пермского края) — V–VI вв. → Митинский (Косинский район Пермского края) — VI–VII вв.

Отчасти сарматское присутствие в Верхнекамском регионе фиксируется и по данным антропологии. М.С. Акимова обнаружила на могильнике Митино, относящемся к косинской группе памятников «харинского типа», четыре черепа со следами искусственной деформации, причем три из них являются женскими [Акимова, 1968, с. 42]. Последний факт свидетельствует о том, что в миграции принимали участие не только мужчины-воины.

В.В. Мингалев отмечает, что в процессе миграции всегда идут изменения. Миграция — это процесс постоянного культурогенеза. В процессе переселения происходит накопление и включение инокультурных компонентов как в культуру самих мигрантов, так и в культуру общества, их принимающего

[Мингалев, 2007, с. 60]. В ходе миграции культура переселенцев просто не может остаться неизменной: процессы ассимиляции и адаптации так или иначе, но будут вносить свои постоянные корректировки.

Итак, подведем итог, анализ показал, что основной культурно-генетический материал памятников «харинского» типа несет в себе явные позднесарматские элементы.

Глава 4. Саргатский культурный кластер — «угорский» этнокультурный компонент на территории Прикамья

Впервые внимание к древностям западносибирской лесостепи было проявлено еще во второй половине XVII – начале XVIII в. в эпоху массового «бугрования» в Сибири. Первые яркие находки вошли в Сибирскую коллекцию Петра I [Матвеева, 1993, с. 3, 164]. В петровскую эпоху территория Западной Сибири значительно пострадала от деятельности всевозможных кладоискателей, энтузиазм которых постоянно подогревался страстью первого российского императора ко всему новому. Первая удачная попытка научного обобщения западносибирского и зауральского материала была предпринята *П.А. Дмитриевым*, который отнес их к особой группе сарматов, отличной по отдельным элементам от соседних сарматов Оренбургской области [Могильников, 1972, с. 67; Матвеева, 1993, с. 3].

П.А. Дмитриев
(1902–1943)

Позднее *В.А. Могильников* поставит вопрос о выделении в Прииртышской степи особой археологической культуры, которая получит название саргатская по курганной группе у с. Саргатка Омской области (рис. 38). Новая культура займет хронологические рамки с IV–III вв. до н. э. по II–IV в. н. э. [Могильников, 1972, с. 67].

В.А. Могильников отмечал, что за время существования территориальные границы саргатской культуры претерпели значительные изменения. В V–III вв. до н. э. саргатское население локализовалось на узкой территории в Северном Прииртышье, Барабе, Среднем и Нижнем Приишимье, а также на севере лесостепи Притоболья, главным образом на нижней Исети, средней Туре и Нице.

Н.П. Матвеева

В конце III–II вв. до н. э. часть саргатского населения продвигается на юго-запад, в Среднее Притоболье, на среднюю Исеть и Миасс, в это время осваивается междуречье Ишима и Тобола. Во I–II вв. н. э. сарматы исчезают из Барабинской лесостепи, а во II–III вв. на большей части своего ареала культура прекращает свое существование, единичные памятники III–IV вв. локализуются в северной лесостепи и южной части лесной полосы [Могильников, 1992, с. 296].

Однако это далеко не единственная периодизация саргатских древностей.

По результатам кластерного анализа *Н.П. Матвеева*, несколько расширив хронологию, выделила в саргатской культуре три этапа: первый — конец V – начало III в. до н.э., второй — вторая половина III – I в. до н.э., третий — I–V в. н.э. В целом саргатская культура занимает временной отрезок почти в тысячу лет (с конца V в. до н.э. по начало V в. н.э.) [Матвеева, 1993, с. 155–156].

В саргатской культуре выделяют четыре локальных варианта памятников: притобольский, приишимский, прииртышский и барабинский, сконцентрированных большими массивами в долинах крупных рек: Тобола

с Исетью, Ишима, Иртыша с Омью [Матвеева, 1993, с. 157]. Судя по характеру поселений и богатству погребального инвентаря, наиболее сильные и главенствующие роды и племена саргатской культуры проживали на территории Прииртышья, откуда и мигрировали на запад, в Приишимье, и на восток — по Оми в Барабинскую лесостепь [Могильников, 1992, с. 296].

Саргатская культура известна по могильникам, городищам и неукрепленным поселениям. Наиболее полно изучены погребальные памятники. Для саргатского населения характерны сложенные из чернозема курганные насыпи округлой формы, диаметром в среднем 15–20 м при высоте 0,4–2,0 м. Курганы располагаются группами или тянущейся на некотором расстоянии вдоль обрыва берега реки или края надпойменной террасы цепочкой. Большинство курганных групп небольшие, насчитывающие всего по несколько насыпей и лишь некоторые включают несколько десятков курганов. Под насыпью в материке у большинства курганов отмечается наличие кольцевого или многоугольного ровика шириной 0,4–0,8 м и глубиной 0,2–0,5 м, который по периметру окантовывает первоначальный диаметр кургана. Исследователи предполагают, что эти ровики выполняли функцию ограды вокруг кургана, на дне некоторых канавок обнаружены следы столбов и перемычек. В насыпях курганов обычно находят кости домашних животных, преимущественно лошади, представляющие очевидно остатки тризны. В курганах I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. около уровня древнего горизонта часто встречаются угли и зола от большого погребального кострища. Под курганами находится обычно несколько погребений — одно центральное и несколько впускных. Погребальные ямы имеют прямоугольную форму со слегка закругленными углами и вертикальными стенками. Вдоль длинных стенок могил иногда располагаются ступеньки-заплечики. В северном торце некоторых ям сооружены подбои, в которых стояли сосуды [Могильников, 1972, с. 68–70]. Некоторые погребения I–III вв. н.э. имеют на дне в голове и ногах покойного поперечные канавки, являющиеся предположительно деталями для ножек погребального ложа [Матвеева, 1993, с. 155]. Костяки лежат вытянуто на спине, руки уложены параллельно телу или слегка раздвинуты [Могильников, 1972, с. 68–70]. Ориентировка погребений не была стабильной на протяжении существования культуры. В ранний период в основном господствует северная, в поздний наряду с преобладанием северной начинает встречаться западная и восточная [Могильников, 1973, с. 246].

При исследовании крупных курганов с непогребленными насыпями обнаружены остатки деревянных сооружений типа платформ из горизонтально уложенных на древнюю поверхность березовых бревен диаметром 0,2–0,3 м. Бревна настилались в 2–3 яруса вокруг центральной могильной ямы. Данные сооружения, по мнению Н.П. Матвеевой, имели вид многоугольных низких усеченных пирамид или платформ высотой 0,6–1,0 м [Матвеева, 1993, с. 135]. В целом исследователь так реконструирует погребальный обряд саргатцев. На выбранной площадке выкапывалась могильная яма и совершалось захоронение, далее справлялась тризна по умершему. Затем над погребением сооружали обширную многоугольную бревенчатую платформу, которую окружали рвом. Некоторое время сооружение было лишь деревянным.

Под бревенчатую конструкцию производились подхоронения, для этого платформу частично разбирали, выкапывали могилу, совершали захоронения и закладывали отверстие в платформе обратно. Когда усыпальница заполнялась, поверх платформы возводили земляное сооружение из пластов нарезанного на территории могильника дерна. Бревенчатую конструкцию как бы обкладывали «кирпичиками» дерна, наращивая в высоту, благодаря чему законченное сооружение имело вид многогранной призмы или усеченной пирамиды высотой 1–2 м и более [Матвеева, 1993, с. 136]. О том, что насыпи саргатских курганов выкладывались из кусочков дерна и имели ступенчатую форму, пишет и

Л.Н. Корякова
(р. 1947)

Л.Н. Корякова [Корякова, 1988, с. 47]. Инвентарь погребений состоит из керамики, орудий труда, предметов вооружения (мечи, кинжалы, наконечники стрел и копий, костяные панцири), украшений, конской упряжи. Саргатская керамика представлена весьма грубыми глиняными сосудами с примесью шамота и песка в формовочной массе. Поверхность сосудов гладкая, на некоторых видны следы заглаживания. Среди керамики курганов преобладают круглодонные горшковидные сосуды с суженным горлом, отогнутым венчиком и яйцевидным или шаровидным туловом. Большая часть сосудов украшена резным и ямочным

орнаментом, отпечатки зубчатого штампа встречаются как исключение. Излюбленной композицией является горизонтальная елочка по шейке, иногда дополняемая рядом ямок или «жемчужин» [Могильников, 1972, с. 79].

Этническая интерпретация саргатской культуры во многом затруднена обширными территориальными и хронологическими рамками бытования. С.И. Цембалюк указывает на существование трех взаимоисключающих точек зрения на этническую интерпретацию саргатских памятников: 1) о ее прамадьярской (угорской) принадлежности; 2) о полиэтничности саргатского населения; 3) о принадлежности саргатских племен к самодийцам. Первую точку зрения отстаивали К.В. Сальников, В.Ф. Генинг; вторую — К.Ф. Смирнов, А.В. Могильников, Л.Н. Корякова, Н.П. Матвеева, В.И. Матющенко; третью — В.И. Васильев [Цембалюк, 2004].

Однако данное членение кажется немного упрощенным. Историографический обзор литературы позволяет говорить о несколько иной схеме. Первую крупную группу составляют исследователи, настаивающие на моноэтничности саргатского населения, внутри данной группы существуют угорская (*К.В. Сальников, В.Ф. Генинг*), самодийская (*В.И. Васильев*) и отчасти иранская теории (*П.А. Дмитриев*). Во вторую группу входят сторонники дуэтничности саргатской культуры, в которой выделяют иранский и угорский компоненты (*Л.Н. Корякова*). Третья группа исследователей придерживается позиции полиэтничности в отношении интерпретации зауральских памятников (*Н.П. Матвеева*).

Отдельно хочется подчеркнуть три важных, на наш взгляд, обстоятельства. Во-первых, факт, признанный практически всеми

исследователями, что по археологическому материалу (погребальный обряд в совокупности с сопровождающим инвентарем) саргатская культура является сарматоидной по своему облику, т.е. полностью соответствует облику эпохи ранних кочевников. Впервые на это обратил внимание П.А. Дмитриев. Аналогичные идеи присутствуют и в работах Н.П. Матвеевой [Матвеева, 1993, с. 139–140] и В.А. Могильникова [Могильников, 1986, с. 25]. Л.Н. Корякова пишет о взаимодействии в рамках саргатской культуры угорского и иранского компонентов, при этом исследователь подчеркивает, что это взаимодействие не привело к слиянию в единый этнос, поскольку угорский компонент был многочисленнее и устойчивее, однако угры восприняли у ираноязычных кочевников «любовь к оружию и коню» [Корякова, 1988, с. 169].

Во-вторых, угорская интерпретация саргатских памятников на данный момент ставится под сомнение. Н.П. Матвеева в монографическом исследовании, посвященном саргатской культуре, пишет: «История развития саргатской культуры в Притоболье и на других территориях не позволяет рассматривать все население лесостепи в качестве единой этнической общности, тем более однозначно определять его как угорское или прамадьярское» [Матвеева, 1993, с. 161].

В-третьих, саргатская культура явно демонстрирует полиэтничный характер. В культуре саргатцев отчетливо прослеживаются сарматские, сакские, хуннские этнические субстраты, а также гороховские, ананьинские, кулайские культурные элементы [Матвеева, 1993, с. 156–162; Могильников, 1986, с. 25–28].

Могильники саргатской культуры

Могильник Калачевка

Представляет собой одиночный курган, возвышающийся на окраине поля, в 2 км к северу от д. Калачевка Саргатского района Омской области. Курган имеет овальную форму с уплощенной вершиной. Диаметр насыпи 16–18 м, высота 1,16 м. Насыпь сложена из чернозема и по цвету не отличается от погребенной почвы. Насыпь по периметру опоясана ровиком с перемычками шириной 0,5–0,7 м, глубиной в материке 0,5 м. В ровике обнаружены черепа лошади и быка. В центре кургана зафиксированы остатки большого кострища, по краям кургана отмечены следы нескольких малых очагов. Под курганом обнаружено 6 погребений, ориентированных преимущественно с запада на восток с небольшими отклонениями. Над тремя могилами зафиксированы остатки бревенчатого перекрытия. Все погребения, за исключением одного, содержали керамику. Погребения кургана датированы II–IV вв. [Могильников, 1973, с. 239–247]. В анализе использованы все шесть вскрытых погребений.

Тютринский могильник (20 погребений / 20 комплексов)

Могильник впервые описан в XVIII в. П.С. Палласом. Памятник расположен на второй надпойменной террасе левого берега р. Тобол между с. Бызово и д. Тютриной Упоровского района Тюменской области в 11 км к юго-

западу от с. Упорово. Могильник насчитывает до 12 насыпей высотой 2–3 м. Исследован в 1981–1982 гг. А.В. и Н.П. Матвеевыми. Разновременные курганы группировались в две цепочки. Насыпи курганов 1–5, расположенные вдали от края террасы, функционировали во II–III вв. н.э. Насыпи 6–10, локализованные на краю террасы, относятся к III–II вв. до н.э. В анализе использованы материалы 20 погребений могильника, датированных поздним этапом саргатской культуры (рис. 39, 40) [Матвеева, 1993, с. 50, 155].

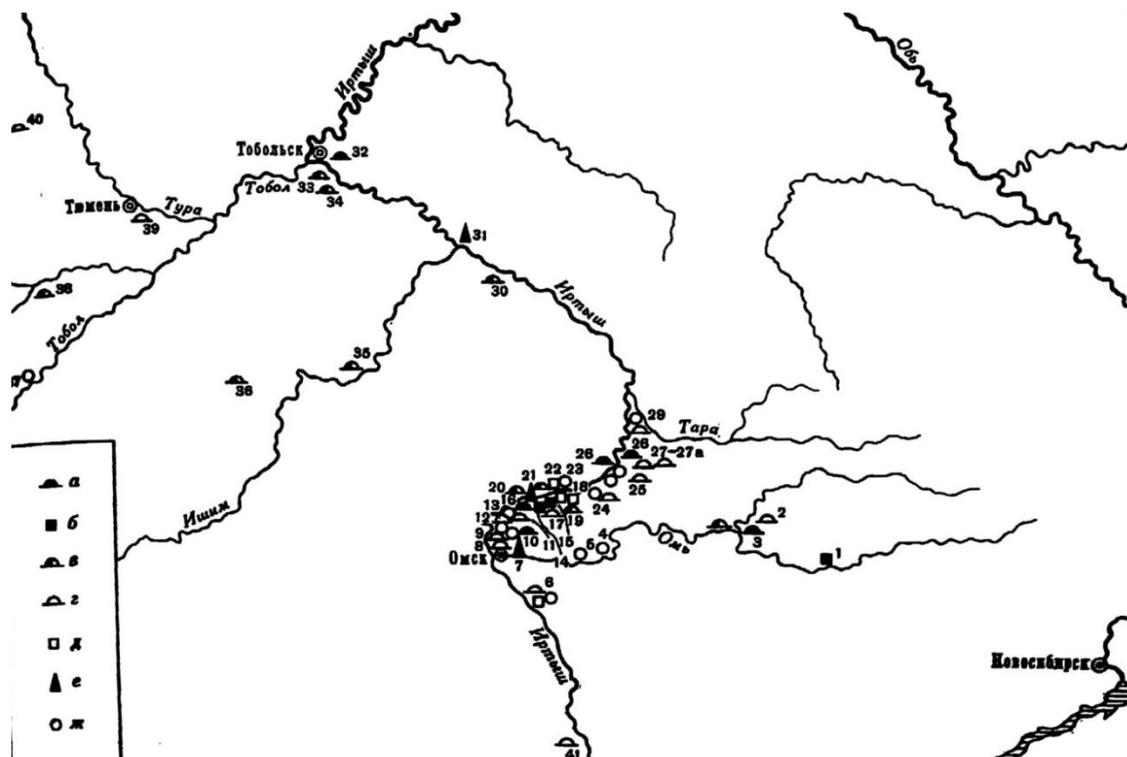

Рис. 38. Расположение саргатской культуры [Могильников, 1972, рис. 1]:

а – курганы IV–II вв. до н. э.; *б* – городища IV–II вв. до н. э.; *в* – памятники II в. до н. э. – III в. н. э.; *з* – курганы с неопределенной датировкой; *д* – городища с неопределенной датировкой; *е* – находки фрагментов керамики саргатского типа; *ж* – неукрепленные поселения.

1 – Абрамово; 2 – Мышайлы; 3 – Усть-Тартас; 4 – Вишневка; 5 – Игнатьевка; 6 – Ачаир; 7 – Сперановка; 8 – Захламино; 9 – Николаевка; 10 – Коконовка; 11 – Ново-Троицкое; 12 – Чернолучье; 13 – Малитина; 14 – Горная Бития; 15 – Горский Лог; 16 – Лежанка; 18 – Розановка; 19 – Богдановка; 20 – Калачевка; 21 – Саргатка; 22 – Кушайлы; 23 – Андреевка; 24 – Исаковка; 25 – Пустынное; 26 – Большеречье; 27–27а – Карташово, Камышино-Курское; 28 – Артын; 29 – Окунево; 30 – Кип; 31 – Ново-Никольск; 32 – Потчеваш; 33 – Савино; 34 – Тюково; 35 – Абатское; 36 – Фоминцево; 37 – Речкино; 38 – Бакланское; 39 – Мыс; 40 – Макушино; 41 – Иртышское

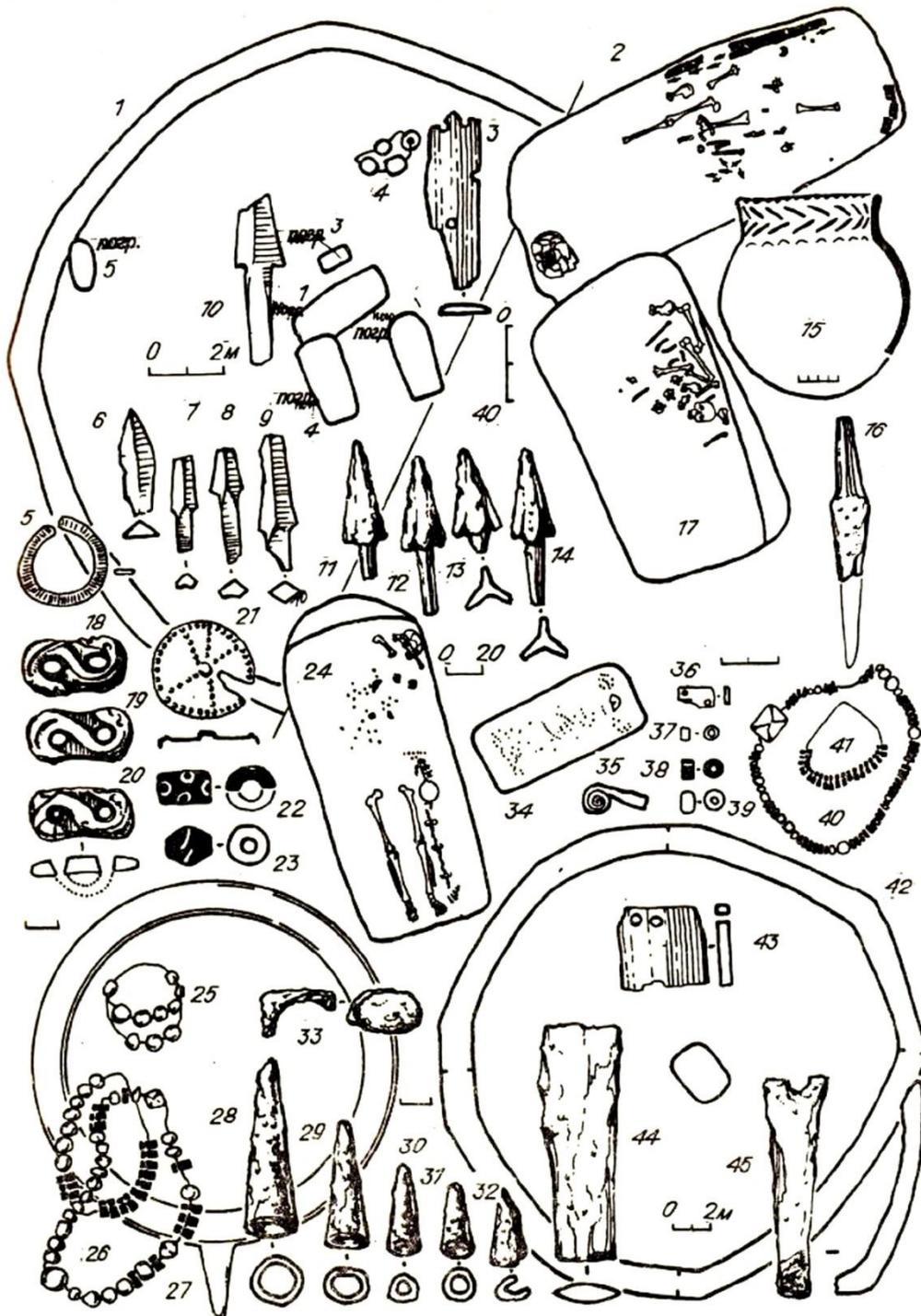

Рис. 39. Тютринский могильник. План курганов 8, 9 и инвентарь [Матвеева, 1993, рис. 29]:

1, 3, 6-9, 13 – кость; 4, 22, 23, 25, 37-40, 41 – стекло; 5, 18-21, 27, 35, 36 – бронза; 10-16, 28-33, 43, 44 – железо; 15 – глина; 26 – стекло, гагат

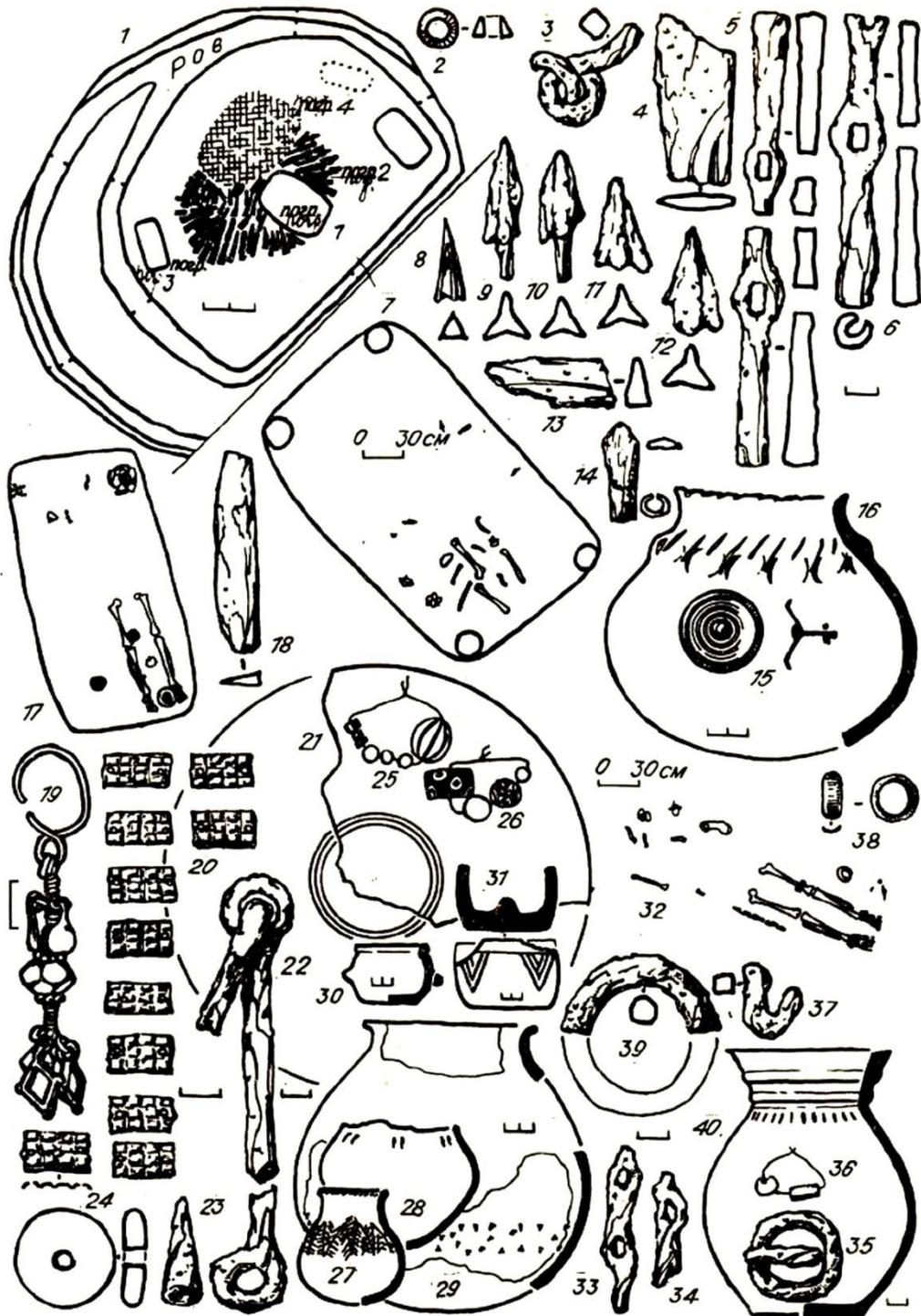

Рис. 40. Тютринский могильник. План кургана 10 и инвентарь

[Матвеева, 1993, рис. 29]:

2 – кость; 8, 15, 21, 38 – бронза; 16, 24, 27–31, 40 – глина; 19 – золото, сердолик, стекло;
20 – золото; 25, 26 – стекло, гагат, египетский фаянс; 36 – стекло, стекло с позолотой

Вопросы:

1. Каковы особенности курганных конструкций саргатской культуры?
2. Опишите характерные черты саргатской керамики.
3. Заполните таблицу:

Автор концепции	Этническая интерпретация памятников саргатской культуры и используемая аргументация

4. В чем заключается «сарматоидный облик» саргатской культуры?

Рекомендуемая литература:

Корякова Л.Н. Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). — Свердловск, 1988. — 239 с.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. — Новосибирск: Наука, 1993. — 175 с.

Могильников В.А. К вопросу о саргатской культуре // Проблемы археологии и древней истории угров. — М.: Наука, 1972. — С. 66–86.

Могильников В.А. Калачевка – памятник позднего этапа саргатской культуры // Проблемы археологии Урала и Сибири. — М.: Наука, 1973. — С. 239–247.

Могильников В.А. Взаимоотношение кулайской и саргатской культур // Краткие сообщения Института археологии. — 1986. — Вып. 186. — С. 25–29.

Могильников В.А. Саргатская культура // Археология СССР: Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. — М.: Наука, 1992. — С. 292–311.

Цембалюк С.И. К вопросу об этнической интерпретации саргатской культуры [Электронный ресурс] // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. — 2004. — Вып. 5. — URL: <http://bva.wmsite.ru/problemy-vzaimodejstviya/vypusk5/cembaljuk> (дата обращения: 05.10.2018).

Погребальные комплексы «саргатского» культурного кластера характеризуются курганными насыпями, северо-северо-западной ориентировкой костяков, наличием в погребении углей или следов огня, костей животных и удил. Сюжеты участия саргатского (угорского) населения в этногенезе пермских народов получили в историографии название «угорская проблема».

«Угорская проблема» — так в археологии Прикамья принято называть давний спор исследователей, суть которого сводится к решению вопроса о присутствии в археологических культурах Приуралья угорского (зауральского) культурного компонента. Данный спор имеет обширную историографию (см. работы А.М. Белавина (2003, 2007, 2009), Н.Б. Крыласовой (2007, 2012), В.А. Иванова (1999, 2007), А.Ф. Мельничука [Мельничук и др., 2009], В.В. Напольских (2007) и др.).

В начале 2000-х гг. пермский исследователь И.В. Бочаров уверенно говорил об угорской миграции в Прикамье в конце IV–V вв. В диссертационном исследовании последнего можем прочесть: «Этногенетическим фактом является приход в IV–V вв. значительных по численности, возможно, разноэтничных групп населения с курганным обрядом погребения. По мнению большинства исследователей, это пришлое население связано с саргатской археологической культурой лесостепной части Западной Сибири. Событие это, при всей значительности его для лесного захолустья Верхнего Прикамья, было всего лишь маленьким следствием, затухающей волной Великого переселения народов на всем пространстве тогдашней Ойкумены. Ясно, что пришельцы не по своей воле забрались в лесную зону, хотя и старались, видимо, по мере сил удержаться в границах более привычной им лесостепи (языки Кунгурской лесостепи)... Можно предположить, что на территории Верхнего Прикамья пришедшие в IV–V в. угорские племена встретили своих, пусть и очень отдаленных «родичей». Неизбежно обнаружившиеся совпадения, сходства в языке, в стереотипах поведения, в образе жизни при всех неизбежных культурно-хозяйственных и, вероятно, религиозных различиях, должны были вызвать подсознательную симпатию, «комплиментарность» по Л.Н. Гумилеву. Как бы то ни было, местные и пришлые племена не стали вести войну на уничтожение, а избрали другой путь, путь компромиссов, путь диалога культур, путь взаимообогащения, путь симбиоза. К VII в. процесс складывания симбиотического двухкомпонентного этнического образования из отдельных разноэтничных групп населения Верхнего Прикамья можно считать завершенным» [Бочаров, 2000, с. 118–120]. Далее, проведя статистический анализ погребального обряда поздней ломоватовской и ранней родановской археологических культур (VII–XIV вв.), исследователь делает крайне важный вывод о том, что «средневековое население Верхнего Прикамья представляло из себя двухкомпонентный этнос, причем соотношение составляющих его частей — угорской и финно-пермской менялось с течением времени» [Бочаров, 2000, с. 114].

Мы не можем во всем согласиться с И.В. Бочаровым. Наши исследования не позволяют говорить о взаимосвязи «харинского» и «саргатского» культурного кластеров.

Материалы Митинского могильника, три погребения которого могут быть определены как «саргатские» (погребения 6, 30 и 32), не являются достаточным основанием. Да, в них действительно присутствуют признаки, характерные для «саргатского» кластера: в погребениях 30 и 32 найдены остатки обожженных костей животных [Генинг, 1957, с. 13], в погребении 6 находился раздавленный сосуд, украшенный по венчику насечками, зубчатым штампом и ямочными

вдавнениями [Генинг, 1957, с. 5]. Однако все эти три погребения являются детскими, а потому не могут рассматриваться как маркирующие, а следовательно, свидетельствовать о наличии культурных контактов между населением Верхней Камы и носителями саргатской культуры.

Единственное, с чем мы готовы согласиться, так это с незначительным процентом присутствия «саргатских» комплексов в материалах Бродовского и Старо-Муштинского могильников — 1,7 и 2,9 % от общего числа погребений соответственно. О влиянии на генезис Бродовского некрополя элементов саргатской культуры неоднократно писала Р.Д. Голдина, например [Голдина, 2004, с. 268; Голдина, 2003, с. 58]. К элементам саргатской погребальной обрядности на Бродовском и других могильниках «харинского» кластера условно можно отнести наличие в погребениях костей жертвенных животных и следов огня. Таким образом, если саргатское влияние и существовало, то оно было весьма и весьма незначительным.

Более значительную связь «саргатский» культурный кластер демонстрирует с «позднесарматской» культурной традицией. Со стороны «позних сармат» ее установили памятники турбаслинской культуры, а со стороны «саргат» — могильники Калачевка и Тютринский. В целом стоит согласиться с мнением о полиэтничности саргатской культуры, высказанным ведущими исследователями древностей Западной Сибири Л.Н. Коряковой и Н.П. Матвеевой. О том, что саргатские племена включали в себя определенный сарматский компонент, писал и П.А. Дмитриев, который вообще причислял саргатские племена к одной из сарматских групп.

Таким образом, если признавать факт присутствия угорских элементов в раннесредневековой культуре пермских народов, то нужно говорить, во-первых, о незначительности этого присутствия, а во-вторых, об опосредованности влияния. Медиатором трансляции угорских культурных элементов в пермскую среду могло быть население, оставившее памятники турбаслинской культуры.

Глава 5. Именьковский культурный кластер — «славянский» этнокультурный компонент на территории Прикамья

Первые сведения о памятниках, которые впоследствии будут отнесены к именьковской археологической культуре, получены в 30-е гг. XIX в. В это время профессор Казанского университета *Ф.Х. Эрдман*, совершая поездку по р. Каме, отметил наличие у с. Именьково (Лаишевский район Республики Татарстан) высокого кургана, как затем оказалось, этим «курганом» был вал Именьковского I городища. В последующий период, благодаря усилиям целой плеяды археологов (*Н.А. Толмачев*, *А.И. Якоби*, *П.И. Кротов*, *П.А. Пономарев*, *А.А. Спицын*, *В.Ф. Смолин*, *Н.Ф. Калинин* и др.), шло постепенное накопление фактологического материала [Старостин, 1967, с. 5–6]. На основании собранных данных в 1959 г. *В.Ф. Генинг* выделил в Среднем Поволжье и низовьях р. Камы отдельную археологическую культуру, назвав ее, согласно традиции, по первому широко исследованному памятнику — именьковской (рис. 41) [Генинг, 1959, с. 208].

Население именьковской культуры занимало территорию от низовий р. Белой на востоке до среднего течения р. Суры на западе, от устья р. Камы на севере до Самарской Луки на юге. Время существования памятников именьковской культуры было определено как IV–VII вв. [Кляшторный, Старостин, 2002, с. 211].

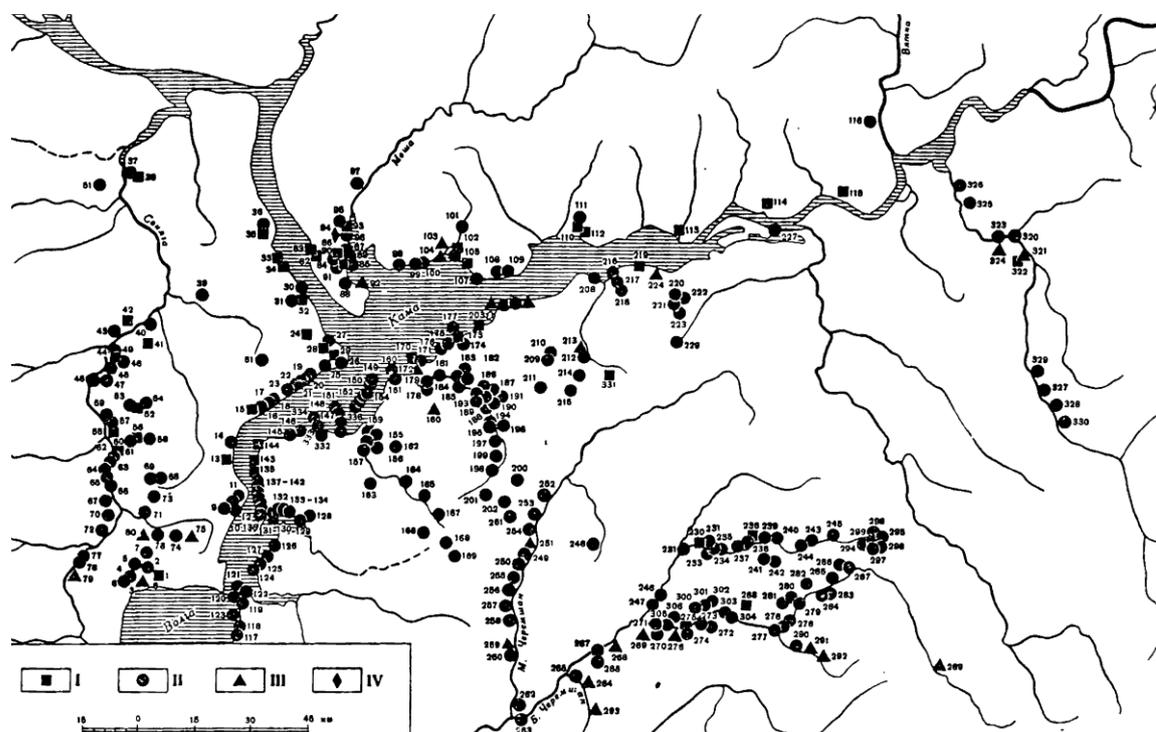

Рис. 41. Расположение памятников именьковской культуры

[Старостин, 1967, табл. 1]:

I – городища, II – селища, III – местонахождения, IV – могильники

Осваивая районы Прикамья, часть именьковского населения продвинулась в бассейн р. Белой, вплотную к территориям мазунинских племен, эта группа памятников (рис. 42) объединена в так называемый «романовский тип» (по д. Романовка близ г. Уфы, где впервые были обнаружены сосуды именьковского типа) [Иванов, 1997, с. 76]. Кроме того, именьковцы активно контактировали с азелинским и турбаслинским населением [Кляшторный, Старостин, 2002, с. 214].

Археологическую специфику именьковской культуры В.Ф. Генинг обозначил следующим образом: 1) плоскодонные горшковидные сосуды, изготовленные из глины с примесью шамота, реже песка, распадающиеся на две крупные типологические группы: с неровной бугристой поверхностью и с тщательно заглаженной, лощеной [Матвеева, 1981, с. 62]; 2) погребальный обряд характеризуется остатками трупосожжения, размещенными на дне небольших ям, в которые часто помещались сосуды, вещей в таких ямах крайне мало; 3) жилища в виде прямоугольных или подквадратных в плане полуземлянок площадью 20–50 кв. м, с центральным столбом, поддерживающим четырехскатную крышу, и без центрального столба; 4) среди вещей — глиняные фигурки людей и животных [Генинг, 1972, с. 278–279].

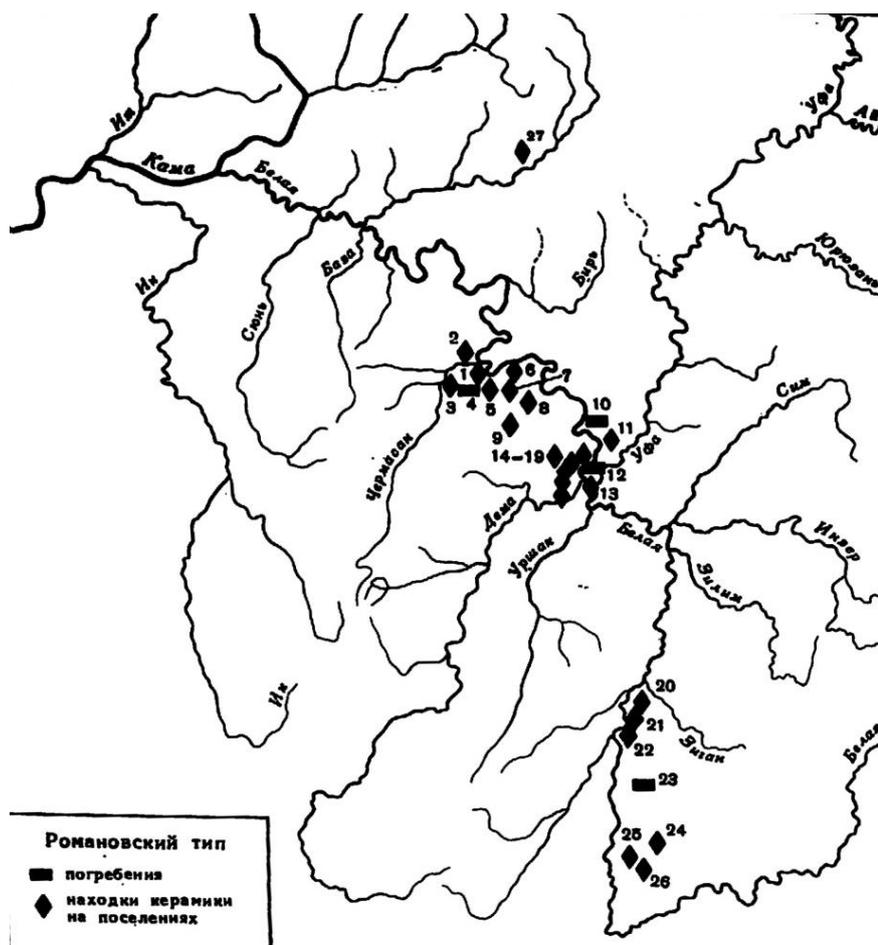

Рис. 42. Карта распространения находок романовского типа [Генинг, 1972, рис. 16].

Таким образом, видно, что культура именьковских племен значительно отличалась от культуры местных жителей Прикамья и Приуралья. Наибольший интерес представляет, конечно, практикуемый именьковцами обряд кремации покойников. Как отмечает *П.Н. Старостин*, в предшествующее время трупосожжение в районах Среднего Поволжья и Прикамья встречалось лишь в единичных случаях (это погребения на костяках Усть-Туйское, Гаревское, Панкрашинское [Бадер, Оборин, 1958, с. 151]), а в середине I тыс. н.э. становится более распространенным. Исследователь объясняет это явление не только результатом миграций новых этнических групп, но и экономическими изменениями, происходящими внутри местных племенных сообществ. Вероятно, в это время по причине повсеместного распространения подсечно-огневой системы земледелия повышается роль огня в хозяйственной жизни населения. Эти изменения не могли не отразиться и на идеологических представлениях древних жителей Прикамья и Приуралья [Старостин, 1967, с. 16].

В.Ф. Генинг реконструирует не типичный для Прикамья именьковский погребальный обряд. «Сожжение трупа производилось где-то на стороне. По всей вероятности, труп умершего укладывался на большую поленницу дров... Умерший укладывался одетым вместе с украшениями костюма. Сюда же укладывались и некоторые бытовые хозяйственные вещи, которые должны были сопровождать умершего. После совершения каких-то определенных обрядов и тризны, поленница зажигалась и труп сгорал. В погребальном костре большинство вещей теряло свою форму и превращалось в бесформенные кусочки... Рядом с погребальным костром устанавливались глиняные сосуды, которые должны были сопровождать умершего. По всей вероятности, в них находились остатки пищи, которую ели при погребальной тризне... После того как костер догорал, из него выгребались пережженные кости, которые тщательно отделялись от углей... кости еще специально измельчались... Выбранные из костра пережженные кости и сосуды, стоявшие у погребального костра, переносились на могильник. Могильные ямы рылись очень небольшого размера, ... кости сгребались в яму. В могилу же ставили сосуды. Для крупных сосудов на дне выкапывалось небольшое дополнительное углубление... Сверху могильные ямы имели какие-то перекрытия... Над могилой сооружался небольшой холмик и, возможно, делались еще какие-то дополнительные отметки» [Генинг, Стоянов, 1962, с. 40–42].

Относительно этнокультурной интерпретации памятников именьковской культуры существовало множество точек зрения. Именьковскую культуру связывали с потомками городецкой культуры (*Н.Ф. Калинин, А.П. Смирнов*), тюркскими племенами Сибири (*В.Ф. Генинг, А.Х. Халиков*), буртасами (*В.Ф. Генинг*), сарматами (*Е.П. Казаков*), уграми-мадьярами (*П.Д. Степанов*), балто-язычными племенами (*А.Х. Халиков*), славянами (*Г.И. Матвеева*) [Матвеева, 1981, с. 54; Кляшторный, Старостин, 2002, с. 215; Казаков, 1999, с. 28].

На данный момент версия, о наличии генетической связи между носителями именьковской культуры с праславянскими племенами, высказанная

Г.И. Матвеевой, считается наиболее аргументированной. Близость именьковской культуры к славянам прослеживается не только по археологическим материалам [Матвеева, 1981, с. 58–71], но и по выводам лингвистов [Кляшторный, Старостин, 2002, с. 216]. В.В. Напольских выявил в пермских языках ряд славянских заимствований первой половины и середины I тыс. н.э., связанных с земледелием. Эти данные позволили исследователю утверждать, что в указанное время на территории Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья проживало население, говорившее на диалекте праславянского типа [Матвеева, 2009, с. 98].

Могильники именьковской культуры

Рождественский II могильник

Долгое время (до открытия Богородицкого — 1979 г. — и II Маклашеевского — 1980 г. — некрополей) Рождественский II могильник, расположенный в 0,5 км к северу от с. Рождествено Лаишевского района республики Татарстан на правом берегу р. Мёши, являлся единственным погребальным памятником именьковской культуры. Могильник относился к рождественской группе памятников, включающей одно городище и два селища [Старостин, 1967, с. 10,15].

Памятник открыт в 1948 г. разведывательной группой археологической экспедиции Казанского филиала Академии наук под руководством Н.Ф. Калинина, тогда и было вскрыто первых четыре погребения [Генинг, Стоянов, 1962, с. 26].

Площадка могильника расположена непосредственно близ границ распространения культурного слоя селища. На сравнительно ровной поверхности террасы находится небольшое возвышение в виде гряды, вытянутой с запада на восток. В восточной стороне это возвышение выходит к береговому обрыву, где в отдельных местах можно заметить слабые углубления, содержащие у дна скопления мелких пережженных костей. Площадка могильника неоднократно распахивалась, на пашне изредка встречаются обломки болгарской и грубой керамики, болгарская керамика относится к остаткам селища [Генинг, 1960, с. 133].

Раскопки на памятнике были произведены в 1956–1958 гг. под руководством В.Ф. Генинга. В ходе работ удалось вскрыть 123 погребения [Генинг, Стоянов, 1962, с. 26], в анализе использованы материалы 121 погребения, пригодные для статистической обработки.

Захоронения на памятнике совершены в небольших по размеру ямах, длина которых 60–80 см, ширина — 40–60 см, глубина более чем у половины — 40–60 см, глубины более 80 см встречаются крайне редко. В ориентировке ям не прослеживается четкой закономерности, однако большинство из них вытянуто по оси север – юг или северо-восток – юго-запад. Жженые кости в погребениях рассыпаны по дну, либо сложены кучками у центра или одной из стенок ям. Наиболее характерными предметами в погребениях являются сосуды.

Их обнаруживают почти в половине могил, чаще всего по одному, два в каждой (рис. 45). Кроме сосудов самой частой находкой являются стеклянные бусы, обломки медных предметов, пряслица [Генинг, Стоянов, 1962, с. 38–40].

Время захоронений на могильнике по застежке сьюльгаме азелинского типа, пряжке с вращающимся кольцом и колесовидной подвеске определено в пределах IV–VI вв. [Генинг, Стоянов, 1962, с. 50].

Богородицкий могильник

Памятник был открыт и начал изучаться в 1979 г. Могильник расположен в 0,4 км от бывшей д. Богородицкое Лаишевского района Республики Татарстан, в 3,5 км к юго-западу от современного с. Именьково, на краю надлуговой террасы правого берега р. Камы, на 1 км ниже устья ее левого притока р. Брыски. Поверхность могильника ровная, издавна используется под посевы. Нижняя часть могильника интенсивно разрушается водами Куйбышевского водохранилища.

В ходе работ 1979 г. на памятнике изучено 17 погребений, все они учтены в анализе.

Могильные ямы имели средние размеры: длина — 80 см, ширина — 60 см, глубина — 60 см. Погребения ориентированы в основном по линиям север – юг и северо-запад – юго-восток (рис. 43). Во всех ямах обнаружены мелкие остатки пережженных костей, которые были либо рассыпаны по дну, либо собраны в кучку. Вместе с пережженными костями в могилах зафиксированы стеклянные спекшиеся бусы, фрагменты бронзовых накладок, застежек, пряжек (рис. 44). Следов кострищ на могильнике не обнаружено, что заставляет думать, что сожжение тел производилось где-то на стороне. Вместе с украшениями во многих погребениях найдены обломки лепных сосудов, изготовленных из глины с примесью крупнозернистого шамота и песка.

Датировка памятника произведена в пределах VI–VII вв. на основании обломков сьюльгамы с выступающими краями, бронзовой цилиндрической пронизки с утолщенными концами, серьги в виде колечка с заостренными концами и т.д. [Старостин, 1983, с. 193–203].

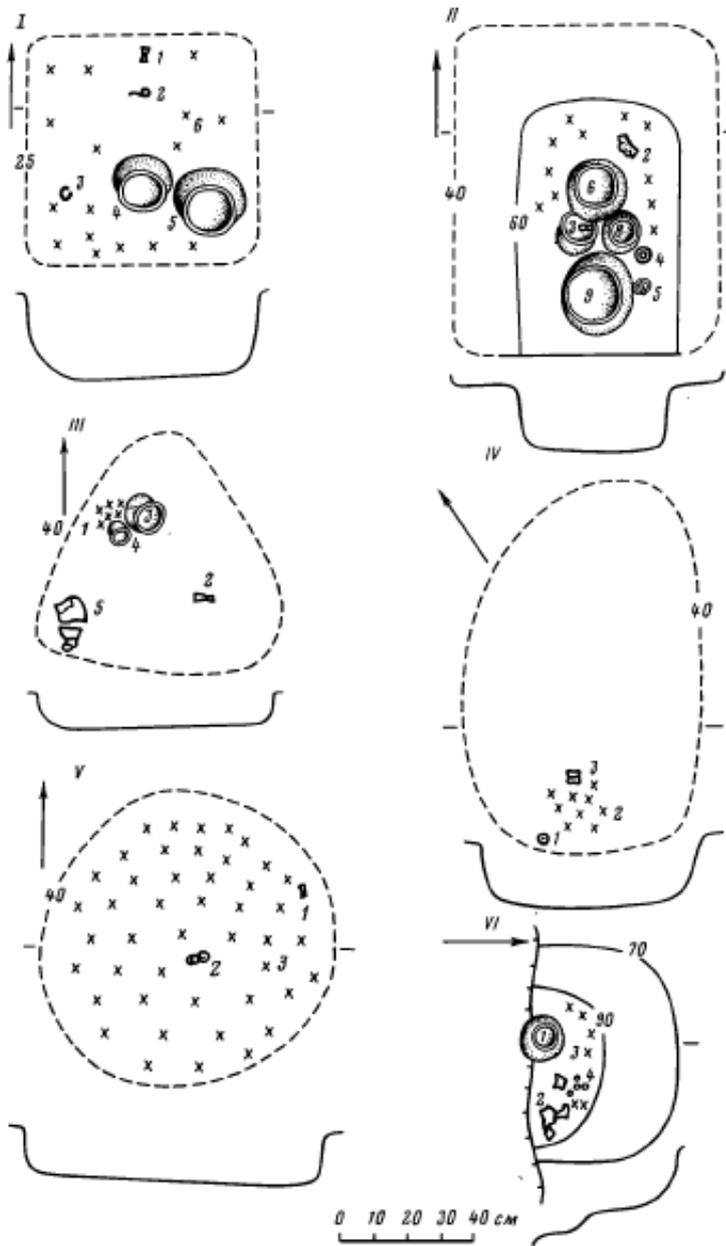

Рис. 43. Планы погребений Богородицкого могильника [Старостин, 1983, рис. 4]

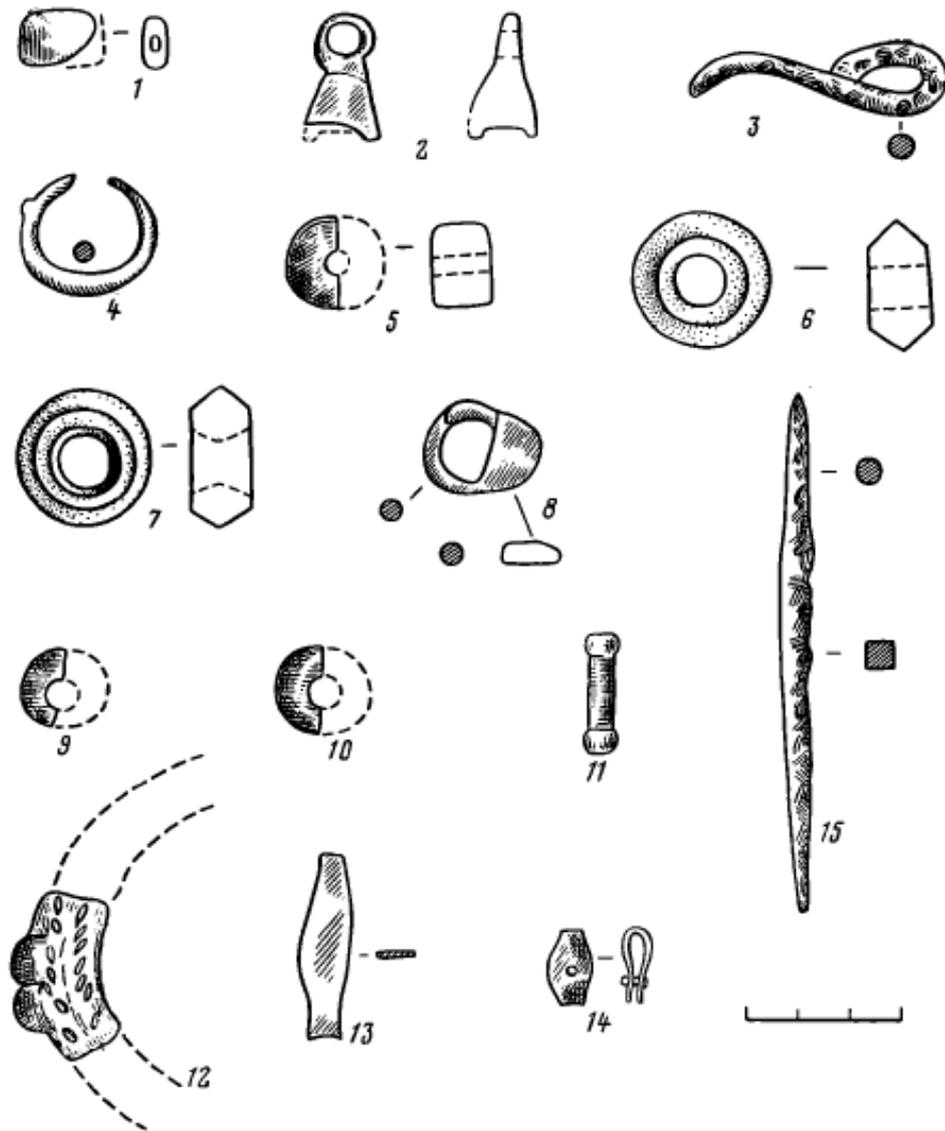

Рис. 44. Находки из погребений Богородицкого могильника
[Старостин, 1983, рис. 4]:

1, 5, 9, 10 – стекло; 2, 4, 8, 11–14 – бронза, 6, 7 – глина, 3, 15 – железо

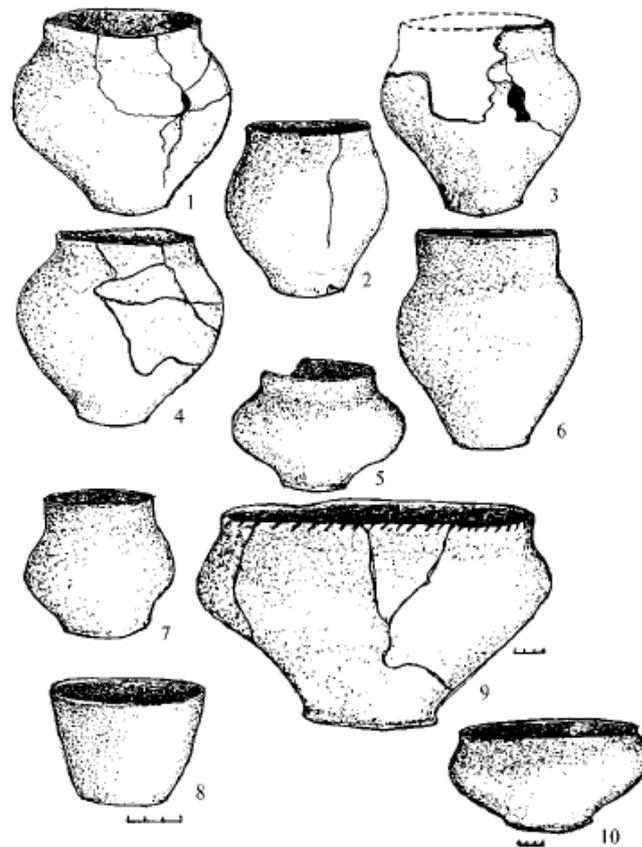

Рис. 45. Именьковские сосуды [Кляшторный, Старостин, 2002, рис. 3]:
1–7 – с Рождественского II могильника, 8 – с Щербетьского островного селища, 9 – с
Маклашеевского II городища, 10 – с Именьковского I городища

Вопросы:

1. Чем отличается погребальный обряд именьковских племен от местного населения Прикамья и Приуралья?
2. Какие памятники именьковской культуры отнесены к «романовскому типу»?
3. Какие аргументы приводят исследователи, обосновывая связь именьковской культуры с праславянскими племенами?

Рекомендуемая литература:

Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. — Пермь, 1958. — 244 с.

Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. — 1959. — № 2. — С. 182–219.

Генинг В.Ф. Селище и могильник с обрядом трупосожжения доболгарского времени у села Рождествено в Татарии // Материалы и исследования по археологии СССР. — 1960. — Т.3, № 80. — С.131–144.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблемы этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. — М.: Наука, 1972. — С. 221–295.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е. Археологические памятники у села Рождествено. — Казань, 1962. — 128 с.

Иванов В.А. Южный Урал в эпоху Великого переселения народов // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х гг. XIX в. — Уфа: Китап, 1997. — С. 71–78.

Казаков Е.П. Новые археологические материалы к проблеме ранней тюркизации Урало-Поволжья // Татарская археология. — 1999. — № 1–2 (4–5). — С. 23–38.

Старостин П.Н., Кляшторный С.Г. Праславянские племена в Поволжье // История татар с древнейших времен. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. — Казань: Рухият, 2002. — С. 210–217.

Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. — Куйбышев, 1981. — С. 52–73.

Матвеева Г.И. Именьковская культура: некоторые итоги и перспективы исследования // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко-культурного наследия Евразии. — Ижевск: Изд-во УдГУ, 2009. — С. 94–103.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // Археология СССР свод археологических источников Д 1-32. — М.: Наука, 1967. — 150 с.

Старостин П.Н. Богородицкий могильник // Советская археология. — 1983. — № 1. — С. 193–203.

Захоронения «именьковского» культурного кластера выделяются кремацией в неглубоких ямах малой величины, ориентированных в направлении север – северо-восток.

В качестве примера «эталонного комплекса» «именьковского» культурного кластера можно привести погребение № 70 Рождественского II могильника. В.Ф. Генинг и В.Е. Стоянов давали этому комплексу такое описание: «Погребение 70. (уч. З/30) в четырехугольной яме размером 70×60 см и глубиной 60 см, ориентированной по линии С–С–В. Дно овальное. На дне небольшое количество жженных костей» [Генинг, Стоянов, 1962, с. 32].

Стоит отметить, что пришлые именьковские племена не смогли повлиять на мировоззрение местного населения, обряд кремации в неглубоких ямах так и не был воспринят пермским населением. Однако огромное влияние именьковцы оказали на хозяйственную культуру местных племен, есть основания полагать, что именно благодаря именьковцам на территории Прикамья могло распространиться пашенное земледелие [Иванов, 1997, с. 76–77].

Заключение

На рассматриваемой территории к началу Великого переселения народов обитало местное население, потомки пьяноборской культурной общности (к ним мы относим, прежде всего, позднегладеновские, азелинские, мазунинские, бахмутинские комплексы). То, что памятники мазунинской и бахмутинской культуры оставлены местным пермским населением, культура которого восходит к пьяноборским и ананьинским традициям, убедительно доказали В.А. Иванов и О.Р. Стаматина, проведя сравнительно-типологический анализ погребального обряда могильников указанных культур [Иванов, 1999, с. 24–27; Стаматина, 2004, с. 100–101]. Р.Д. Голдина, основываясь на многочисленных новых материалах, также признает генетическую связь чегандинского (пьяноборского) и мазунинского населения, рассматривая последнюю как позднюю стадию чегандинской культуры [Голдина, 2004, с. 219].

Лингвист С.К. Белых, опираясь на метод лингвистической палеонтологии, приходит к выводу о том, что территории мазунинской, азелинской, бахмутинской культур несколько выпадают из ареала прапермской прародины. Носители указанных традиций могут быть отнесены к так называемым парапермянам. Под последними понимается пермская по языку группировка, которая, рано отделившись в культурном и языковом отношении от непосредственных исторических предков коми-пермяков, коми-зырян и удмуртов (эндопермян), не оставила прямых языковых потомков [Белых, 2009, с. 70].

В конце IV–V вв. вследствие изменения политической обстановки на юге (конфликт гуннов и аланов) на территорию Южного Урала начинают проникать иноэтничные группы позднесарматских племен. Однако переселенцам, по-видимому, не удалось кардинальным образом повлиять на развитие местных культур Среднего Прикамья (азелинской, мазунинской, бахмутинской), вскоре пришлые племена растворяются в местной пермской среде. Нами не фиксируется какое-либо серьезное влияние турбаслинской, позднесарматской и именьковской культур на развитие местных традиций мазунинских и бахмутинских племен, о подобном характере взаимодействия мигрантов и автохтонов говорит и В.А. Иванов [Иванов, 1999, с. 37]. Практически все памятники постпьяноборской и смежной с ней азелинской группы продемонстрируют однокомпонентность материальной культуры. Немногочисленными материальными свидетельствами контактов местного среднекамского населения и пришлых позднесарматских групп являются Тураевский и Старо-Муштинский могильники.

Оставив в Южной Башкирии яркие салиховские и турбаслинские комплексы, племена позднесарматского мира продолжили движение на север, на территорию Верхнего Прикамья. Там на менее заселенных территориях ситуация сложилась иначе: позднесарматская традиция дала более богатые всходы в виде яркой харинской традиции, представленной курганными некрополями.

Механизм возникновения харинских курганов реконструируется следующим образом. В его основе лежит позднесарматская культурная традиция, влияющая на местную Верхнекамскую традицию при участии культур-медиаторов. Посредниками трансмиссии доминирующей позднесарматской традиции являются памятники «салиховского» типа (и, возможно, поздние турбаслинские комплексы), которые сохранили в себе основные позднесарматские элементы, но при этом обрели и некое своеобразие. Переработанная ими позднесарматская традиция станет первым кирпичиком в культуре харинского населения. Саргатские элементы в Верхнее Прикамье транслируются также через испытывающий сильное позднесарматское влияние турбаслинский канал. Здесь мы, по сути, озвучиваем теорию, предложенную В.А. Могильниковым, согласно которой контакты Прикамских и саргатских племен были не прямые, а опосредованные, посредником же в данном случае называются именно племена турбаслинской культуры [Могильников, 1969, с. 64–65].

Самым хронологически ранним реципиентом новых культурных потоков в Прикамье стало население, оставившее Старо-Муштинский и Бродовский могильники.

Материал Старой-Мушты представляет собой яркую иллюстрацию взаимоотношений пришлых и местных групп населения. Материал памятника позволил антропологу Р.М. Юсупову утверждать, что погребенные являются потомками местных приуральских сарматских племен конца I тыс. до н.э., в силу исторических причин осевших в среде более северного лесного населения. Особого внимания заслуживает находка на могильнике черепа со следами искусственной деформации, что является пусть и не однозначным, но достаточно красноречивым аргументом в пользу сарматского происхождения рассматриваемых материалов [Сунгатов, Гарустович, Юсупов, 2004, с. 81]. Кроме того, во всех указанных памятниках обнаружены находки так называемых калачиковидных височных подвесок, которые, по мнению исследователей, наряду с дольными ножами, ножнами, скрепленными медными пластинами с рядом полукруглых головок штифтов вдоль одной стороны, коробочными наконечниками ремней, янтарными красными крупными бусами являются маркирующими вещами харинского культурного типа. Самые ранние из калачиковидных подвесок происходят из материалов позднесарматского Салиховского могильника (V в.), затем ареал их распространения сдвигается к северу, верхнекамские аналоги датируются периодом не ранее VI–VII вв. [Мингалев, 2006, с. 52–53].

Памятники «харинского типа» Верхнего Прикамья продемонстрировали сопряжение с «позднесарматским» кластером. Общими для данной группы памятников стали такие признаки, как подкурганное захоронение, узкие могильные ямы, ориентировка погребенных в северный сектор, остатки деревянных внутримогильных сооружений, находки костей животных в могилах, наличие деформированных черепов.

О мощном южном импульсе, повлиявшем на материальную культуру Прикамья V–VII вв., говорят В.А. Иванов и Н.Б. Крыласова. Исследователи

обратили внимание на то, что ряд элементов костюма прикамского населения раннего средневековья имеет прямые аналогии с материалами Северного Причерноморья, Пантикапея и керченских склепов. В частности, речь идет о харинских бронзовых трехсоставных пряжках; наконечниках ремней в форме прямоугольных коробочек с утолщением на конце, украшенных каменными вставками, зернью и сканью из золота; подвесках-лунницах (калачиковидные подвески); сердоликовых бусах; геральдической поясной гарнитуре [Иванов, Крыласова, 2006, с. 116–119].

О движении групп военизированного населения, находящегося под сильным сарматским влиянием, говорят А.Ф. Мельничук и М.Л. Перескоков. Переселение осуществлялось по водораздельным пространствам южных лесостепных районов Пермского Прикамья с территории Башкирии, в качестве аргументации приводятся материалы расположенного в среднем течении р. Тулвы могильника Кудашево, коллекция которого имеет явные сарматские черты, особенно в предметах вооружения (двулезвийные мечи с округлыми навершиями из кахолонга) [Мельничук, Перескоков, 2005, с. 145].

Идеи о сарматской миграции в Прикамье имеются и в работах И.Ю. Пастушенко и В.А. Бернц. Исследователи обращают внимание на появление в достаточно узкий отрезок времени (IV–V вв.) на территории Нижнего Прикамья большого количества халцедоновых дисков и крупных халцедоновых бус в сочетании с мечами и портупеями. Данное явление ижевские исследователи трактуют в пользу единовременной миграции поздних сарматских племен с территории Боспора, Нижнего Поволжья и Нижнего Подонья, где изделия из халцедона имеют достаточно широкое распространение [Пастушенко, Бернц, 2008, с. 14, 16–17].

Видимо, мигрирующие группы носителей позднесарматской традиции постепенно начинают ассимилироваться к автохтонному населению и вскоре вынуждены будут перейти к оседлости и отказаться от практики курганных захоронений. Косвенным подтверждением этого является распространение в курганных некрополях обряда обезвреживания погребенных (разрушение костяка). В.С. Флеров отмечает, «если мы имеем дело с недавними кочевниками, ранее практиковавшими подкурганный обряд погребения, то с оседанием они переходят к бескурганным, так называемым грунтовым могильникам, с которыми связано широкое распространение обряда обезвреживания погребенных... Теперь умершие всегда находились рядом с живыми и могли «посещать» их постоянно... Вот эта постоянная угроза и заставила, вероятно, применять разнообразные, в конечном итоге превентивные, меры против погребенных» [Флеров, 2000, с. 18–19]. Обряды обезвреживания В.С. Флеров фиксирует на Салиховском, Новотурбаслинском, Бирском могильниках [Флеров, 2007, с. 186].

Хотелось подчеркнуть, что гипотеза А.П. Смирнова о сарматском проникновении в регион полностью согласуется с общеисторической ситуацией в регионе (миграцией гуннов в конце IV в. и вытеснением сармато-аланских племен с занимаемых ими территорий в лесные и лесостепные районы). Археологическим подтверждением данной гипотезы является тот факт, что

среди сармато-аланских древностей Нижнего Поволжья и Подонья до сих пор не удается выделить погребальные комплексы, которые можно было бы твердо датировать второй половиной IV в. [Засецкая, 1994, с. 142], в то время как в лесостепных районах Прикамья такие комплексы вдруг неожиданно появляются (например, Салиховский и Ахмеровский II могильники). Об изменении политической ситуации в степях в середине III в. н.э. говорят В.Ю. алашев и Л.Т. Яблонский. Исследователи подчеркивают, что разгром донской группы кочевников и разрушение Танаиса мигрантами с Центрального Кавказа заставил позднесарматское население Южного Урала активизировать свои контакты с ремесленными центрами лесостепи и леса Предуралья, Урала и Зауралья [Малашев, Яблонский, 2008, с. 72].

С сарматской миграцией согласуются и данные лингвистики. В.В. Напольских в отношении контактов местного пермского населения с носителями иранских языков однозначно пишет: «Контакты финно-угорского населения лесной зоны Евразии с лесостепным и степным населением, говорившим на арийских (иранских) языках, были, скорее всего, непрерывными с прафинно-угорского времени вплоть до смены этого населения в степях тюрками» [Напольских, 2002, с. 197].

Харинские памятники продемонстрировали высокую взаимосвязь с позднесарматскими, салиховскими и турбаслинскими могильниками Южной Башкирии. Таким образом, появление курганных некрополей на территории Приуралья напрямую можно связывать с миграцией поздних сарматских племен, вызванной изменением политической ситуации в степях в середине III в. н.э., о которой пишет Аммиан Марцеллин в своей «Римской истории»: «И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе» [Амиан Марцеллин, 1996, с. 494]. Следы проникновения сарматской культурной традиции в среду местных приуральских народов фиксируются по фактам обнаружения на ряде памятников (Броды, Митино, Верх-Сая, Бирский могильники) черепов со следами искусственной деформации. При этом традиция искусственной деформации зафиксирована как для мужчин, так и для женщин. Исследования лингвистов, также подтверждают наличие контактов между носителями пермских и иранских языков.

Местные племена, сыграв определенную роль в генезисе харинской традиции, позже полностью поглотят ее. К VII в. курганные комплексы исчезают с территории Верхнего Прикамья, эпоха Великих переселений завершается.

ГЛОССАРИЙ

Автохтонность — принадлежащий по происхождению данной территории, местный, коренной по происхождению.

Археологическая культура — совокупность археологических памятников (поселений, стоянок, городищ, могильников, святилищ, мастерских), существовавших в рамках одного исторического времени на единой территории (рассеянное или чересполосное расположение допускается как исключение), демонстрирующих определенную степень культурного своеобразия.

Грунтовые могильники — любая группа погребений, локализованных в пределах одного погребального поля и не имеющих надмогильных сооружений.

Ингумация — практика захоронения тела покойного в противоположность оставлению тела на поверхности и кремации. Захоронение могло совершаться в вырытой яме или склепе. Обычно для характеристики погребений используются термины «вытянутое» (линия позвоночника и кости ног параллельны), «слабо скорченное» (ноги согнуты, но не более чем на 90°), «сильно скорченное» (костяк согнут в бедрах и коленях более чем на 90°). Вытянутые погребения могли совершаться на спине, животе или на боку, скорченные — на спине или на боку.

Керамика — обожженная глиняная посуда.

Кремация — трупосожжение. Часто останки после сожжения помещались в погребальную урну.

Курганные могильники — захоронения покойников под курганными насыпями.

Миграция — перемещение населения с целью изменения места проживания.

Погребальный обряд — обряд погребения тела умершего человека. Погребальный обряд состоит из двух взаимосвязанных компонентов. Первый из них характеризует ритуальную сторону и включает набор одобренных традицией ритуальных действий, происходящих до похорон, в момент похорон и после них. Эти действия необходимы для перевода в потусторонний мир умерших членов общины, составляющих ее основное ядро и связанных общим родством. Второй компонент характеризует общественное положение умершего и состоит из набора материальных элементов, присущих погребальному обряду: погребального сооружения, набора инвентаря, позы умершего.

Ритуальная тризна — обрядовые действия и пиршество в память умершего.

Этногенез — исторический процесс происхождения этносов от их зарождения до формирования целостных этносоциальных организмов и их специфичных этнокультурных систем.

Электронное издание

Шмуратко Дмитрий Владимирович
Моряхина Кристина Викторовна

**ЭТНОГЕНЗ НАРОДОВ УРАЛА: ЭПОХА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ)**

Учебное пособие

*Направление подготовки «44.03.05 — Педагогическое образование
(с двумя профилями подготовки)»
Профили — «История и Обществознание», «История и Дополнительное образование
(музейно-экскурсионная деятельность)»*

Редактор *М.Н. Афанасьева*
Редактор электронных изданий *Д.Г. Григорьев*

ИБ № 967
Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Сибирская, 24, корп. 2., оф. 71
Тел. (342) 238-63-12
e-mail: rio@pspu.ru

Минимальные системные требования:
ПК, процессор Intel(R) Celeron(R) и выше, частота 2.80 ГГц;
монитор SuperVGA с разреш. 1280x1024, отображ 256 и более цветов;
1024 Mb RAM; Windows XP и выше; Adobe Reader 8.0и выше;
CD-дисковод, клавиатура, мышь